

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (46)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
председатель
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ,
заместитель
председателя
Россия, Москва
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ,
заместитель
председателя
Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва
заместитель
председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
заместитель
главного редактора
Россия, Москва
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Банашкевич М. Я.** кандидат исторических наук (PhD), научный сотрудник Ягеллонского университета, Польша, Краков
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса,
Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Гагуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, Доцент кафедры истории России XIX – начала XX века
МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика
Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ,
Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Москва
- Малышева О. Г.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных
славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних
веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы,
заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ
им. М. В. Ломоносова. Россия, Москва
- Пазин Р. В.** кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание
истории в школе», Россия, Москва
- Рогут Д.** доктор гуманитарных наук (PhD), профессор, заведующий кафедрой военной истории и оборонных
исследований Академии боевых искусств, Польша, Варшава
- Рокки Э. К.** магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.** кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской
истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.** кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории,
обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе
и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории
МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Омельяничук С. В. О чести и бесчестии женщины в Древней Руси	7
Дружинин А. А. Крестоцеловальные грамоты периода Смуты	24
Башмаков М. Б. Село Коломенское: от потешных маневров Петра I к реформированию русской армии и созданию флота.....	34
Арсланов Р. А. Эволюция взглядов русского либерала на реформы Петра I	46
Смолякова В. П. Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России.....	61
Халаев З. А. Джаро-белоканцы на военной службе Российской империи	72

Новейшая история России

Суздальцев И. А. IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе.....	85
Печерский В. А. Народные суды Красноярского края в послевоенный период (1945–1953 гг.)	97

Всеобщая история

Власов Н. А. Социальные представления и ценности в Средние века в работах историков школы «Анналов» М. Блока, Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревича	114
Крылова Ю. П. Между молчанием и многословием: речь придворной дамы эпохи Ренессанса.....	127
Рагимова А. Ф. Основные направления российско-китайского межкультурного диалога в начале XXI в. (к двадцатилетию «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»).....	139

Критика. Рецензии. Публицистика

Демидович Д. М. Рецензия на книгу: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. научных статей / отв. ред. и отв. сост. А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 252 с.	150
--	-----

Авторы номера

Требования к оформлению статей.....	157
-------------------------------------	-----

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

Omelyanchuk Svetlana V. On the honor and dishonor of a woman in Ancient Russia.....	7
Druzhinin Alexey A. Crossbowing charters of the times of Troubles.....	24
Bashmakov Mikhail B. The village of Kolomenskoye: from the amusing maneuvers of Peter I to the reform of the Russian army and the creation of fleet.....	34
Arslanov Rafael A. Evolution of the views of the Russian liberal on the reforms of Peter the Great	46
Smolyakova Victoria P. Fiction as a historical source for the study of pre-reform Russia	61
Khalaev Zakhid A. Jaro-Belokans in the military service of the Russian empire.....	72

Modern History of Russia

Suzdaltsev Ilya A. IV congress of the Comintern: features of the conducting and coverage in the communist press.....	85
Pechersky Vladimir A. People's courts of the Krasnoyarsk district in the post-war period.....	97

General History

Vlasov Nikita A. Social views and values in the Middle Ages in the works of historians of the “Annales” school M. Bloch, J. Le Goff and A. Ya. Gurevich	114
Krylova Yulia P. Between silence and verbosity: speech of a Renaissance court lady.....	127
Ragimova Afat F. The main directions of the Chinese-Russian intercultural dialogue at the beginning of the twenty-first century (to the twentieth anniversary of the “Treaty on good neighborliness, friendship and cooperation”).....	139

Criticism. Reviews. Publicism

Demidovich Darya M. Review of the book: The Revolution of 1917 in Russia: New approaches and views: collection of scientific articles / responsible editor and chief compiler A. B. Nikolaev. St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021. 252 p.....	150
---	-----

Authors of the Issue

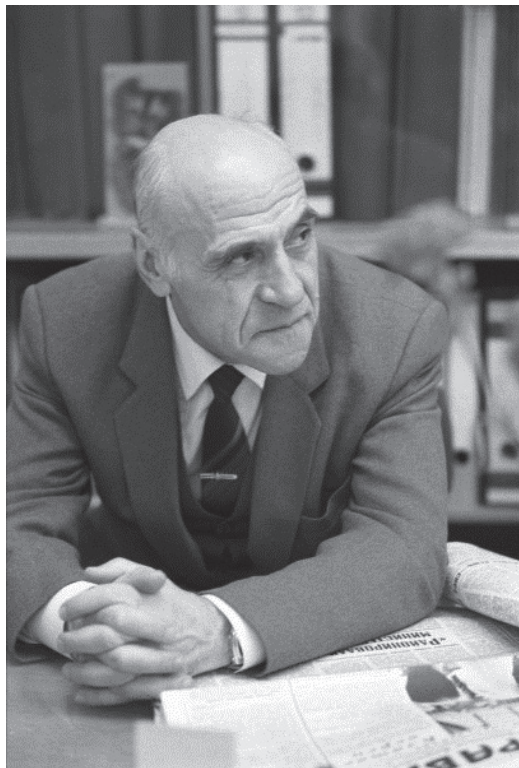
Requirements for the Style of Articles.....	157
---	-----

ГУСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

11–12 апреля 2022 г. в Московском городском педагогическом университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Гусевские чтения – 2022. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практика». Конференция была приурочена к 100-летию выдающегося советского и российского историка, основоположника научного направления по изучению непролетарских партий в России **Кирилла Владимировича Гусева**.

Инициаторами конференции выступили Департамент образования и науки города Москвы, парламентские библиотеки Государственной думы РФ и Московской городской думы, Военно-историческое общество РФ, широкий круг исследователей из ведущих научных и образовательных учреждений: Института российской истории Российской академии наук, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, редакции журнала «Историк», Ягеллонского университета в Кракове (Республика Польша).

Для участия в конференции было подано 175 заявок, в том числе российскими научными и педагогическими работниками — 43, обучающимися (аспиранты, магистранты, бакалавры) — 132. Ученые из США, Канады, Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана, Китая, Донецкой Народной Республики подали 11 заявок. Помимо московских участников форума (133 человека) были представители из 31 региона страны: Санкт-Петербурга, Череповца, Перми, Воронежа, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Сочи, Калуги, Казани, Владимира, Рязани, Ульяновска, Ярославля и др. Всего в работе конференции приняли участие 557 человек (офлайн и онлайн), в пленарном заседании — 220 человек.

В ходе пленарного заседания «Кирилл Владимирович Гусев: Гражданин. Ученый. Человек. К 100-летию со дня рождения» и работы шести секций обсуждались современные подходы к изучению проблем политической истории и культуры России, историография, источниковедение и методология политической истории России, политические институты и процессы в России в Новое и Новейшее время, современная гуманитаристика и политическая история России, отражение политической истории России в литературе и искусстве, проблемы преподавания политической истории.

Острые дискуссии разворачивались на площадках, организованных в формате паблик-тока: «Политические партии в истории России начала XX века» и «Начинающие исследователи об измерениях политической истории: идеология, политика, практика», — а также в ходе открытого заседания исторического клуба общеобразовательного частного учреждения «Газпром школа».

Материалы конференции будут изданы в виде сборника научных трудов. Лучшие статьи, отмеченные оргкомитетом конференции, будут опубликованы в ближайших номерах «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки».

Оргкомитет конференции

УДК 93.27: 316.36

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.01

Омельянчук Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Российский институт театрального искусства — ГИТИС

Москва, Россия

omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

О ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИИ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция представлений о женской чести в Древней Руси, формах бесчестия и способах защиты женской чести. Историографический анализ проблемы показывает, что в настоящее время она не получила окончательного разрешения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Понятие чести имело гендерную окраску и по отношению к женщине включало в себя представление о ее целомудренности и непорочности. В языческий период сохранению девущкой целомудрия не придавали какого-либо значения. Добрачный сексуальный опыт не вызывал общественного осуждения и не становился препятствием для вступления девушки в брак. Повредить ее репутации могло пренебрежение, выраженное женихом, отказавшимся от девушки после брачного сговора. На восприятие девичьей чести большое влияние оказало христианство, с принятием которого начинается процесс формирования новых норм морали, основанных на возвышении целомудрия. Представления о чести замужней женщины изменений не претерпели: от нее требовалось соблюдение безусловной верности своему супругу. Самыми распространенными видами бесчестия женщины на Руси были обвинение в распутном поведении, срывание головного убора, нанесение побоев посторонним мужчиной, склонение девушек к близости, изнасилование. В языческий период защита чести женщины осуществлялась ее семьей, с принятием христианства эта обязанность возлагалась на церковь и государство. В зависимости от тяжести ущерба нанесенного чести женщины виновники наказывались штрафами, битьем кнутом, ссылкой, помещением в монастырь. Степень ответственности за бесчестие женщины зависела и от социального статуса пострадавшей.

Ключевые слова: честь, бесчестие, Древняя Русь, целомудрие, верность, брак, семья, оскорбление, изнасилование.

Omelyanchuk Svetlana V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)
Moscow, Russia
omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

ON THE HONOR AND DISHONOR OF A WOMAN IN ANCIENT RUSSIA

Abstract. The article discusses the evolution of ideas about women's honor in Ancient Russia, the forms of dishonor and ways to protect women's honor. Historiographic analysis of the problem shows that at present it has not received a final resolution either in domestic or foreign literature. The concept of honor had a gender coloring and, in relation to a woman, included the idea of her chastity and purity. In the pagan period, the preservation of chastity by a girl was not given any importance. Premarital sexual experience did not cause public condemnation and did not become an obstacle for a girl to enter into marriage. Damage to her reputation could be the neglect expressed by the groom, who abandoned the girl after a marriage conspiracy. The perception of maiden honor was greatly influenced by Christianity, with the adoption of which the process of forming new moral norms based on the exaltation of chastity begins. Ideas about the honor of a married woman have not changed. She was required to maintain unconditional fidelity to her husband. The most common types of dishonoring a woman in Russia were accusations of dissolute behavior, tearing off a headdress, beating by an outsider, inducing girls to intimacy, and rape. In the pagan period, the protection of the honor of a woman was carried out by her family, with the adoption of Christianity, this duty was assigned to the church and the state. Depending on the severity of the damage inflicted on the woman's honor, the perpetrators were punished with fines, whipping, exile, and placement in a monastery. The degree of responsibility for dishonoring a woman also depended on the social status of the victim.

Keywords: honor, dishonor, Ancient Russia, chastity, fidelity, marriage, family, insult, rape.

Введение. В любом обществе существуют представления о чести как комплексе морально-нравственных качеств личности, достойных уважения со стороны других людей. Как верно отмечает Н. Л. Пушкарева, честь — это понятие, имеющее ярко выраженную гендерную окраску. Оно, как считает автор, возникает после формирования социального неравенства, поскольку гендерное неравенство исторически было первой формой социальной депривации¹. И в настоящее время «Большой толковый словарь русского языка», рассматривая понятие «честь», дает не только его общее определение, но и то, которое имеет отношение к женщине. Под женской честью в нем подразумевается «целомудрие, непорочность, девственность»².

¹ Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии в русском традиционном и писаном праве // Бытовое насилие в истории российской повседневности (X–XXI вв.): коллективная монография / общ. ред и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб., 2012. С. 12.

² Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1477.

В отечественной историографии заявленной проблемы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционный период внимание исследователей было обращено на изучение положения девушки и замужней женщины в семье и обществе как в языческий, так и христианский период³, а также правовой аспект защиты личности и имущества древнерусской женщины⁴.

В советской историографии историки очень редко затрагивали вопросы женской чести и делали это либо в рамках рассмотрения правового регулирования брачно-семейных отношений⁵, либо изучения семьи и брака в целом⁶. Первым исследованием, в котором были рассмотрены отдельные аспекты, касающиеся чести представительниц разных сословий древнерусского общества, стал труд Б. А. Романова⁷. Однако и в этой работе раскрытие проблемы женской части не выделялось из контекста изучения семьи, а основное внимание было уделено правовому аспекту вопроса.

В современной отечественной историографии проблемы женской чести и бесчестия рассматриваются в основном в рамках истории повседневности. Прежде всего хотелось бы выделить исследование Н. Л. Пушкаревой, в котором раскрывается положение женщины в древнерусском обществе и семье⁸. Отдельные вопросы женской чести и бесчестия затронуты в другой работе автора, посвященной практике позорящих наказаний для женщины в древнерусском традиционном и писаном праве⁹. Отражению взглядов на честь и бесчестие в русской литературе XI–XVII вв. посвящен труд Л. А. Черной¹⁰. В нем она рассматривает представление о чести в разных ее вариантах (князя, дружины, рода и т. д.), лишь вскользь затрагивая женскую честь. В рамках истории права затрагиваются вопросы борьбы церкви и государства с нарушением личных и имущественных прав женщин в Древней Руси¹¹.

В зарубежной историографии вопросы женской чести, изучаемые в контексте соблюдения нравственных норм поведения языческого и христианского общества, отражены в работе чешского слависта Л. Нидерле¹². Американские

³ Шульгин В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб., 1860; Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880.

⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894.

⁵ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁶ Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216–219.

⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966.

⁸ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

⁹ Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин... С. 11–51.

¹⁰ Черная Л. А. «Честь»: представление о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества / отв. ред. А. С. Демин. М., 1991. С. 56–84.

¹¹ Момотов В. В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX–XIV вв. Ростов-на-Дону, 1999; Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.

¹² Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.

исследовательницы Е. Левина и Н. Коллманн рассматривают женскую честь через призму сексуальных отношений в древнерусском обществе, уделяя особое внимание такому виду бесчестия, как покушение на половую неприкосновенность женщины¹³.

Ход и результаты исследования. Несмотря на то что ряд историков XIX в. утверждали, что славяне в языческий период окружали «высокими атрибутами девическую непорочность», придавали ей «священное» значение¹⁴ и требовали от невест доказательства их девственности¹⁵, есть основание предполагать, что подобное представление о женской чести не было свойственно древнерусскому обществу в дохристианский период.

Например, арабские источники сообщают нам о том, что незамужние славянки вели свободный образ жизни. Как пишет Казвини, «девицы у славян ходили с непокрытой головой, так что всякий мог их видеть. Кто чувствовал склонность к какой-либо из них, тот бросал ей покрывало на голову, и она становилась его женой без всякого прекословия»¹⁶. А, по словам Аль-Бекри, если славянская девушка «кого полюбит, то она к нему отправляется и у него удовлетворяет свою страсть». Более того, сохранение девственности воспринималось как серьезный порок. Если, сказано в известиях Аль-Бекри, после свадьбы мужчины «найдет свою жену девственной», он «прогоняет ее и отрекается от нее» со словами «если бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили бы тебя и ты избрала бы себе кого-нибудь, который бы тебя лишил невинности...»¹⁷.

О существовании практики свободного общения между полами, особенно в дни языческих праздников, свидетельствуют и отечественные источники. Так, «Летописец Переяславля-Суздальского», описывая нравы восточнославянских племен древлян, родимичей, вятичей и северян, сообщает о «игрищах меж сел», сопровождавшихся «плясаниями», на которых «познаваху котораа жена или девица до младых похотение имать, и от очного взорения, и от обнажения мышца и от пръсть ручных показания, и от пръстней даралагания на пръсты чужая, тажъ потомъ целованиа с лобзаниемъ и плоти съ срдцемъ ражегшися слагахоуся, иныхъ поимающе, другихъ поругавше, метааху на насмеание до смерти»¹⁸.

¹³ Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 гг. // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. ст. / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 1999. С. 239–491; Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

¹⁴ Шульгин В. Указ соч. С. 40; Дубакин Д. Указ соч. С. 76–77.

¹⁵ Карамзин М. Н. История государства Российского: в 12 т. / Академия наук СССР. Т. 1. М., 1989. С. 65.

¹⁶ Сказания иностранцев о быте и нравах славян: Рассуждение Викентия Макушева. СПб., 1861. С. 140–141.

¹⁷ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. Ч. 1. СПб., 1878. С. 56. (Приложение к XXXII-му тому Записок Имп. Академии Наук № 2).

¹⁸ Летописец Переславля-Суздальского. Составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 годов) / издан К. М. Оболенским. М., 1851. С. 3–4.

Значительный ущерб чести девушке в языческий период могло нанести пренебрежение, выраженное женихом, отказавшимся от нее после брачного сговора, сопровождавшегося обрядом разрезания сыра («про девку сыр краивши»). Учитывая, что подобное событие могло стать серьезной помехой для ее замужества в будущем, в Пространную редакцию Церковного устава князя Ярослава вошел дохристианский правовой обычай, обязывавший жениха, оставившего невесту после сговора о браке не только понести церковное («митрополиту 6 гривен») и светское («князь казнить») наказания, но и возместить деньги, потраченные на организацию празднества («что потеряно, тое заплатити»), а также компенсировать ущерб нанесенный чести девушки: «за сором ей 3 гривны»¹⁹.

По мнению американской исследовательницы Е. Левиной, этот языческий ритуал ставил девушку в двусмысленное положение, так как разрезание сыра женихом служило оскорбительным намеком на то, что невеста не сохранила девственность, а это подрывало ее репутацию. Необходимость компенсировать затраты на организацию сговора автор объясняет тем, что православные христиане не употребляли продукты, использованные для совершения языческого обряда, поэтому жених должен был возместить деньги, потраченные на испорченный сыр²⁰.

Однако, на наш взгляд, подобная интерпретация этой статьи Церковного устава князя Ярослава не совсем корректна. Она, с одной стороны, не объясняет, зачем девушке нужно было для сговора покупать сыр, который мог быть использован в порочащем ее честь обряде. А с другой, как было указано выше, — в языческий период сохранялось свободное общение полов и добрачный сексуальный опыт вряд ли мог ее скомпрометировать. По всей видимости, подобного рода отказ от заключения брака со стороны жениха заставлял окружающих думать, что у несостоявшейся невесты есть какой-то скрытый дефект, не различимый с первого взгляда и препятствующий рождению здорового потомства или участию женщины в хозяйственной жизни семьи. Именно такого рода подозрения, скорее всего, могли поставить крест на брачных перспективах девушки.

Вольности в общении с противоположным полом, позволительные для девушки, были категорически неприемлемы для замужней женщины. В языческий период от жены требовалось безусловное сохранение верности своему супругу, о чем свидетельствуют многочисленные иностранные источники. Например, арабский писатель Аль-Бекри, описывавший свободные нравы славянских девушек, пишет, что «женщины из (славян), когда выйдут замуж, не прелюбодействуют»²¹. А византийский император Маврикий в своем «Стратегиконе» обращает внимание на то, что «скромность славянских женщин

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 191.

²⁰ Левина Е. Указ. соч. С. 361–362.

²¹ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 56.

превышает всякую человеческую природу»²². И даже немецкий епископ Бонифаций, относившийся к славянам с большим предубеждением, характеризуя их как «народ мерзкий и самый дурной», вынужден был признать, что в браке они соблюдают верность и супружескую любовь²³.

Однако, несмотря на столь лестные характеристики славянских женщин, по всей видимости, бывали случаи, когда они совершали поступки, противоречащие представлениям о чести. Так, в одной из самых древних русских былин «Святогор и Илья Муромец» рассказывается о том, как во время сна Святогора его красавица жена встретила в чистом поле Илью Муромца и потребовала от богатыря «сотворить» с нею любовь, а в случае отказа грозила разбудить мужа и сказать ему, что Илья насильно ее «в грех ввел». И пришлось Муромцу, как говорит былина, сделать «дело повеленное»²⁴. В былине «Чурила Пленкович и Катерина» Чурила «похаживает» к молодой жене Пермьты Ивановича. И тот застаёт Чурилу в тесовой кровати своей супруги²⁵. Запятнав свою честь, изменница жена бесчестила и своего супруга. За такой проступок в языческий период оскорбленный муж мог убить и жену, и ее любовника. Святогор, обнаружив у себя в кармане Илью Муромца, долго выспрашивал у Ильи, кто он такой и как «попал к нему в глубок карман». А после того как «Илья ему сказал все по правде и по истине», Святогор жену свою богатырскую убил, а с Ильей поменялся крестами и назвал меньшим братом²⁶. Ситуация с Чурилой Пленковичем была настолько однозначной, что заставший любовников Пермьта Иванович убивает сначала Чурилу, а потом и неверную жену²⁷.

После принятия христианства в древнерусском обществе начинается процесс формирования новых норм морали, основанных на возвеличивании целомудрия. «Много убо наипаче почтено есть девство...» — указывалось в грамоте константинопольского патриарха Луки Хрисоверга великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому²⁸. Сохранение девушкой непорочности до брака с христианской точки зрения составляло не только ее личную честь, но и честь семьи: «Дщери ли имаши, то положи на них грозу свою, да соблюдеши я в телесных и не усрамится лице твое, аще бес порока отдаси дочь свою, и среди собора похвалишися о ней» — говорилось в «Слове к родителям о наказании-научении детей» Иоанна Златоуста²⁹. Именно на родителей возлагалась обязанность воспитать дочь в соответствии с правилами благочестия. Древнерусские поучения настойчиво рекомендуют во избежание всяких

²² Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1 (14). С. 253.

²³ Сказание иностранцев о быте и нравах славян. С. 141.

²⁴ Былины / сост. В. И. Калугин. М.: Современник, 1991. С. 53.

²⁵ Свод русского фольклора: в 25 т. Т. 1. Былины. М., 2001. С. 640–641.

²⁶ Былины. С. 53.

²⁷ Свод русского фольклора. С. 642.

²⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI–XV в.). СПб., 1880. Стб. 70–71. (Русская историческая библиотека; 6).

²⁹ Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 126.

соблазнов держать дочь в строгости. «Лучше есть кому имети козу во дворе, нежели дочь велику не в грозе. Коза бо по улицам ходит — млеко в дом приносит, а велия (большая, взрослая) дочь если начнет часто из дому исходити, то велий срам и бесчестье отцу и матери, и всему роду принесет» — написано в «Книге о злонравных женах»³⁰. С целью сохранения девичьей чести дочери родители или замещающие их родственники, особенно в состоятельных и знатных семьях, прилагали усилия, направленные на ограничение свободы незамужней девушки. Вероятно, это и послужило причиной появления пословицы: «Держи денежку в котомочке, а девушку в потемочке»³¹.

О том, насколько большое значение честное имя девушки приобретает для семьи, свидетельствуют и популярные на Руси былины. Так, в былине «Алеша Попович и сестра Петровичей» братья хвастаются на пиру не золотой казной, не быком кормленным, не конем езжалым, а безупречной репутацией своей сестры Елены, которую никто не видел «в одной рубашечке, а в одной рубашечке, без поеса, а в единых чулочиках, без чоботов». И когда они узнали о том, что «Олешенька Попович сын» видел их сестрицу в таком виде, то впали в «кручинушку великую» и так разгневались на сестру, что хотели «рубить да ейну голову». И действительно не сносить бы Елене Петровне головы, если бы Алеша Попович не похитил ее и не обвенчался с ней в Божьей церкви³².

О повышении статуса девственности в глазах общественности свидетельствует появление свадебного ритуала, связанного с демонстрацией признаков целомудрия новобрачной. Раскрывая подробности русского свадебного обряда XVI–XVII вв., Н. И. Костомаров пишет, что на следующий день после бракосочетания жена в сопровождении свахи и свекрови шла в баню, где на рубашке демонстрировала признаки своего целомудренного поведения. Если же новобрачная не сохранила невинность, ее родителей ожидал позорящий ритуал, в ходе которого отец мужа подавал им проверченный снизу кубок, наполненный вином, заткнув отверстие пальцем. Когда сват брал кубок, отец жениха отнимал палец и вино проливалось на одежду. Сопровождался этот ритуал насмешками со стороны гостей³³. Кроме того, далеко не каждый муж был готов сразу после свадьбы выносить сор из избы и оповещать родственников и знакомых о том, что «невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила». Поэтому, как пишет Г. Котшихин, чаще всего разочарованный жених отцу и матери ее «за то пенял потиху»,

³⁰ Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников: «Книга о злонравных женах, зело потребна, а женам досадна» // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / изд. подгот. Н. Л. Пушкирева, Л. В. Бессмертных. Кн. 1. М., 2004. С. 263.

³¹ Буслаев О. Русские пословицы и поговорки (Дополнения к изданию И. Снегирева: «Русские народные пословицы и притчи». Москва, 1848 года) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина вторая. М., 1854. С. 93.

³² Былины. С. 343–347.

³³ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 171–172.

но и к «царю челом ударить» с женой не ехал, потому как «царю до его приезде объявят, и он его к себе на очи пустить не велит»³⁴.

Но, невзирая на всю строгость христианских поучений, удержать девушку, особенно из простого сословия, и оградить ее целомудрие от испытаний, связанных с сохранением языческих пережитков, было очень сложно. И после принятия христианства языческие праздники отмечались с широким размахом и с сохранением их оргиастической составляющей. В конце XIII в. митрополит Кирилл писал в своей грамоте, что «в субботу вечер собираются в купь мужи и жены, и играют и пляшут и бестудно, и скверну деют в ночь святого воскресения, яко Дионусов праздник празднують, вкупе мужи и жены, яко и кони вискают и ржут и скверну деют»³⁵. Эти пережитки древних языческих празднеств и связанных с ними обрядов сохранялись и в XV в. Составители Стоглава с возмущением пишут, что на Троицу (языческие Русалии), Иванов день, Рождество Христово и другие религиозные праздники «сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание и на безчинный говор и на бесовские песни и на плясания и на скакания и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение и девам растление»³⁶.

Утрата невинности девушкой, которая могла стать закономерным итогом ее участия в традиционных гуляниях, не служила препятствием к заключению брака. Исключение составляли только представители духовенства. Их жены обязаны были до свадьбы сохранять девственность. Митрополит Киевский Георгий в своем сочинении «Стязанье с латиною» писал по этому поводу: «Подьяконы и дяконы и попы ставити, законным браком первым поемашая жены девами...»³⁷. На вопрос священника Кирика, что делать дяку, если окажется, что его супруга «есть не девка», митрополит новгородский Нифонт отвечал однозначно: «Поустивъше...», т. е. развестись³⁸.

Внедрив жесткие представления о необходимости сохранения девственности у жен клириков, церковь продолжала бороться и за распространение этого положения среди мирян. Как свидетельствуют древнерусские епитимийники, один из самых распространенных вопросов, задаваемых священником женщине во время исповеди, был направлен на выяснение того, соблюла ли она свою девичью честь до брака или нет: «Или в девстве блуд творила еси»³⁹. И если на исповеди перед венчанием невеста признавалась в том, что «погоубле девство», на нее налагалась годичная епитимия («год за се опитемы») ⁴⁰.

³⁴ Котошихин Г. О. России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 173.

³⁵ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 100.

³⁶ Стоглав. Казань, 1862. С. 188–189.

³⁷ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования: Труд В. Н. Бенешевича: в 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР, Болг. акад. наук. Ин-т истории. Т. 2. София, 1987. С. 277.

³⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

³⁹ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894. С. 163.

⁴⁰ Смирнов С. И. Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 68.

Если просто утрата невинности девушкой влекла за собой только наложение епитимии, то неупорядоченная половая жизнь незамужней девицы («Аще же девка блядеть») или рождение ею внебрачного ребенка («или дѣтя добудеть у отца, у матери»), как свидетельствует ст. 5 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава, могли привести к помещению виновной в монастырь («обличивше, пояти ю в дом церковный»)⁴¹. А это становилось непреодолимым препятствием для вступления в брак.

После принятия христианства, по мнению Н. Л. Пушкаревой, верность становится неотъемлемой частью представления о чести замужней женщины и превращается в одно из структурообразующих понятий ментальности⁴².

Церковь, стоявшая на страже христианских представлений о семье и браке, активно боролась против супружеской неверности. Церковный устав князя Ярослава признавал супружескую измену женщины достаточным поводом для развода: «Оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинить на ню послухы и исправу, разлучити»⁴³. Эта же позиция отражена и в более позднем документе «А се есть правосудие митрополичие», в котором указано: «застанет мужь жену свою с чюжим мужем, а учинит исправу на нее, разлучити их»⁴⁴. В 1683 г. заплечных дел мастер Василий Кычкин подал челобитную о расторжении его брака («а я де впредь ей не мужь и она де мне не жена») с женой Анницей по причине того, что она изменяла ему с казаком «Офонкою Антоновым». Эта просьба была удовлетворена митрополитом Сибирским и Тобольским Павлом⁴⁵. На практике церковные постановления, дававшие мужу право расторгнуть брак с изменщицей, не обязывали его делать это. В указанном случае взаимная неприязнь супругов достигла такой высокой степени, что церковные власти предпочли расторгнуть брак, «чтоб у них меж себя убийства и никакого дурна не было»⁴⁶. Только священнослужители обязаны были развестись с женами, допустившими измену, в противном случае они утрачивали свой сан. На вопрос священника Кирика: «А оже от попа или от дьякона попадья сътворить прелюбы?» — новгородский епископ Нифонт отвечал: «А поустивъ ю, рече, държати свой санъ»⁴⁷.

Супружеская измена могла быть достаточным основанием для пострижения неверной жены в монастырь. Статья 10 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава предусматривала, что в случае, если «поидеть жена от своего мужа за иныи муж или иметь блясти от мужа, ту жену понятии в дом церковный»⁴⁸. И, как указывает Олеарий, мужья часто злоупотребляли этой

⁴¹ Российское законодательство X–XX веков. С. 190.

⁴² Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин... С. 17.

⁴³ Российское законодательство X–XX веков. С. 192.

⁴⁴ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. М., 1955. С. 426.

⁴⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 641–642.

⁴⁶ Там же. Стб. 642.

⁴⁷ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

⁴⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 190.

возможностью расторгнуть брак, нанимая за деньги негодяев, которые свидетельствовали в суде против их жен, указывая, что застали ее «при блуде»⁴⁹.

Духовенство указывало на то, что бесчестное поведение замужней женщины могло стать препятствием к спасению ее души. Агиографическое произведение «Хождение Богородицы по мукам» рисует яркую картину тех страданий, которые ждут неверных жен в преисподней: «И виде святая реку огненную, и видение реки тоя яко кровь тякущи, и пояда всю землю, и посреде волны тоя множество грешник. И видевшее Богородица прослезися и рече: “Что есть согрешение их?”. Рече архистратиг: “То суть блудницы и любодеицы...”»⁵⁰. Но знакомство с подобного рода произведениями было доступно только небольшому числу образованных женщин, принадлежавших к высшим слоям древнерусского общества. Большинство же жен духовные последствия своего дурного поведения могли осознать только во время исповеди. Один из самых распространенных вопросов, задаваемых священником своим прихожанкам, был связан с соблюдением супружеской верности: «Или от мужа соблудила», «А от своего мужа блуд сътворила»⁵¹. В зависимости от обстоятельств, при которых могла произойти супружеская измена, на женщину налагалась суровая епитимия на срок от трех до восьми лет⁵².

В XVII в. в отношении нарушителей семейной чести широко применяются методы физического наказания. Так, Г. Котошихин пишет, что людей, которые «воруют с чужими женами и з девками... обоих и мужика, и женку... водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом»⁵³. О том, что замужних женщин за прелюбодеяния наказывали кнутом, упоминает и Олеарий⁵⁴. Слова указанных авторов подтверждает актовый материал: неверная жена уже упомянутого ранее заплочных дел мастера Василия, Кычкина Анница, была бита кнутом, такому же наказанию подвергся и казак Офонка Антонов, «в блудном деле» с которым Анница была замешана⁵⁵.

Под бесчестием женщины на Руси подразумевалось обвинение ее в нецеломудренном поведении, прелюбодеянии или покушение на ее половую неприкосновенность.

Самым распространенным оскорблением в адрес женщины было называние ее «блядию». Как пишет М. М. Абрашкевич, это понятие подразумевало не единичную связь, а многократные внебрачные половые контакты или постоянное сожительство⁵⁶. Подобное обвинение бесчестило не только женщину, но и ее отца, мужа, всю семью, которую она представляла.

⁴⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 221.

⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вып. 2: XII в. М., 1980. С. 174.

⁵¹ *Алмазов А.* Указ. соч. С. 160, 163.

⁵² Там же. С. 160, 163; *Смирнов С. И.* Указ. соч. С. 151, 242.

⁵³ *Котошихин Г. О.* Указ. соч. С. 131.

⁵⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 220.

⁵⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Стб. 642.

⁵⁶ *Абрашкевич М. М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: историко-догматическое исследование. Одесса, 1904. С. 498.

В языческий период защита женщины обеспечивалась силами ее родни. Это явление в какой-то степени сохранялось и в позднейшие периоды. Об этом может свидетельствовать, например, новгородская грамота № 531, датируемая XII–XIII вв. В ней некая Анна вместе с дочерью в отсутствие мужа Федора распорядились деньгами Коснятина, чем вызвали гнев обоих мужчин. Коснятин обозвал Анну «коровою», ее дочь «блядью», а Федор выгнал жену из дома и даже хотел убить. В сложившейся ситуации единственным человеком, который мог бы вступить за женщин, был брат Анны Климьята, к которому она обращается с просьбой защитить ее честь и честь ее дочери перед Коснятином («Господин брат позаботься о моем деле перед Коснятином»)⁵⁷.

С принятием христианства обвинение в несоблюдении целомудренности, брошенное в адрес девушки, могло стать препятствием для ее вступления в брак. В случае же, если женщина была замужем, — привести к семейным разногласиям, скандалам и даже расторжению супружества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «урекание» (бранное, клеветническое оскорбление) в распутном поведении Церковный устав князя Владимира отнес к компетенции церковного суда, как и другие вопросы, связанные с регулированием брачно-семейных отношений⁵⁸.

Чем глубже христианство входило в сознание русского человека, тем большее внимание уделялось незапятнанной репутации девушки. Наверное, поэтому в Судебнике 1589 г. среди других категорий населения, подвергшихся бесчестию, отдельно выделяется «девица». В указанном документе она, с одной стороны, приравнена к представителям клира — «игумену, чернцу и чернице», а с другой — к наименее защищенным представителям общества — «вдове... и нищему человеку». Степень ответственности за бесчестие девушки определял «святитель»⁵⁹. Уже в XVII в. Соборное уложение поставило девичью честь под защиту государства. В соответствии со статьей 99, если кто «обезчестит непригожим словом чью... дочь девку», то он независимо от чина оскорбленной обязан был «по суду и по сыску» выплатить за бесчестье «дочери девке» штраф в четыре раза больше оклада или бесчестья ее отца («против отцова оклада в четверо»)⁶⁰. Защищалась честь девушки и от наветов со стороны несостоявшихся женихов. Г. О. Котошихин пишет, что если жених, удостоенный чести видеть свою невесту на смотринах, впоследствии отказывался от нее и начинал ее «хулить и поносить худыми и позорными словами», отбивая других женихов, то по жалобе родителей обиженной девушки патриарх или власти принимали решение «женить его на ней силою», а если

⁵⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 г.). М., 1978. С. 133.

⁵⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 251.

⁵⁹ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV–XVII вв. М., 1956. С. 420.

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 92.

он уже вступил в брак, то заплатить за бесчестье («на немъ той невесте возмутъ бесчестье, по указу»)⁶¹.

Оскорбление, нанесенное замужней женщине, в особенности обвинение в распутном поведении, затрагивало не только ее честь, но честь ее мужа, поэтому церковь брала честное имя женщины под свою защиту, наказывая обидчика значительными штрафами в пользу семьи пострадавшей и митрополита. При определении суммы взыскания учитывалось социальное положение оскорбленной. В соответствии со статьей 30 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава «аще кто зоветь чюжую жену блядию, а будеть боярская жена великих бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнить; а будеть меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; оже будеть городских людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце — 60 резан, а митрополиту 3 гривны»⁶². Обращает на себя внимание тот факт, что в случае нанесения оскорбления боярской жене законодатель предусматривал не только самый высокий штраф, но и наказание со стороны светских властей («князь казнить»).

Практика дифференцированного наказания за бесчестье в зависимости от социального статуса была закреплена в русском законодательстве и в дальнейшем. При этом Судебник 1550 г. устанавливает сумму взыскания за бесчестье женщины в два раза выше, чем сумму штрафа, назначаемого за оскорбление мужчины: «А безчестие детем боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленье доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколько которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья. А дьяком полатным и дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их безчестья. А гостем болшим безчестья пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людем и посадцким людем и всем середним безчестья пять рублей, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублей, опричь тиунов и доivotчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене его безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчому или черному городскому человеку молодчому безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое»⁶³. Указанная статья нашла свое отражение и развитие в более поздних памятниках русского права, таких как Судебник 1589 года, Сводный судебник 1606–1607 годов, а также в Соборном уложении 1649 г.⁶⁴

Под нарушением половой неприкосновенности подразумевались любые действия насильственного характера, направленные против женщины и наносящие ущерб ее чести. К ним можно отнести прилюдное срывание головного

⁶¹ Котошихин Г. О. Указ. соч. С. 177–178.

⁶² Российское законодательство X–XX веков. С. 191.

⁶³ Памятники русского права. Вып. 4. С. 238–239.

⁶⁴ Там же. С. 419–421, 500; Памятники русского права. Вып. 6. С. 92.

убора («оже съгренеть чюжее жене повои с головы или дщъри, явится просто-волоса») или нанесение побоев чужой жене («Аще который муж бьетъ чюжою жену»). В обоих случаях пострадавшим выплачивалась денежная компенсация «за сором»⁶⁵.

Склонение девушки к близости или изнасилование считались наиболее тяжкими преступлениями против ее чести. Законодательство строго относилось к растлителям девиц, особенно не достигших 13 лет. По всей видимости, это связано с тем, что в столь юном возрасте девочки не отдавали полный отчет в своих действиях, поэтому основной грех ложился именно на мужчину. Византийские правовые памятники приговаривали такого преступника к отрезанию носа и передаче половины его имущества пострадавшей⁶⁶. Древнерусское церковное законодательство в этом отношении было намного мягче. «Правило “Аще двоженец”» в случае «Аще кто девицу растлит прежде возраста 13 лет» рекомендует скрепить их связь браком и тогда «аще же пойметъ ю, нет греха». Если же виновник раскаивается в содеянном, но от брака отказывается — наложить на него епитимию сроком на три года. Ну а в случае, когда растлитель «не кается ни поймаеъ ея», отнять у него половину имущества в пользу обещанной девицы («отяти пол имения и дати девици тои за срам») ⁶⁷. Кроме того, блудивший с девицей, независимо от ее возраста, в будущем уже не мог претендовать на священнический сан. На вопрос Кирика: «А оже девкоу растлить и паку ся оженить иноу, достоить ли поставити» — митрополит Нифонт отвечал: «Чистоу быти и ономоу и оной»⁶⁸.

К XVII в. вопросы, связанные с растлением девиц, начинают рассматриваться и светской властью. Чаще всего подобного рода преступников наказывали ссылкой. Однако строгость наказания могла зависеть от социального статуса обещанной девицы. Так, боярский сын Дмитрий Рахманинов за растление дворовой девки Устюшки был сначала приговорен к ссылке, но впоследствии приговор был значительно смягчен, и Дмитрий был отправлен на службу в полк⁶⁹.

Наверное, самым вопиющим случаем попытки изнасилования, нашедшим отражение в Софийской первой летописи, стало событие, произошедшее в Торжке в 1406 г., когда князь Юрий Святославич Смоленский «уязвися окаянным своим хотением» на супругу князя Семена Мстиславовича Вяземского Ульяну. Но когда князь Юрий Смоленский попытался взять Ульяну силой,

⁶⁵ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII–XV вв. М., 1953. С. 126; Российское законодательство X–XX веков. С. 191.

⁶⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 71; «Книги законныя» содержащие в себе, в древне-русском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. Павлов. СПб., 1885. С. 74.

⁶⁷ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 66.

⁶⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2: 1827 г. СПб., 1830. С. 672.

она «иземши нож удари его в мышцу на ложи его». Как свидетельствует летопись, гнев князя был страшен: сначала он приказал убить князя Семена Вяземского («он же възъярився вскоре сам князя ея уби»), а потом жестоко расправится с Уल्याной («а самой руки и ноги повеле отсеци и воверичи в реку»). Этим поступком, указывает летописец, Юрий Святославич обесчестил себя («бысть ему в грех и в студ великий»), и осознав это, бежал в Орду: «и сбежа к орде, не терпя горкаго своего безъверемия и безчестия»⁷⁰.

Учитывая всю тяжесть этого преступления, вопросы, связанные с изнасилованием, подлежали двойной юрисдикции — церковной и светской. Уже Церковный устав князя Ярослава предусматривает введение высоких штрафов за этот вид преступления и дифференциацию наказания в зависимости от социального статуса обесчещенной: «Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту — гривна золота; нарочитых людей — два рубля, митрополиту два рубля; простые чади — 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель»⁷¹. Кроме того, церковь предусматривала необходимость женитьбы насильника на обесчещенной им девице в случае, если она была обручена, независимо от ее имущественного статуса: «Аще кто девицу обручену ноужю иметь не лет же емоу иноа пояти но тоу имети женоу, аще и нища есть»⁷².

Иностранцы за совершение подобного рода преступления подлежали только княжеской юрисдикции. В старейшем из дошедших до нас договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. указывалось, что в случае если иноземец «пошибает мужеску жену любо дчьрь», то выплачивает князю штраф «40 гривен ветхими кунами» и компенсирует бесчестье пострадавшей «жене или мужское дчери 40 гривен ветхими кунами»⁷³. В XIII в. похожий договор был заключен Смоленском с Ригой и Готским берегом. В соответствии с договором от 1229 г. за «насилие над волною женою» с безупречной репутацией налагался штраф «5 гривен серебра за сором», который позднее был увеличен вдвое до 10 гривен серебра⁷⁴.

Древнерусское церковное и светское законодательство брало под свою защиту честь не только свободных, но и зависимых женщин. В статье 14 договора Новгорода с Готским берегом говорилось: «Оже кто робу повержетъ насильем, а не соромить то за обиду гривна». Но, если насилие сопровождалось бесчестьем («паки ли соромить») — «роба» получала свободу⁷⁵. В договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, за «насилие над робою», устанавливался штраф в размере «гривна серебра за сором»⁷⁶. Церковь могла вмешаться

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 5. V. VI. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 256.

⁷¹ Российское законодательство X–XX веков. С. 189–190.

⁷² Смирнов С. И. Указ. соч. С. 50.

⁷³ Памятники русского права. Вып. 2. С. 125.

⁷⁴ Там же. С. 62, 75.

⁷⁵ Там же. С. 126.

⁷⁶ Там же. С. 62, 75.

и в частновладельческие отношения, если собственник нарушал церковные запреты на внебрачные связи и принуждал рабынь к сожителству. Так, в случае если «кто с робой своею блуд по ноужи створить», в результате чего родится ребенок, «да свободит робу тоу»⁷⁷.

Со временем наказание за изнасилование становится все более суровым. Преступник обычно приговаривался к ссылке, битью кнутом, выплате компенсации за бесчестье или отправке в монастырь. При этом ответственность за содеянное возлагалась не только на насильника, но и его пособников. Так, в 1687 г., рассмотрев дело о «блудном насиловании» девки Маврутки, «Великие Государи указали и Бояре приговорили», главному виновнику Степану Коробьину «учинить наказанье ж, бить кнут, да на нем же Степане доправить денег пять сот рублей, а доправя отдать девке Маврутке за бесчестье ее на приданое, и послать его Степана под начал в Соловецкой монастырь до указу». Однако позднее наказание Коробьину было смягчено и ссылка в Соловецкий монастырь отменена. Подельники Степана — Сережка Морев, солдатская жена Катеринка — за то, что «умысля воровски» обманом заманили к себе в гости Маврутку, были приговорены к битью кнутом. После чего Сережка Морев с женой и детьми был сослан в «Сибирские города на вечное житье». Катеринку от ссылки спасло то, что она как замужняя женщина на могла быть сослана отдельно от супруга, а мужей «за женино воровство в ссылку не ссылают»⁷⁸.

Ответственность за изнасилование целиком и полностью возлагалась на мужчину. Опираясь на авторитет святого Василия, митрополит Иоанн в своих канонических ответах (конец XI в.) настаивал на том, что женщины «нужею бывающая тли неповинни бывають»⁷⁹. Это же правило нашло свое подтверждение и в XV–XVI вв.: «А иже в рати жены осквернены или понасилены от кого, тако же и девица, аще по ноужи осквернены, за то им опитемыи нет»⁸⁰.

Заключение. Таким образом, понятие женской чести с древнейших времен включало в себя суждение о целомудренности и непорочности. В языческий период общество не требовало от девушки сохранения девственности до брака. Ущерб девичьей чести мог нанести отказ жениха от женитьбы после процедуры сговора, свидетельствующий о наличии у девицы каких-либо серьезных изъянов. С принятием христианства на Руси начинается процесс формирования новых норм морали, восхваляющих целомудрие. Однако в связи с сохранением многочисленных языческих пережитков церкви пришлось приложить значительные усилия, чтобы внедрить в сознание древнерусского общества идею необходимости сохранения девушкой невинности до вступления в брак. Представление о чести замужней женщины были одинаковыми как в языческий, так и в христианский период. От женщины требовалось соблюдение безусловной верности своему супругу.

⁷⁷ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 48.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. С. 906–907.

⁷⁹ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 14–15.

⁸⁰ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 91.

Самыми распространенными видами бесчестия женщины на Руси были обвинение в распутном поведении, срывание головного убора, нанесение побоев посторонним мужчиной, склонение девушек к близости и изнасилование. Учитывая, что эти действия могли стать препятствием для вступления в брак незамужней девушки или привести к распаду уже существующую семью, сначала церковь, а потом и государство взяли честь женщины под свою защиту. Клеветники, растлители, насильники должны были выплачивать значительные штрафы за бесчестье, нанесенное девушкам и женщинам. Склонение девушки к близости могло, помимо прочего, закончиться ссылкой для виновного или стать препятствием в будущем для получения им духовного сана. В случае же изнасилования преступник дополнительно приговаривался к битью кнутом и помещению в монастырь. К ответственности привлекались и его сообщники.

Литература

1. Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
2. Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 / пер. с англ. В. В. Львова // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. статей / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: Ладомир, 1999. С. 239–491.
3. Момотов В. В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX–XIV вв. Ростов-на-Дону: Зерцало, 1999. 280 с.
4. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.
5. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
6. Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии в русском традиционном и писаном праве // Бытовое насилие в истории российской повседневности (X–XXI вв.): коллективная монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012. С. 11–51.
7. Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества / отв. ред. А. С. Демин. М.: Наука, 1991. С. 56–84.

References

1. Kollmann N. Soedinennye chest'iu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni [United by honor. State and society in early modern Russia]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 459 p. (In Russ.).
2. Levina E. Seks i obshchestvo v mire pravoslavnykh slavian 900–1700 [Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs 900–1700] // A se grekhi zlye, smertnye...»: Liubov', erotika i seksual'naia etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaiia polovina XIX v.): sb. statej / pod red. N. L. Pushkareva. Moscow: Ladomir, 1999. P. 239–491. (In Russ.).
3. Momotov V. V. Formirovanie sem'i i braka v russkom srednevekovom prave IX–XIV vv. [Formation of the family and marriage in Russian medieval law of the 9th – 14th centuries]. Rostov-na-Donu: Zertsalo, 1999. 280 p. (In Russ.).

4. Nizhnik N. S. *Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii* [Legal regulation of family and marriage relations in Russian history]. St.-Peterburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2006. 272 p. (In Russ.).

5. Pushkareva N. L. *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl', 1989. 286 p. (In Russ.).

6. Pushkareva N. *Pozoriashchie nakazaniia dlia zhenshchin: istoki i posledstviia gendernoi asimmetrii v russkom traditsionnom i pisanom prave* [Disgraceful punishments for women: the origins and consequences of gender asymmetry in Russian traditional and written law] // *Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (X–XXI vv.): kollektivnaia monografiia / obshch. red. i sost. M. G. Murav'evoi, N. L. Pushkarevoi*. St.-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. P. 11–51. (In Russ.).

7. Chernaia L. A. «*Chest'*»: predstavlenie o chesti i beschestii v russkoi literature XI–XVII vv. [“Honor”: the idea of honor and dishonor in Russian literature of the XI–XVII centuries] // *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva / otv. red. A. S. Demin*. Moscow: Nauka, 1991. P. 56–84. (In Russ.).

УДК 93

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.02

Дружинин Алексей Александрович

аспирант

школа № 109

Москва, Россия

alexei.7676@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3054-583X

КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ ПЕРИОДА СМУТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения государей и подданных Московского царства в период системного кризиса Смутного времени начала XVII в. сквозь призму присяжных грамот, отражающих опасения и надежды субъектов и объектов присяги. В ходе исследования было выявлено, что присяжные грамоты указанного периода являлись инструментом укрепления и легитимации власти часто сменяющихся государей, их попыткой заручиться самыми весомыми в глазах подданных основаниями для обретения стабильности и династической преемственности.

Ключевые слова: смута, присяжные грамоты, легитимация власти, крестоцеловальные записи, самозванство, Земский собор.

Druzhinin Alexei A.

Postgraduate student

School № 109

Moscow, Russia

alexei.7676@mail.ru; ORCID: ORCID: 0000-0003-3054-583X

CROSSBOWING CHARTERS OF THE TIMES OF TROUBLES

Abstract. The article discusses the relationship between the sovereigns and subjects of the Moscow kingdom during the period of the systemic crisis of the time of the beginning of the XVII century through the prism of crossbowing charters, reflecting the fears and hopes of subjects and objects of the oaths. In the course of the study, it was revealed that the oaths of the specified period was a tool for strengthening and legitimizing the power of frequently replacing sovereigns, their attempt to enlist the most weighty in the eyes of subjects to gain stability and dynastic continuity.

Keywords: Times of Troubles, oath charters, legitimation of power, Crossbowing records, impostability, Zemsky sobor.

Введение. Уже в древний период русской истории обряд целования креста носил сакральный характер: крестоцелованием скреплялись важнейшие договоры, и в том числе присяги. Со временем, по мере эволюции властных отношений в Русских землях, а впоследствии и в Московском царстве, тексты крестоцеловальных грамот менялись, отражая изменения политической конъюнктуры, идеологии, отношения вассалов (позже — подданных) к сюзерену (государю) и, напротив, главы государства к своим подданным. Вот почему особенный интерес вызывают крестоцеловальные грамоты периода Смуты, поскольку события в Московском государстве в это время сменяются с калейдоскопической быстротой, а вышеозначенные документы отражают восприятие их современниками. Так, в грамотах зафиксированы опасения новых государей лишиться власти и надежды народа на прекращение длительного периода хаоса и возвращение стабильности. Эти опасения и надежды находят отражения в присягах, рассылаемых по городам и весям страны. Несмотря на научную актуальность темы взаимоотношений подданных и политической элиты в период Смутного времени, анализу присяг отведено весьма скромное место на периферии исторических исследований, что обусловило цель данной статьи — проследить эволюцию присяги в период Смуты и определить ее роль как во взаимоотношениях государей и подданных, так и в попытках новоявленных государей укрепить свою власть.

В современной научно-исторической литературе отсутствуют работы, где комплексно исследовалась бы проблематика крестоцеловальных записей как актов, отражающих эволюцию взаимоотношений государя и подданных, однако анализ этих документов в целом нередко встречается в монографиях и статьях, особенно в новейшей историографии. В ранней дореволюционной исторической литературе присяжные грамоты фигурировали лишь как дополнительные источники, не будучи объектом исследования. Так, Н. М. Карамзин отмечает, что впервые формулировка «Божиею милостью...» встречается в крестоцеловальных записях Юрия Звенигородского¹, однако не пытается проанализировать значение этого явления, ограничившись констатацией факта. Таким же образом к крестоцеловальным записям подходят и прочие исследователи XIX в.: упоминается сам факт существования крестоцеловальных записей без попытки их анализа у Д. И. Иловайского² и М. К. Любавского³. Выделяет «поручные записи» в своей «Истории России с древнейших времен» и С. М. Соловьев, не давая им оценку как историческому феномену⁴. Однако уже в 1862 г. мы читаем наблюдения И. Е. Забелина о трансформации крестоцеловальных записей из документов, составляющихся на каждый частный случай, в общую присягу государю и знакомимся с гипотезой о том, что подробное

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: полное издание в одном томе. М., 2018. С. 472.

² Иловайский Д. И. Царская Русь. Конец эпохи Рюриковичей. М., 2018. С. 242.

³ Любавский М. К. Русская история от древности до конца XVIII в. М., 2015. С. 302.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2. СПб., 1851. С. 154.

перечисление зол, которые присягающий клянется не причинять государю и его семье⁵, основано на прецедентах, с которыми предшественники государя уже имели дело⁶. В начале XX в. у Г. Г. Тельберга мы встречаем размышления о том, что присяжные грамоты XVII в., в отличие от предшествующих, носят массовый, а не индивидуальный характер⁷. Подробно разбирает подкрестную запись В. Шуйского В. О. Ключевский, уделяя внимание и ее происхождению, и политическому значению⁸. В историографии советского периода особенно выделяется работа Л. В. Черепнина, подробно разбирающего структуру крестоцеловальных записей⁹. В остальном тенденция рассмотрения крестоцеловальных записей лишь в качестве источника сохраняется. Отметим и известную хронологическую ограниченность подобных обращений. Основное внимание уделялось записям до конца XVI в.

В современной историографии присяжные грамоты становятся объектом пристального внимания исследователей. Так, тщательному анализу их происхождения уделяет внимание в своей статье И. Г. Пономарева¹⁰; Б. Н. Флоря выдвигает гипотезу о том, что в крестоцеловальных записях периода Ивана Грозного отображалась тенденция к сплочению русской аристократии, противостоянию царскому произволу путем внесения залога за опального родственника или соратника, что фиксировалось в прилагавшихся к записям поручных грамотах¹¹. Скрупулезно анализируют крестоцеловальные записи Смутного времени В. Н. Козляков¹² и Д. И. Антонов¹³. Тем не менее обобщающей статьи, объединяющей все крестоцеловальные записи эпохи Смуты, до настоящего времени нет.

Таким образом, присяжные грамоты в новейшей историографии становятся самостоятельным объектом исследования, анализируя который можно выявить множество культурных, политических и идеологических особенностей, характерных для современного этим документам периода.

Ход и результаты исследования. До сих пор в исторической науке нет единого взгляда на хронологию событий Смуты. Некоторые исследователи начинают отсчет с воцарения Бориса Годунова в 1598 г., однако автор данной статьи разделяет мнение той части исследователей, которые полагают, что более уместно началом Смуты считать конец 1604 – начало 1605 г., когда войска

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. Киев, 2018. С. 354.

⁶ Там же. С. 355–356.

⁷ Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 71.

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 2021. С. 528–529.

⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. С. 297.

¹⁰ Пономарева И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2012. С. 64–75.

¹¹ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2019. С. 150–151.

¹² Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. М., 2021. С. 184–185.

¹³ Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. С. 41, 117.

первого самозванца вторглись в Московское государство. В таком случае хронологически первой крестоцеловальной записью Смуты является присяга жителей столицы Московского царства Федору Борисовичу Годунову («Присяга в верности Царице Марии Григорьевне, Царю Феодору Борисовичу и Царевне Ксении Борисовне»¹⁴). Эта грамота, сохраняя общую для всех «проклятых грамот» структуру, имела как сходства, так и отличия от той, что была составлена для клятвы в верности отцу Федора — Борису Годунову. В присяге царю Борису впервые отразились страхи государя быть отравленным или околдованным («волошество», «ведовские мечтания», «зелье лихое и коренье»¹⁵); грамота для присяги Федору сохранила опасения отравления и ворожбы, равно как и опасения притязаний на трон Симеона Бекбулатовича, некогда объявленного царем Иваном Грозным.

Новым страхом, зафиксированным крестоцеловальной записью и отражавшим сложившуюся в государстве Московском ситуацию, явилось упоминание самозванца: «И к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылатся ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по своей мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Дмитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть»¹⁶. Интересно, что фамилия Отрепьева в грамоте не фигурирует: так составители присяги предусмотрительно подстраховывались от возможной присяги именно Дмитрию, если, к примеру, вор все же окажется не Отрепьевым либо появится новый самозванец, выдающий себя за Углицкого царевича. Также бросается в глаза, что на первом месте грамоты стоит имя царицы Марии Григорьевны — нелюбимой в народе дочери Малюты Скуратова. Упоминание в крестоцеловальных записях членов царской семьи само по себе не ново, однако никогда еще имя царицы не стояло раньше имени царя. Можно предположить, что такой шаг был предпринят в связи с тем, что Федор Борисович на тот момент был холост, т. е., по понятиям того времени, не достиг совершеннолетия.

Было и еще одно отхождение от традиций: члены наспех собранного Земского собора¹⁷ не просто подписали грамоту о произошедшем избрании, а принесли присягу на верность новому государю. Можно предположить, что в сложившихся условиях трон под молодым Годуновым был настолько шаток, что в ход шли любые приемы легитимации его власти. Тем не менее такой авторитетный исследователь Земских соборов, как Л. В. Черепнин, вообще

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 5 ч. Ч. 2, служащая дополнением к первой. М., 1819. С. 181.

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2. СПб., 1841. С. 57–61.

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 182.

¹⁷ Сведений о созыве Собора почти не осталось, но, например, Р. Г. Скрынников весьма убедительно доказывает в своей работе факт его созыва: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 239.

не рассматривает возможности созыва Земского собора при избрании Федора Борисовича — в списке имевших место соборов он просто отсутствует¹⁸.

Однако, несмотря на все отчаянные попытки как самого Бориса, так и его сына, династия не утвердилась на московском престоле. В. И. Ульяновский предполагает, что «хрупкость» новой династии была обусловлена низким происхождением Бориса, непопулярностью его среди некоторых сословных групп, например казачества. Помимо этого, важным, на взгляд исследователя, представляется то, что избрание на царство «землей» предполагает, что «земля» же может и изгнать государя с престола — власть, полученная из рук людских, этими же руками и была уничтожена¹⁹.

Следующую присягу жители Московского государства приносили уже Лжедмитрию I. Эта грамота также была составлена по аналогии с предыдущими (что неудивительно, поскольку Лжедмитрию требовалось демонстрировать преемственность власти) и также содержала ряд отличий (помимо упоминания царицы Марфы Федоровны и царя Дмитрия Ивановича): присягающие должны были целовать крест на том, что не станут «ссылаться писмом и никакими мерами» с «изменники» Федором Годуновым и его матерью²⁰. При этом последнее упоминаются в присяги будто еще живые, хотя на момент ее составления оба уже были убиты. В. Н. Козляков предполагает, что либо Лжедмитрий к тому времени не успел получить известие о смерти Годуновых, либо грамота намеренно была составлена таким образом, чтобы обезопасить себя в дальнейшем от воскресших Лжефедоров²¹.

В первую очередь в грамоте делается акцент на том, что Дмитрий — «истинный государь», единственный законный наследник Ивана IV, демонстрируется династическая преемственность. Основой легитимности здесь выступает, конечно же, происхождение: Лжедмитрий неоднократно напоминает о своем «природном» праве на престол, которое весьма выгодно выделяет его на фоне двух последних предшественников, чья выборность в глазах народа оказалась слишком сомнительным основанием для легитимации власти и навлекла гнев Божий. Кроме того, в присяге на верность Лжедмитрию отражены, вероятно, его опасения насчет того, что народ (либо его часть) может сохранить верность Федору Годунову (если самозванец не знал еще о его смерти), или страх перед появлением новых самозванцев, а также разоблачением его самого, сомнением народа в истинности его происхождения.

Следующие по хронологии крестоцеловальные записи периода Смуты — «проклятые грамоты» Василия Шуйского, одна из которых является присягой ему на верность, вторая же (что парадоксально для того времени!) — присягой царя «земле».

¹⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 383.

¹⁹ Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. С. 11.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. С. 92–94.

²¹ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 126.

Присяга новому царю отличается, во-первых, тем, что адресована помимо него самого его будущим жене и детям (на момент вступления на престол Шуйский был холост и бездетен, но прежние грамоты всегда содержали упоминание царской семьи и отступать от традиций не стали). Во-вторых, в ней отсутствует перечисление государств, в которые запрещен отъезд подданных, что было типично для предыдущих грамот²². Исследователь В. Н. Козляков предполагает, что причиной подобной краткости может выступать спешка: «Когда князю Василию Ивановичу представился шанс воцариться на русском престоле, он воспользовался им с торопливой неловкостью...»²³. В итоге Василия Шуйского избирали «наспех», не было времени даже собрать настоящий Земский собор²⁴. Грамота также содержала формулировку, которая отражала опасения нового царя насчет прочности своего положения: присягающие клялись служить только Василию Шуйскому и не звать на престол царей из других государств, равно как и не искать иного царя внутри Московского царства.

Первая половина крестоцеловальной записи В. Шуйского посвящена обоснованию его прав на трон. Довод был династический, но ссылались не на московскую династию Ивана Калиты, а на Рюриковичей. Прародитель Шуйских — Рюрик, ведущий родословную от кесаря Римского и далее, через линию киевских князей, к Александру Ярославичу: и «...до прародителя нашего Александра Невского на сем Российском государстве быша прародители мои...»²⁵. Новый государь действительно вел свой род от второго сына Александра Невского — Андрея Городецкого, будучи, таким образом, старше московских Калитичей, происходящих от младшего Даниила Александровича.

Во второй половине грамоты Шуйский вступает в договорные отношения с народом (последние крестоцеловальные записи, составленные в форме договора, относятся к первой половине XV в., и договоры заключались в кругу высшей политической элиты — между великим и удельным (удельными) князем (князьями). Царь, помимо готовности править с Боярской думой, обещает не преследовать и не казнить никого без суда, что, по мнению В. Н. Козлякова, вполне объяснимо, учитывая, что самого Шуйского вопрос смертной казни касался несколько раз довольно близко²⁶. Он заверяет поданных, что времена бессудного произвола миновали, обещает бороться с доносом, столь распространенным при Борисе Годунове, таким образом пытаясь заручиться поддержкой «земли». Некоторые исследователи видели в этой грамоте добровольное ограничение царской власти, однако автор данной статьи придерживается более распространенного в науке мнения, что подобные выводы сделаны ошибочно: оригинал присяги, его трактовка современниками, а главное, все непродолжительное правление самого Шуйского не дает никаких оснований

²² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 102.

²³ Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 97.

²⁴ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 185.

²⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 102.

²⁶ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 184.

для подобного умозаключения²⁷. Перед нами скорее декларация о намерениях, призванная привести к успокоению в обществе.

Позже патриарх Иов разрешил москвичей от двойного греха, как от собственноручного крестоцелования Лжедмитрию, так и от нарушения клятвы, данной на кресте. Нельзя, по нашему мнению, не согласиться с Д. И. Антоновым, замечавшим, что клятве, скрепленной целованием креста, присуща некоторая амбивалентность: с одной стороны, клятва в христианстве греховна, с другой — грех ложится и на того, кто нарушит крестное целование²⁸. Таким образом, Шуйский «стирал» претензии на законность всех самозванцев, заявляя себя в качестве настоящего преемника.

Тем не менее Шуйский, обвиненный современниками в гордыни из-за принесения вышеупомянутой присяги народу²⁹, относительно недолго удерживал российский престол. Будучи царем выборным, он не смог противостоять вере в царя «природного».

Следующая крестоцеловальная запись снова составлена на договорной основе: в период «семибоярщины» договариваются бояре (обязуясь управлять государством до избрания нового государя) и «земля». Присяга приносится Ф. И. Мстиславскому «с товарищи»³⁰. Уникальна грамота тем, что народ целует крест боярам на том, что наведет порядок в государстве, прекратит убивать и грабить и забудет обиды. В крестоцеловальных записях и раньше содержались обещания не творить зла, но обращены они были на государя, здесь же «земля» обещает хранить мир между собой. В грамоте содержится также обещание не творить зла низложенному Шуйскому и его родне. Таким образом, народ постепенно становится полноправным субъектом отношений с правящей элитой: если прежде укрепленные грамоты носили индивидуальный характер, т. е. являлись клятвой, которую приносил ненадежный аристократ государю, то, в XVII в. мы наблюдаем исключительно коллективные присяги. Однако преждевременно, на наш взгляд, было бы утверждать, что причиной этого явления выступает именно Смута — уже при Федоре Иоанновиче индивидуальные грамоты не встречаются, равно как и при Борисе Годунове.

Наибольшее количество поручных грамот — документов, прилагавшихся к крестоцеловальным записям и содержавших ручательства бояр и духовенства в верности присягающего (с клятвой выплатить крупные суммы денег в случае нарушения присяги), — встречаются в правление Ивана IV. Как предполагает Б. Н. Флоря, инициаторами ручательства за опальных выступали сами аристократы, которые стремились защитить провинившихся, чем и вызвали гнев Грозного³¹. Нам представляется, что недовольство грозного царя нельзя

²⁷ Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. С. 184.

²⁸ Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019. С. 117.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 389.

³¹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 150.

со стопроцентной уверенностью отнести к сложившейся практике поручных грамот. В противном случае возникает вопрос: почему в период правления Бориса Годунова, также проводившего политику репрессий, пусть и не столь массовых, мы не встречаем подобных ручательств? Уместно предположить, что инициатором поручных грамот выступали не аристократы, а сам государь. Так или иначе, вопрос требует более тщательного исследования.

Договорной характер носит присяга и польскому королевичу Владиславу: подданные обещали не приглашать («не хотети») никого иного на престол Московского царства и служить королевичу верно, как служили прежним «прирожденным государям царям московским и великим князьям»³². Таким образом, Владиславу даются гарантии, что царствование его будет более спокойным и долгим, нежели у его предшественников последних лет, кои «прирожденностью» не обладали. Владислав же обещал соблюдать условия договора, заключенного между московскими послами и «королем Жигимонтом» и его представителем в Москве, гетманом Жолкевским. Договор отражал стремление к восстановлению прежних порядков и стабильности, что было естественно, учитывая усталость всех сословий от многолетнего хаоса Смуты. Документы — договор и присяга — отражали опасения присягающих, касающиеся принуждения подданных к иной вере, кроме православной, равно как и требования креститься в православие самому Владиславу³³. В некоторых крестоцеловальных записях, рассылаемых для присяги королевичу, было также включено требование не называть государем Лжедмитрия II и государыней Марину Мнишек.

Отказ со стороны Сигизмунда перекрестить сына в православие, а также слухи о притеснении православия и православных литовцами в итоге способствовали подъему освободительного движения и формированию Первого и Второго ополчений, рассылавших по «земле» подобия крестоцеловальных записей, призывавших присягающих постоять за веру православную. По инициативе лидеров Второго ополчения 21 февраля 1613 г. состоялся Земский собор, на котором царем был избран юный Михаил Федорович Романов.

Присяжные грамоты Михаилу Федоровичу (в двух вариантах — укороченном³⁴ и пространном³⁵) были составлены в традиционном для такого документа ключе: присягающие обещали верно служить новому царю, не отъезжать служить в иные страны³⁶. По сложившейся со времен воцарения Бориса Годунова традиции, клятва включала запрет колдовства, злодеяний против государя и его семьи (Михаил Федорович на тот момент был холост и бездетен, поэтому присягающие клялись в верности его будущим детям и супруге). Для успокоения

³² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... С. 280.

³³ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. М., 1819. С. 391–398.

³⁴ Там же. С. 14–15.

³⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 2. С. 1–2.

³⁶ Здесь, в отличие от присяги Шуйскому, следовал перечень государств, отъезд в которые был запрещен.

народа (и нового государя), в качестве предотвращения будущих возможных измен Михаилу Федоровичу, в присяге содержалась подробная инструкция, описывающая, что именно нужно делать в случае обнаружения измены. Содержится даже перечень персон нон грата, всякое общение с которыми запрещено, — Марина Мнишек, Иван Заруцкий, Михаил Салтыков, Юрий Трубецкой с товарищами и «все Московского государства изменники»³⁷. Также в «черный список» попали земли, оккупированные шведами.

Для более полного понимания присяги Михаилу Федоровичу ее следует рассматривать в паре с Окружной грамотой Земского собора о признании последнего государем и принесении ему присяги³⁸. Важной особенностью документа является неоднократное упоминание богоданности нового государя: «земля» молит о государе, «чтоб всемилостивый Бог дал нам... на все государства Российского Царствия...»³⁹. Помимо прочего, подданные Московского царства хотят государя именно от «племени благоверного и праведного» царя Федора Ивановича, племянником которого назван Михаил Федорович Романов-Юрьев. Таким образом, новый государь появляется на престоле путем избрания Собором, но избрание это — Божья воля, поскольку согласуется с единогласным желанием всей «земли», представители которой уверены, что только такой государь принесет мир в опустошенное Смутой царство. Легитимность выбора подтверждается связью с династией Рюриковичей, трактуемой как продолжение, преемственность, законное наследование.

Заключение. Для подданных Московского царства присяга являлась надеждой на стабилизацию положения, возврат к прежнему, «досмутному» образу жизни. Кроме того, «земля», как уже упоминалось, выступает здесь полноправным субъектом отношений с государством в лице государя либо политической элиты.

Крестоцеловальные записи периода Смуты, как никогда прежде, призваны были священной клятвой узаконить полученную в результате выбора или захвата власть очередного искателя престола Рюриковичей, поскольку для человека того времени, носителя религиозного сознания, целование креста имело глубоко сакральный смысл. Основанием же для легитимности служили несколько основополагающих доводов:

- богоданность государя, благодаря которой он получал большие права на престол в сравнении с любыми другими основаниями;
- избрание его «землей» (*Vox populi vox Dei*): глас народа, уставшего от бедствий Смуты, обещающего царю полное повиновение, надеющегося на восстановление «досмутных» порядков, т. е., по сути, готового к восстановлению самодержавия;
- преемственность по отношению к прежней династии: второй представитель Романовых — Алексей Михайлович — будет наречен внуком последнего

³⁷ Дополнения к актам историческим... С. 1–2.

³⁸ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 3. М., 1819. С. 11.

³⁹ Там же. С. 13.

царя из рода Калитичей Федора Иоанновича, так как отец Алексея и основатель новой династии — Михаил Романов — приходился Федору двоюродным племянником.

Все эти факторы в совокупности были важны как для подданных, так и для государя: первым — как гарантия стабильности и мира, второму — как источник легитимности и гарантия упрочения династии на престоле. Именно поэтому все они нашли отражение в священном ритуале, сопровождавшемся целованием креста.

Литература

1. Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
2. Козляков В. Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 300 с.
3. Козляков В. Н. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с.
4. Пономарева И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год / отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 2012. С. 64–75.
5. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 327 с.
6. Ульяновский В. И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.
7. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Академический Проект, 2019. 421 с.
8. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.

References

1. Antonov D. I. Tsari i samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni. [Tsars and impostors: the struggle of ideas in Russia of the Time of Troubles]. Moscow: RGGU, 2019. 312 p. (In Russ.).
2. Kozliakov V. N. Vasilii Shuiskii [Vasily Shuisky]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007. 300 p. (In Russ.).
3. Kozliakov V. N. Smutnoe vremia v Rossii nachala XVII veka [The Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century]. Moscow: Kvadriga, 2021. 556 p. (In Russ.).
4. Ponomareva I. G. O proiskhozhdenii moskovskikh «ukreplennykh» gramot [About the origin of the Moscow «fortified» letters] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god / otv. red. S. M. Kashtanov. Moscow: Nauka, 2012. P. 64–75. (In Russ.).
5. Skrynnikov R. G. Sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka [Socio-political struggle in the Russian state at the beginning of the XVII century]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1985. 327 p. (In Russ.).
6. Ul'ianovskii V. I. Smutnoe vremia [The Time of Troubles]. Moscow: Evropa, 2006. 448 p. (In Russ.).
7. Floria B. N. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2019. 421 p. (In Russ.).
8. Cherepnin L. V. Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemstvo cathedrals of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 417 p. (In Russ.).

УДК 930

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.03

Башмаков Михаил Борисович

кандидат исторических наук

Государственная публичная историческая библиотека России

Москва, Россия

mikhailbashmakov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5946-3187

СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ: ОТ ПОТЕШНЫХ МАНЕВРОВ ПЕТРА I К РЕФОРМИРОВАНИЮ РУССКОЙ АРМИИ И СОЗДАНИЮ ФЛОТА

Аннотация. В статье освещается роль села Коломенского в период становления личности будущего главнокомандующего и императора Петра Алексеевича Романова. Именно в селе Коломенском у юного царя возникла идея модернизации армии и подготовки ее к Азовским походам и Северной войне. Благодаря проводимым в Коломенском учениям и Кожуховским маневрам Петр Алексеевич убедился в необходимости создания качественно новых сухопутных и военно-морских сил, способных отстаивать внешнеполитические интересы России. После Азовских походов и Полтавской битвы император Петр I трижды останавливался сам и размещал войска в селе Коломенском перед торжественными церемониями входа в столицу, при этом он лично руководил всей подготовкой и возглавлял шествие.

Ключевые слова: село Коломенское, потешный, император Петр Алексеевич Романов, реформы русской армии, Кожуховские маневры.

Bashmakov Mikhail B.

Candidate of Historical Sciences

State Public Historical Library of Russia

Moscow, Russia

mikhailbashmakov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5946-3187

THE VILLAGE OF KOLOMENSKOYE: FROM THE AMUSING MANEUVERS OF PETER I TO THE REFORM OF THE RUSSIAN ARMY AND THE CREATION OF A FLEET

Abstract. The article highlights the role of the village of Kolomenskoye during the formation of the personality of the future commander-in-chief and emperor Pyotr Alekseevich Romanov. It was in the village of Kolomenskoye that the young crown prince had the idea of modernizing the army and preparing them for the Azov campaigns and the Northern War. Thanks to the exercises held in Kolomenskoye and the Kozhukhovsky maneuvers,

Pyotr Alekseevich became convinced of the need to create qualitatively new ground and naval forces capable of defending Russia's foreign policy interests. After the Azov campaigns and the Battle of Poltava, Emperor Peter I himself stopped three times and deployed troops in the village of Kolomenskoye before the solemn ceremonies of entering the capital, while he personally supervised all the preparations and led the procession.

Keywords: the village of Kolomenskoye, amusing, Emperor Pyotr Alekseevich Romanov, reforms of the Russian army, Kozhukhovsky maneuvers.

Введение. Современный район Коломенское расположен в Южном административном округе Москвы и граничит с микрорайоном Кожухово. Историческая территория села Коломенского входит в состав Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское – Измайлово – Люблино». В конце XVII – начале XVIII в. здесь происходили события, оказавшие заметное влияние на формирование личности Петра I и модернизацию армии России.

Значительный вклад в изучение проблемы внесли работа П. О. Бобровского¹, в которой описывается история Преображенского полка и не раз упоминаются события, связанные с Коломенским, и исследование М. М. Богословского², подробно рассматривающего биографию первого русского императора. В современной историографии данной проблеме уделяется не так много внимания. Как правило, она затрагивается в работах, посвященных истории села Коломенского³. Основой источниковой базы данной статьи являются «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом»⁴ и «Дворцовые разряды»⁵, в которых приводятся сведения о визитах царствующих особ в Коломенское.

Ход и результаты исследования. Расцвет и известность Коломенского приходится на период правления царя Алексея Михайловича — отца Петра Алексеевича. Именно в годы его правления здесь был построен уникальный по своей архитектуре и инженерному устройству царский дворец, который стал загородной, или летней, резиденцией русских царей. Здесь проводил много времени, принимая важные государственные решения, и царь Алексей Михайлович. Известно, что в этом дворце он принимал иностранных военных специалистов и дипломатов, а также устраивал торжественные смотры новых полков иноземного строя. Будущий же император Петр Алексеевич, как и его отец, также часто бывал в селе Коломенском, однако его юношеский интерес к этой

¹ Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683–1725. М., 2007.

² Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии Т. 1. Детство: Юность, Азовские походы, 30 мая 1672 – 6 марта 1697 г. Л., 1940.

³ Суздалев В. А. Очерки истории Коломенского: до конца царствования Петра Великого. М., 1997; Юркин И. Н. Молодой Петр: конфликт дворца и частного дома // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 13. М., 2011. С. 114–144; Государево село Коломенское и его жители: монография / Е. А. Верховская и др. М., 2007.

⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: в 2 т. Т. 1. М., 1872.

⁵ Дворцовые разряды. Т. 4. С 1676 по 1701 г. СПб., 1855.

территории был вызван желанием использовать ее для проведения военных маневров потешных войск.

Период жизни Петра I, проведенный в силу разных жизненных обстоятельств в селе Коломенском, стал важным этапом в становлении личности юного царя и осознания им необходимости модернизации армии и создания военно-морского флота России, что подтверждают многочисленные свидетельства русских и иностранцев. Тем не менее необходимо отметить, что становление личности Петра Алексеевича и предпринятые им беспрецедентные меры по общему перевооружению и комплектованию русской армии были связаны не только с Коломенским, но и с Новой немецкой слободой, а также с усадьбой его отца и сводного брата в селе Измайлово. В Немецкой слободе Петр Алексеевич познакомился с иностранными военными специалистами, благодаря знаниям которых у него сформировалось общее представление об армиях западноевропейских государств, а в Измайлове на льняном дворе в запасном сарае он обнаружил старый английский ботик, опыт использования которого и подтолкнул будущего императора к созданию русского флота.

Одно из первых упоминаний о юном Петре Алексеевиче, связанное с военным делом и селом Коломенским, датируется 1685 г. Тогда, как пишет П. О. Бобровский, «Петр научился стрелять из карабина и пистолета. С начала мая месяца 1685 года до поздней осени он жил в Коломенском, и туда, в поход посылали в разное время пистолеты, карабины, мушкеты; посылали туда же луки царской статьи, стольничьи и потешные, и при них гнезда стрел с копьями, или гнезда северег, или гнезда томаров. Видно, что в течение всего лета Петр со своими товарищами <был> серьезно занят стрельбой в цель из ружей и пистолетов, расходует значительное количество кремней, требуется порох»⁶. По свидетельству И. Е. Забелина, 30 апреля 1685 г. Петр Алексеевич отправился из Кремля в село Коломенское через Новодевичий монастырь, где провел все лето, увлекся ружейной стрельбой. Этот «Коломенский поход 1685 г. был весь отдан ученью бить и попадать в цель пулею и стрелой»⁷.

Благодаря «Сборнику выписок из архивных бумаг о Петре Великом» представляется возможным уточнить датировку отправки из Оружейной палаты в Коломенское всего необходимого для практических упражнений в стрельбе из огнестрельного оружия. Так, в 1685 г. это происходило 5, 12, 13, 18, 19 мая; 4, 8, 9, 15–18 июня; 7, 19 июля; 8 августа; 5, 6, 10 октября; в 1686 г.: 2, 11 июня; 13, 16, 26 июля; 21, 26, 27 августа; 5, 9 сентября и 5 октября, а 9 октября 1686 г. последовал указ о возврате оружия и снаряжения в Оружейную палату. В 1685–1686 гг. в село Коломенское доставляли порох, кремни, шомпола, пыжи, пистоли, протазаны, карабины, свинец, затравки, немецкие мушкеты, алебарды, оружейную броню, самопалы, луки, тетивы, мерки, черные

⁶ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 129.

⁷ Забелин И. Е. Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 25, 30.

и потешные знамена, барабаны, ратные медные и водоливные трубы и все остальное необходимое для стрельбы⁸.

Например, «мая 13, по указу в-го г-ря ц. и в. к. <великого государя царя и великого князя> Петра Алексеевича в. в. и м. и б. р. <всея Великия, и Малыя и Белыя России>, из Оружейныя Палаты 16 пар пистолей с ольстры, то ж число карабинов с перевязьми, с медною оправою». Буквально через несколько дней «мая 26-го велено привезти из Оружейныя Палаты к нему в. г. (Петру Алексеевичу) в поход, в село Коломенское 16 мушкетов, 15 карабинов, восемь карабинцев маленьких», «мая 29 послано из Оружейныя Палаты к в. г. в поход, в село Коломенское, 7 пар пистолев с ольстры, рейторских простых...»⁹.

Для развлечения молодого царя сюда регулярно направляли солдат, барабанщиков и флейтистов. В окрестностях села происходили учения и сражения потешных отрядов, из которых впоследствии были сформированы Преображенский и Семеновский полки русской армии.

Очевидно, что с каждым разом потребность в количестве и качестве огнестрельного и холодного оружия, выписываемого из Оружейной палаты, у Петра Алексеевича не уменьшалась, а, напротив, только увеличивалась: «Июня 4-го велено прислать из Оружейныя Палаты в поход в. г. ц. и в. к. Петру Алексеевичу, в село Коломенское, его великаго государя статьи три лука, пять луков потешных, и в том числе два лука турецких, три мешецких. А по скаске лучнаго дела мастера Алексея Кондратьева надобно ему к тем лукам трои живцы, да колпак потешной для стрельбы...». А уже «июня 8-го... тетивы куплены на пять луков турецких и русскаго дела, которые сего же числа посланы к... Петру Алексеевичу... в поход, в село Коломенское, с лучником с Емельяном Деревягиным да с самопальным с Яковом Осиповым». 16 июня в Коломенское было послано «два лука мешецких... два лука недомерков, жильников, кибити и майданы... две тетитвы... два гнезда стрел срезней; два гнезда стрел с копы; гнездо стрел томаров шефранных недомерков с белохвосцыми перьями, томарики костяные; да куплено из ряду 10 гнезд стрел томаров и срезней, 8 гнезд стрел северег расхожих мерных, четверы живцы, и в том числе двои малые, да две тетивы шолковыя большия...»¹⁰. Следовательно, на протяжении всего 1685 г. практически каждый месяц, с периодичностью в несколько дней Петру Алексеевичу в Коломенское доставлялось огнестрельное и холодное оружие.

Важно отметить, что помимо оружия в село Коломенское привозили и воинские символы: «Октября 3-го. Послано на двух подводах... оружейная бронь, которая снесена от него великаго государя из хором в Оружейную Палату сего же числа: знамя большое, обшито бахрамою золотою, с древком

⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 57–58, 61, 64, 67, 66–68, 70–71, 77, 112; *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. С. 112.

⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 57, 58.

¹⁰ Там же. С. 58, 59.

и яблоком золоченым прорезным, 11-ть протазанов да олебард, 30-ть мушкетов немецких, 30-ть служеб банделер...»; «Октября 6-го... Петр Алексеевич... указал привезти с собою великим государем в поход, в село Коломенское, два знамени черных потешных, 12 барабанов, к прежней оружейной брони... Те знамена и барабаны за великим государем в поход, в село Коломенское, посланы с подьячим с Яковом Кулмаметевым»¹¹.

При проведении учебных стрельб ружья заряжались в основном холостыми снарядами, а пушки палили горохом или репой, однако использовали и свинцовые пули или дробь. Этот факт подтверждается документами, в которых говорится, что для стрельбы из огнестрельного оружия, помимо вспомогательных материалов и взрывчатых веществ, из Оружейной палаты выписывалось и перевозилось в Коломенское еще и немалое количество свинца и дроби. Так, к примеру, в 1685 г. 30 апреля было доставлено «в Коломенское пороху 1 ½ ф., шомполы и две трещетки. Мая 5-го в с. Коломенское послано 1 ф. пороху, кремни, тряпицы, шомполы, пыжовники. Мая 12-го в с. Коломенское 1 ф. пороху. Мая 18-го 2 ф. дроби немецкой. Мая 19-го в с. Коломенское 2 ф. пороху, 2 ф. свинца, шомполы, трещетки, кремни, тряпицы. Мая 27-го в с. Коломенское 1 ф. пороху и кремни. Июня 9-го в с. Коломенское, кремни, ветошки, шомполы, 1 ф. пороху. Июня 17-го в с. Коломенское порох, свинец, трещетки... <...> Августа 27-го в с. Коломенское 1 ф. пороху. <...> Октября 5-го в с. Коломенское сто кремней, десять затравок, пять мерок, тряпицы, три аршина холста на флясты, пять трещоток, пять пыжовников, 10 шомполов, фунт пороху головного к походным пищалям. Октября 6-го послано в с. Коломенское десять заверток, десять затравок, пять мерок, пять трещоток, пять пыжовников»¹².

В 1686 г. было доставлено: «Июня 3-го в с. *Коломенское* фунт свинцу. Июня 2 го в с. *Коломенское* фунт пороху. <...> Июля 16-го в с. *Коломенское* 2 ф. свинцу. Июля 26-го в с. *Коломенское* 2 фунта пороху. Августа 26-го в с. *Коломенское* фунт пороху. Августа 27-го в с. *Коломенское* фунт дроби. Сентября 5-го в с. *Коломенское* 2 ф. пороху, 2 ф. свинцу, 1 ф. дроби. <...> Сентября 9-го в с. *Коломенское* 2 ф. свинцу. Октября 5-го в с. *Коломенское* 4 ф. свинца»¹³.

Интерес Петра Алексеевича к морскому делу также связан с Коломенским. Найденный им в Измайлове старый английский бот, принадлежавший его деду, был отремонтирован осенью 1689 г. жившим в Новой немецкой слободе голландским мастером Карстеном Брандтом. Именно на этом судне 27 апреля 1690 г. Петр Алексеевич совершил первое плавание «водяным путем, Москвою рекою» с места ремонта на Яузе вниз по Москве-реке в Коломенское. «...А к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно, особым обрасцом, на корабельное подобие, с парусы и конаты, и убито было

¹¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 64.

¹² Там же. С. 66–67.

¹³ Там же. С. 77.

червчатыми сукны, и изволил он Великий Государь иттить в том судне. А за ним Великим Государем бояре, и околничие, и думные и ближние люди походные по росписи, да столники и стряпчие летних и зимних походов шли в стругах. А около судна, в котором изволил Великий Государь иттить, шли в малых стружках и в лодках потешные конюхи, с ружьем, с пищали и с корабины, и из ружьев стреляли. И изволил он Великий Государь в то село приттить во 2 часу ночи»¹⁴, т. е. в десять часов вечера. «“Плавное судно на корабельное подобие”, упоминаемое разрядной запиской, — вероятно, и есть тот потешный корабль, который строился в Преображенском летом и осенью 1689 г.», — полагал М. М. Богословский¹⁵. В следующем, 1690 г. Петр Алексеевич также «участвует в плавании на судах в Коломенское»¹⁶.

А в 1691 г. на воду спущена собственноручно построенная Петром Алексеевичем большая яхта¹⁷. Как пишет М. М. Богословский, «раз яхта была спущена, как было утерпеть, чтобы ее не попробовать, и вот 2 апреля Петр сделал пробное плавание в Коломенское, предпринятое, очевидно, без всякого парада и потому не описанное в Дворцовых разрядах, отмеченное только Гордоном. Из плавания он возвратился поздно вечером 3-го. <...> Наконец, 19 апреля, в фомино воскресенье, так же, и в предыдущем году, Петр с семейством перебрался из столицы в Коломенское. Сам Петр, по примеру прошлого года, отправился туда водным путем, очевидно, на вновь спущенной яхте, несмотря на дурную погоду и сильный противный ветер; но в этот день вследствие противного ветра успели доплыть только до Самаровой горы — в Коломенское при продолжающемся ненастье пришли только 20 апреля»¹⁸.

Барон Иоганн фон Зефтенау сообщал, что в 1691 г. «царь Петр, в сопровождении знатнейших сановников, отправился водою в Коломенское, в двух милях от Москвы. Тут он с 1000 чел. стрельцов сделал вид морского сражения, небольшие суда для которого были выписаны из Голландии. Дело шло очень хорошо; было даже несколько убитых и много раненных, хотя ружья и были заряжены холостым зарядом. Здесь почти ежедневно бывают воинския упражнения; на одном из них Петр получил сам небольшую рану огнестрельным оружием»¹⁹.

В 1692 г. по установившемуся уже обычаю Петр Алексеевич также выехал в село Коломенское водным путем²⁰. Согласно официальной записи, Петр Алексеевич пошел из Москвы в село Коломенское «водяным путем Москвою рекою

¹⁴ Дворцовые разряды. Стб. 553.

¹⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 278.

¹⁷ Гордон Патрик. Дневник. 1690–1695 гг. / пер. с англ., ст. и примеч. Д. Г. Федосова. М., 2014. С. 75.

¹⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 120–121.

¹⁹ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений: в 2 ч. [в одном переплете] / пер. с нем. Александра Клеванова. Ч. 2. М., 1864. С. 236.

²⁰ Богословский М. М. Указ. соч. С. 278.

в судах в 9 часов дня», а царицы Наталия Кирилловна с Евдокией Федоровной и царевич Алексей пошли сухим путем²¹.

В качестве площадки для строительства потешной флотилии, созданной в 1688 г. на Плещеевом озере около города Переславль-Залесский, использовалось и село Коломенское. Известно, что «отдавались распоряжения о перевозках в Переяславль зимним путем на дровнях и санях построенных уже судов: яхты и шняков, находившихся на Яузе и на Москве-реке в Преображенском, в Москве и в Коломенском. Перевозка этих судов продолжалась даже и позже, весной, колесным путем при помощи каких-то особых станков»²². 1 февраля 1692 г. последовал указ о покупке в село Коломенское «под шняки с припасы, которые из села Коломенского везть в Переславль Залеской, 41 дровни, двои сани болковни, 200 веревок лычных», а уже 10 февраля того же года был отдан приказ о покупке досок в село Коломенское «для подъему шняков и яхт в Переславль Залеской»²³. М. П. Погодин полагает, что данный указ был адресован Л. М. Хабарову, чтобы он построенные на Москве-реке суда перевез в Переславль, дабы весной устроить плавание флотилии по Плещееву озеру²⁴. 3 марта 1692 г. через два дня после торжественного приема персидского посланника, состоявшегося в Москве, Петр Алексеевич «приказал квартмейстеру Преображенского полка Луке Хабарову перевезти из Москвы стоявшие у Коломенского шлюпки и карбасы на озеро Плещеево»²⁵. Но не все плавсредства были перевезены в Переславль. Известно, что 23 апреля 1693 г. Петр Алексеевич, П. И. Гордон и их спутники опять отправились в село Коломенское водным путем по Москве-реке²⁶.

В рассматриваемый период темпы обучения с каждым месяцем ускоряются, динамика военных учений возрастает. Важно отметить, что Петр Алексеевич собирал круг друзей-сподвижников и единомышленников в военном деле, количество которых с каждым месяцем увеличивалось. В будущем они составят ядро пехотных полков нового строя и займут в них командные должности. Однако на первоначальном этапе формирования полков «потешные, составляя предмет любимого развлечения Петра, не были... устроенною частью войска и управлялись без всяких определенных правил и положений. В это время их следовало бы правильнее назвать придворною свитою молодого Царя. Они сопровождали Петра постоянно во время его поездок в Коломенское, совершая этот путь водою...»²⁷

С 1682 г. Петр Алексеевич активно занимался с так называемыми потешными. Для него был сформирован целый полк, в котором присутствовали

²¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 406.

²² Богословский М. М. Указ. соч. С. 139.

²³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 375, 377.

²⁴ Погодин М. П. Петр Первый. Первые годы единодержавия // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 27.

²⁵ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 194.

²⁶ Гордон Патрик. Указ. соч. С. 207.

²⁷ Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859. С. 5.

не только молодые, но и взрослые, опытные солдаты. «В это время потешные, начиная от самого Петра, были большей частью в отроческом возрасте. Они обучались умению заряжать и стрелять холостыми патронами, разборке и чистке мушкетон. Учение с пальбой, без сомнения, производилось, если не самим Голицыным, то во всяком случае в его присутствии. Впрочем, в употреблении огнестрельного оружия руководителем мог быть капитан выборного полка Зомер»²⁸.

Как видим, обучение молодого царя воинскому делу — огневой подготовке и упражнениям в стрельбе из лука — осуществлялось под наблюдением русских и иностранных военных специалистов. Важно отметить, что Петр Алексеевич не стеснялся заимствовать положительный опыт Европы и привлекал иностранных военных специалистов на военную службу. Одним из самых близких его соратников по военному делу стал Патрик Гордон: до 1699 г. он был непременным наставником и участником петровских баталий. «Из его Бутырского полка посылались в Коломенское к молодому царю то солдаты, то барабанщики, то флейтчики; принимая таким образом некоторое участие в образовании и обучении потешных, Гордон был ближе узнан Петром Алексеевичем»²⁹.

Известно, что вышеупомянутые потешные игры стали принимать все больший размах превращаясь в воинские учения, примером которых могут служить Кожуховские маневры, сыгравшие важную роль в подготовке русской армии к первому Азовскому походу. Несмотря на то что в ходе этих маневров многие их участники получили ранения, все же главная цель Кожуховского похода была достигнута — армия показала свою готовность к настоящей войне и опробовала все методы ведения боя. Кожуховские маневры были фактически первыми крупными инженерными военными учениями в истории России. Они выявили преимущества полков нового строя и доказали необходимость проведения реформы русской армии. Их практический опыт был использован в Азовских походах 1695–1696 гг. и во время Северной войны. Прежде всего войска ознакомились с устройством крепостных сооружений и с приемами ведения их осады и обороны, получили опыт организации инженерных работ, убедились в значении артиллерийского огня в бою. Кожуховские маневры стали последней репетицией русской армии перед началом войны с Турцией.

Но дворец в Коломенском использовался и по своему прямому назначению — для пребывания царя и его свиты. Так, 20 июля 1689 г. «в селе Коломенском, были у руки бояре и воеводы, ближней боярин и оберегатель и дворовой

²⁸ Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683–1725 [Электронный ресурс] // Русская императорская армия: сайт. URL: <https://regiment.ru/Lib/A/61/4.htm> (дата обращения: 20.05.2022).

²⁹ Гордон Патрик. Дневник. 1690–1695 гг. [Электронный ресурс] // Восточная литература: сайт. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Gordon_4/pred.phtml?id=13308 (дата обращения: 20.05.2022).

воевода князь Василей Васильевич Голицын с товарищи... и полков их ратные люди»³⁰ после возвращения из Крымского похода.

Оба раза по возвращении русской армии после Азовских походов Петр I останавливался в селе Коломенском. В 1695 г. «2-го октября выступил Семеновский полк из под Азова, а 21-го ноября, в день первого своего полкового праздника, имел счастье, в присутствии Монарха, вступить в село Коломенское. На другое утро, Царь лично повел полки в Москву»³¹. Об этом же пишет и М. М. Богословский³².

Из письма, адресованного Виниусу, видно, что мысль о создании военно-морского флота у Петра Алексеевича возникла именно после этого Азовского похода. Он пишет ему: «Пожалуй, о катаржных³³ мастерах не забудь»³⁴.

После неудачи первого Азовского похода началось перевооружение и подготовка войск ко второму Азовскому походу, который станет для русского оружия победоносным, — крепость Азов была взята. Сам Петр 15 августа, «пообедав у Шеина, уехал из Азова в Черкасск... на “барке“, как говорит Гордон, т. е. на струге, а может быть и просто в лодке»³⁵. Из истории лейб-гвардии Семеновского полка мы узнаем, что «возвратный поход совершался безостановочно: переходы полка были по 50 и более верст; отдыхов не было; только 30-го августа остановились на два дня на р. Айдоре, по случаю свидания Государя с ожидавшим его там Шеином. Ровно через месяц пришел Семеновский полк в Коломенское, где, по прошлогоднему, Государь встретил его...»³⁶. Известно, что в Дубровицах Петр Алексеевич дал распоряжение Гордону идти с его полком в село Коломенское, расквартировать его в окрестностях и дожидаться торжественного входа в Москву. 27 сентября Гордон стал лагерем с Бутырским полком у деревни Новинок, расположив остальные полки в деревнях Кожухово и Нагатино. «Его Царское Величество, возвращаясь с Армиею Сентебря 28 дня со всеми с Боярином (А. С. Шеиным. — М. Б.) и Адмиралом (Ф. Лефортом. — М. Б.) и Генералы изволил остановиться в селе Коломенском...»³⁷. Уже «к 28 сентября триумфальная арка была готова, но не все полки прибыли к месту сбора в Коломенском»³⁸, в частности задержался Преображенский полк³⁹. 28 сентября в Коломенское прибыл государь, поэтому Преображенскому полку были посланы приказы спешить и день и ночь. 29 сентября прибыл генералиссимус А. С. Шейн и стал «в подхожем

³⁰ Дворцовые разряды. Стб. 466.

³¹ История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854 / составил штабс-капитан Карцов. Ч. 1. Царствование императора Петра Великого. 1683–1725. СПб., 1852. С. 31.

³² Богословский М. М. Указ. соч. С. 270.

³³ Каторга (от *греч.* *κατέρυον* ‘катаргон’) — вид гребного судна. — М. Б.

³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб., 1887. С. 53.

³⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 339.

³⁶ История лейб-гвардии Семеновского полка. С. 34–35.

³⁷ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. 3. Кн. 5, 6. М., 1838. С. 367.

³⁸ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 141.

³⁹ Богословский М. М. Указ. соч. С. 344.

стану»⁴⁰ и совещался с царем о вступлении в Москву. Петр Алексеевич «при том знаем быть не хотел»⁴¹. Уже 30 числа «сошлись все полки и сделаны были приготовления к торжественному входу в Москву»⁴², и «наконец, 30 сентября состоялся торжественный въезд войск в столицу»⁴³.

Прошло более десяти лет и село Коломенское опять встречало победителей. После победы русских войск под Полтавой, изменившей ход Северной войны, Петр I перед торжественным вводом войск в Москву отдал распоряжение расквартировать их по традиции в селе Коломенском, повелев московскому коменданту М. П. Гагарину разместить рядом и пленных шведов: «...когда получишь ведомость, что полон швецкой свезут в Серпухов и в Можайск, тогда, не мешкав, пошли от себя по одному доброму афицеру и прикажи им, чтоб они полон весь свели ближе к Москве и поставили по селам и деревням от Москвы верстах в тридцати и менши, ближе к Коломенскому. Также и тот полон, который взят под Лесным, купно с пушками и з знамены, из Воскресенского монастыря вели взять и привести ближе к Коломенскому ж. И для житья нашего в Коломенском вели приготовить избушки две или три, в которых бы тараканов не было»⁴⁴. Князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский сообщил привезенным под Москву шведам, «что по законам триумфов должны они украсить оный собою, яко пленные...»⁴⁵.

В ноябре 1709 г. государь приказал Преображенскому полку «идти через Псков в Москву», а сам отправился прямо в Коломенское, куда и прибыл 12 декабря, миновав столицу. На следующий день сюда же «пришел Преображенский полк и расставлен на квартирах»⁴⁶. А 13 декабря «приехали к Государю в Коломенское все бывшие в Москве министры и знатные дворяне для поздравления»⁴⁷. 14 декабря туда подошел и Семеновский полк⁴⁸. Прибыв в Коломенское, Петр, «приняв поздравление столичной знати, дожидался гвардейских полков. Они пришли и начали свозиться Шведские пленники, взятые при Полтаве. <...> два дни употреблены были на распоряжения к торжественному входу в столицу; и через 3 дни он последовал»⁴⁹. Дело в том, что Петр Алексеевич

⁴⁰ Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. СПб., 1773. С. 178–179.

⁴¹ Гордон Патрик. Указ. соч. С. 59; Соймонов Ф. И. История Петра Великого. СПб., 2012. С. 51.

⁴² Арцыбашев Н. С. Указ. соч. Т. 3. М., 1843. С. 367.

⁴³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 141.

⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9 (январь – декабрь 1709 года). Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 475.

⁴⁵ Голиков И. И. Указ. соч. С. 356.

⁴⁶ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 154–155.

⁴⁷ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорского величества. Ч. 1. СПб., 1770. С. 235.

⁴⁸ Походные журналы Петра Великого (1695–1725 гг.). СПб., 1853. С. 23.

⁴⁹ Арцыбашев Н. С. Указ. соч. Т. 4. Кн. 7. С. 105.

перед торжественным въездом в столицу получил известие о рождении дочери, поэтому он отдал приказ отложить на три дня вступление победителей шведов в Москву и начал пир в честь рождения девочки.

21 декабря 1709 г. Петр Алексеевич к торжественному обеду по случаю победоносной Полтавской виктории пригласил к столу все знатное московское духовенство, всех министров, иностранных дипломатов, генералов, начальников приказов, он также еще распорядился угостить и шведских офицеров⁵⁰. Полтавская победа — последнее крупное событие, имеющее непосредственную связь с селом Коломенским и с именем Петра Великого, так как после 1713 г. столицей России стал Петербург. Однако важно отметить, что и после этого император Петр I еще два раза посетил село Коломенское. Первый его визит состоялся 4 мая 1722 г. Он приехал в Коломенское в сопровождении императрицы Екатерины I, внимательно осмотрел дворец своего отца и отдал распоряжение его отремонтировать, поскольку он значительно обветшал и находился практически в нежилом состоянии, а второй, и последний, раз, он сюда приехал 14 мая 1724 г., в день Вознесения Господня.

Заключение. На исторической территории современного московского района Коломенское происходило становление личности и формирование характера юного царя Петра, который способствовал развитию военного искусства и модернизации вооруженных сил Российской империи. Такой вывод можно сделать благодаря сохранившимся русским и иностранным письменным источникам того времени. Именно из-за сложившихся обстоятельств в юношеский период жизни Петра Алексеевича вотчина его отца — царя Алексея Михайловича — превратилась для него самого в место уединения и защиты от недоброжелателей, где он мог воплощать в жизнь свои юношеские идеи, постигать теоретические и практические азы военного искусства, развиваться многогранно как личность. Следствием этого стали победы: во втором Азовском походе в период Русско-турецкой войны (1686–1700), в великой Северной войне (1700–1721), а также в Персидской (Каспийской) военной кампании в период Русско-персидской войны (1722–1723). Благодаря сохранившимся письменным источникам становится очевидно, что Петр Алексеевич не умалял статус и значение духовного и исторического сердца Российского государства — Московского Кремля, роли Измайлова, Преображенского, Семеновского, Воробьева или новой Немецкой слободы, но испытывал трепетные чувства и относился по-особенному, как к родительскому дому, к селу Коломенскому, где он провел много времени, формировался как личность, будущий главнокомандующий армии и военно-морского флота и Император Всероссийский.

⁵⁰ Голиков И. И. Указ. соч. С. 357.

Литература

1. Государево село Коломенское и его жители: монография / Е. А. Верховская и др. М.: Голден-Би, 2007. 264 с.
2. Суздалев В. Е. Очерки истории Коломенского: до конца царствования Петра Великого / под ред. С. А. Гаврилова; Гос. худож. ист.-архит. и природ.-ландшафт. музей-заповед. «Коломенское». М.: ИЦ «Эхо», 1997. 106 с.
3. Юркин И. Н. Молодой Петр: конфликт дворца и частного дома // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 13. [Сборник материалов научно-практической конференции «Коломенское. Россия и Европа XVII века, 12–13 мая 2010 г. / под общ. ред. Л. П. Колесниковой]. М.: [б. и.], 2011. С. 114–144.

References

1. Gosudarevo selo Kolomenskoe i ego zhiteli: monografiia [Sovereign village of Kolomenskoye and its inhabitants] / E. A. Verkhovskaia i dr. Moscow: Golden-Bi, 2007. 264 p. (In Russ.).
2. Suzdalev V. E. Ocherki istorii Kolomenskogo: do kontsa tsarstvovaniia Petra Velikogo [Essays on the history of Kolomenskoye: until the end of the reign of Peter the Great] / pod red. S. A. Gavrilova; Gosudarstvennyi khudozhestvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodno-landshaftnyi muzei-zapovednik «Kolomenskoe». Moscow: Ekho, 1997. 106 p. (In Russ.).
3. Iurkin I. N. Molodoi Petr: konflikt dvortsia i chastnogo doma [Young Peter: conflict between a palace and a private house] // Kolomenskoe: materialy i issledovaniia. Vyp. 13. [Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kolomenskoe. Rossiia i Evropa XVII veka, 12–13 maia 2010 g. / pod obshch. red. L. P. Kolesnikovoi]. Moscow: [b. i.], 2011. P. 114–144. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.04

Арсланов Рафаэль Амирович

доктор исторических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
Россия, Москва
e-mail: ars_raf@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА НА РЕФОРМЫ ПЕТРА I

Аннотация. В статье рассматривается восприятие личности Петра I и его преобразований видным теоретиком русского либерализма, одним из основателей государственной школы в исторической науке, активным участником подготовки отмены крепостного права Константином Дмитриевичем Кавелиным. Проясняются его исторические взгляды, сформировавшиеся в социокультурном контексте 1840-х гг., когда образованная часть российского общества стала искать в прошлом страны, и прежде всего в Петровской эпохе, доказательства необходимости проведения реформ. Рассматривается восприятие русским либералом государства в отечественной истории как основной преобразовательной силы, создающей условия для формирования личности и движения к свободе. Анализируется эволюция отношения Кавелина к преобразованиям и личности Петра I в условиях 1860-х гг. — времени осмысления первых результатов Великих реформ. Выявляются факторы, несколько изменившие ракурс восприятия либералом эпохи правления первого русского императора. Особое внимание уделяется пониманию Кавелиным воздействия внешних влияний и внутренних потребностей на проведение реформ, его размышлениям о роли иноземных заимствований и соотношении национального и европейского в развитии России.

Ключевые слова: реформы, русский либерализм, государственная школа, личность, свобода, Россия, Запад, славянофилы, внешнее влияние, самобытность.

Arslanov Rafael A.

Doctor of Historical Sciences, Professor
RUDN University
Moscow, Russia
ars_raf@mail.ru

EVOLUTION OF THE VIEWS OF THE RUSSIAN LIBERAL ON THE REFORMS OF PETER THE GREAT

Abstract. In the article the author analyzes the perception of the personality of Peter the Great and his transformations by Konstantin Kavelin — a prominent theorist of Russian liberalism, one of the founders of a state school in historical science, an active participant in the preparation of the abolition of serfdom. The reader can understand better Kavelin's

historical views, formed in the social and cultural context of the 1840s, when an educated part of Russian society began to look for evidence of the need for reforms in the past and particularly in the era of the emperor. The Russian liberal considered the role of state as the main transformative force that created the conditions for the formation of personality and movement towards freedom. The evolution of Kavelin's attitude to the transformations and personality of Peter the Great in 1860s is analyzed. The author reveals the factors that have slightly changed the perspective of the liberal's perception of the era of the Peter's reign.

Special attention is paid to Kavelin's understanding of the impact of external influences and internal needs on the implementation of reforms, his thoughts on the role of foreign borrowing and the relationship between national and European values in the development of Russia.

Keywords: reforms, Russian liberalism, state school, personality, freedom, Russia, the West, Slavophiles, external influence, identity.

Изучение проблемы, поставленной в статье, дает возможность проследить эволюцию отношения основоположника национальной версии либеральной теории К. Д. Кавелина (1818–1885) не только к личности и деятельности Петра I, но и к русскому государству в целом, а в итоге установить факторы, влиявшие на формирование и развитие его взглядов, на выбор политической позиции, колебавшейся от умеренной оппозиционности до готовности к сотрудничеству с властью. Следует заметить, что идеология и практика отечественных либералов второй половины XIX в. во многом определялись их интерпретацией роли и значения государства в истории страны, сохранявшейся, во всяком случае до конца XIX в., у значительной части образованного общества, веры в его реформаторский потенциал, в готовность защищать национальные интересы и обеспечивать мирными средствами прогрессивное развитие России по европейскому образцу.

Иными словами, политические программы русских либералов эпохи пореформенной модернизации выстраивались под влиянием исторических взглядов их ведущих теоретиков, накладывавших отпечаток на осмысление настоящего и конструирование будущего страны. Вот почему изучение эволюции воззрений русского либерала на реформы и личность Петра I, созданное им государство крайне важно для выявления степени адекватности либеральных идей историческим реалиям России. Особое значение приобретают размышления историка о соотношении в реформах Петра национальных и европейских элементов, его идеи необходимости достижения органического синтеза самобытных и заимствованных ценностей, актуальность которых, как представляется, сохраняется и сегодня.

О важности и значении темы свидетельствует и то внимание, которое уделяется нашими современниками отражению личности и деятельности Петра в общественном сознании России¹. Сохраняет свою актуальность суждение

¹ Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2003; Соловьев Е. А. «Революция сверху»: концепция

историка А. А. Кизеветтера, согласно которому литература о Петре «с необыкновенной эластичностью отразила... разнообразнейшие повороты общественной жизни, разнообразнейшие течения общественной мысли»². И действительно, отношение к Петру стало своеобразным оселком, позволяющим установить характер взглядов и позиции его исследователей, а главное, веяния времени, влиявшие на восприятие его личности и преобразований.

Следует заметить и то, что проблема интерпретации реформ Петра I самим Кавелиным получила определенное освещение в отечественной историографии³. Вполне обоснованным представляется вывод Р. А. Киреевой, согласно которому в восприятии либералом Петра сошлись основные направления его исторической концепции: «идея органического развития (имеется в виду закономерный, подготовленный всей предшествующей историей России характер реформ. — Р. А.), идея государства и личности»⁴. Вместе с тем представляется, что ряд аспектов воззрения Кавелина на реформы Петра, например его понимание соотношения заимствованного и национального в их содержании, его оценки роли Запада в развитии России, а главное, проблема эволюции взглядов в 1860-х гг., не получили должного освещения.

Цель статьи — осветить процесс эволюции взглядов Кавелина на Петровские реформы, установить факторы, влиявшие на изменение его трактовок роли европейских заимствований и национальных особенностей в развитии страны.

Основные положения своей исторической концепции Кавелин сформулировал в получившей широкую известность статье «Взгляд на юридический быт Древней России» (1847). П. Н. Милюков вполне резонно увидел в ней первое, основанное на изучении исторических источников философское осмысление истории страны, разработку «своей формулы русской истории»⁵. Ряд же современников восприняли ее, прежде всего, как манифест либеральной оппозиции, разоблачавший деспотическое самодержавие. Так, А. И. Герцен обнаружил ее скрытое под научной формой содержание в развитии мысли о том, «что личность <в России. — Р. А.> всегда поглощалась семьей, общиной, а позже государством и церковью. <...> Государство пользовалось этим отсутствием

преобразований Петра Великого в трудах С. М. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 38–43; Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019; Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107.

² Кизеветтер А. А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества (1896) // Петр Великий: pro et contra. С. 503.

³ Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000; Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М., 2004.

⁴ Киреева Р. А. Указ. соч. С. 141.

⁵ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 83.

определения личного права, чтобы нарушать вольности; таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав»⁶.

Рассматривая сквозь призму своих убеждений кавелинские оценки отношения государства и личности в истории России, излагая их в публицистической форме, Герцен вольно или невольно приписал историку отождествление понятий «государство» и «самодержавие». На самом же деле Кавелин в рамках своей теории, основанной на диалектическом методе Гегеля, рассматривал историю России как противостояние родового и государственного начал, в процессе которого и шло становление личности. Все своеобразие отечественной истории, по мнению Кавелина, заключалось в длительном господстве родовых отношений и отсутствии личности, что и отделяло Россию от Запада. Основное же направление ее развития, утверждал историк, «должно было состоять в постепенном образовании, появлении начала личности и, следовательно, в постепенном отрицании исключительно, кровного быта, в котором личность не могла существовать»⁷.

Процессы формирования личности и сопряженного с ним государства, пройдя ряд этапов, получили свою определенность и некоторую завершенность в результате Петровских реформ. По словам Кавелина, к концу XVII в. древнерусская жизнь, основанная на родовых отношениях, себя полностью исчерпала. «Последним ее усилием, венцом ее существования были первые зачатки государства и начало личности»⁸.

Таким образом, историю России Кавелин рассматривал не как процесс становления самодержавия, подавлявшего личность и ее свободу, а как органическое единство развития государства и личности. Их воплощение в реалиях русской жизни наиболее ярко проявилось в самом царе-реформаторе. «Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность, — утверждал мыслитель, — есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории»⁹.

В своей статье Кавелин поставил и такую актуальную для ожидавшего перемен российского общества эпохи позднего николаевского царствования проблему, как предпосылки реформ. И здесь историк пытался установить соотношение в преобразованиях первой четверти XVIII в. внешних влияний и внутреннего развития, иностранных заимствований и собственной подготовительной работы.

Доказывая закономерный, органический характер реформ Петра, которые «приготавливались» всей предшествующей историей, он утверждал, например, что становление личности в России шло и в XVII в., но как некой формы,

⁶ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 244.

⁷ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. М., 2010. С. 70.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Там же. С. 106.

лишенной содержания¹⁰. Завершилось же ее складывание в условиях преобразований, требовавших активного действия, одухотворенного западными идеями. Общий вывод Кавелина сводился к тому, что личность зарождалась в самой России в результате самостоятельного развития, но окончательно она сложилась, когда начала «мыслить и действовать под чужим влиянием»¹¹. Таким образом, согласно концепции Кавелина, именно в результате взаимодействия собственных усилий всего народа и внешних заимствований в России и складывались условия для петровских преобразований.

Еще одним аспектом реформы, рассмотренной Кавелиным, стали исторические последствия обновления страны начала XVIII в., и особенно их славянофильская интерпретация.

Кавелин отмечал крайне негативное восприятие реформы славянофилами, обвинявшими Петра не только в насильственных методах ее проведения, но и за результаты. Они, по словам историка, утверждали, что эпоха преобразований «пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно, разорвала русскую историю на две половины, совершенно между собою несхожие, ничем не связанные, и нас сделала бесхарактерными, жалкими междоумками... наконец, что она лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов...»¹². Кавелин, опровергая славянофильские идеи о том, что Петр вынудил страну покинуть присущий ей национальный путь развития и внезапно провел неподготовленные всем ее прошлым реформы, вновь и вновь доказывал их органический, закономерный характер. В качестве аргументов он привел исторические факты, свидетельствовавшие о вызревании перемен в предшествующее время, обратив, например, внимание «на появление иностранных обычаев еще до Петра; на умножение иностранцев в Московской России, на всякого рода отступничества от прежних нравов, наконец, на упадок государственного устройства и управления перед реформой»¹³.

Насильственный же характер реформы Кавелин объяснял условиями, в которых находилась сама Россия, выдвинув получивший в дальнейшем широкое распространение тезис об исторической обусловленности использования «варварских методов в борьбе против варварства». «Мы были несчастные дети, окруженные самыми невыгодными условиями, — писал он. — К бедной внешней природе присоединились глубокое невежество, полувосточные привычки, которые ... в самых зачатках убивали всякое нравственное развитие, всякую общественность, всякую свободу и движение». В итоге он приходил к выводу, что «оправдание эпохи реформ — в ее целях: средства дала, навязала ей сама старая Русь»¹⁴.

¹⁰ Герцен А. И. Указ. соч. С. 105.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же.

Таким образом, именно в идеализированной славянофилами Московской России Кавелин видел истоки использования насильственных средств, без которых невозможно было преодолеть не только отсталость, но и то, что он считал самым важным, — ее основную предпосылку — полуазиатскую природу страны, лишавшую ее основного инструмента развития — начала личности.

При этом он напоминал славянофилам, в каких условиях приходилось действовать Петру, вынужденному начинать реформу в сложной международной обстановке, а проводить в условиях войны. «А мы знаем, каково было положение государства перед реформой и при Петре; со всех сторон враги, беспорядок, и отсутствие централизации. Тут некогда было выжидать... Нужды были слишком настоятельны чтоб можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед»¹⁵.

Таким образом, внешнеполитическая обстановка и внутреннее положение России диктовали, по мнению либерала, и форсированные темпы, и крутые меры проведения реформы.

Славянофилы особенно остро критиковали Петра за то, что он, не зная страны, своими реформами уничтожил старую Русь, привел к утрате особого пути развития и того, что мы сегодня бы назвали национальной идентичностью. «Самое важное, капитальное обвинение (со стороны славянофилов. — *Р. А.*) эпохи преобразований состоит в том, — писал Кавелин, — что она будто бы лишила нас народности и безусловно подчинила европейскому влиянию»¹⁶. Опровергая этот получивший распространение тезис, Кавелин доказывал, что реформы Петра, избавив страну от одряхлевшей формы, укрепили национальную основу России. «Не Европа к нам перешла, — доказывал он, — а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему, ибо когда человек или народ что-нибудь берет, заимствует у другого, он не перестает быть тем, чем был прежде». Петр и его преемники, доказывал он, «и не думали ввести у нас иностранное вместо русского. Они видели недостатки в современной им России, хотели их исправить, улучшить ее быт и с этой целью часто прибегали к европейским формам, почти никогда не вводя их у нас без существенных изменений; что из нашего исключительно национального казалось им хорошо... то они оставляли»¹⁷.

Так, в споре со славянофилами, да и ортодоксальными западниками, отрицавшими наличие каких-либо достижений в старой России, возможность использования некоторых сформировавшихся в прошлом самобытных черт для ее обновления, Кавелин наметил концепцию синтеза европейского и национального, получившую, как мы увидим ниже, более тщательную проработку в пореформенный период его творчества.

¹⁵ Герцен А. И. Указ. соч. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 111.

Принципиально важным представляется и то, что соединение заимствованного и почвенного он объяснял действиями государства в общенациональных интересах, прагматическими соображениями Петра и его окружения: «Практические пользы, улучшения поглощали всю деятельность... Русское и иностранное все сливалось в одно, чтобы вести Россию вперед»¹⁸.

Таким образом, в своей научной по форме статье Кавелин осветил ряд острых общественных вопросов, волновавших российское общество конца 1840-х гг. Обращаясь к петровскому времени, он доказывал и взаимосвязь в истории России развития государства и личности, и закономерный характер реформы, и естественность, органичность взаимодействия заимствованных элементов и национальных особенностей.

Кавелин выступил против позиции славянофилов, обвинявших Петра в измене национальным традициям и отказе от самобытности, доказывая, что использование европейских достижений лишь укрепляли национальную основу России, в том числе и в ее противостоянии с внешними врагами.

При этом он утверждал, что главное в национальности не внешние ее формы, а духовное, нравственное содержание. «С большим сближением различных народов она (национальность. — *Р. А.*) более и более одухотворяется, отрешается от внешнего, случайного, в сущности безразличного: исчезнуть она не может, пока не исчезнет сам народ»¹⁹.

Главное же в реформах Петра либерал увидел в том, что они, сохраняя национальное ядро, определили дальнейшее прогрессивное развитие России. «Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, — писал историк о результатах нововведений XVIII в., — мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде — русскими славянами»²⁰. Одна из основных, если хотите, идеологических, целей работы Кавелина 1847 г., заключалась в его стремлении в условиях николаевского режима обосновать на примере петровского времени необходимость и плодотворность реформ. В результате под влиянием передового общественного мнения, а также событий Крымской войны представители правящей элиты все более осознавали необходимость преобразований, и прежде всего освобождения крестьян.

В условиях пореформенного развития России для Кавелина обращение к Петровской эпохе вызывалось стремлением, с одной стороны, обосновать необходимость продолжения силами самодержавного государства реформ, начатых отменой крепостного права, а с другой — отыскать в прошлом точки опоры, способные смягчить социальные последствия нововведений. Актуальность первой задачи во многом вызывалась конституционными поползновениями середины 1860-х гг. столичного дворянства, его проектами ограничения самодержавия. При этом в замыслах «либеральной олигархии»

¹⁸ Герцен А. И. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁹ Там же. С. 110.

²⁰ Там же. С. 112.

Кавелин обнаружил не заботу о правах и свободе народа, а желание, получив доступ к управлению государством, взять реванш за потерю крепостных крестьян. Реализация же этих планов могла привести к трагическим социальным последствиям. «...Игра в конституцию, — делился своими опасениями Кавелин в письме к Герцену, — меня пугает... Разбесят дворяне мужиков до крайности, уверят их своим псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдет потеха. <...> Я скоро... буду всеми силами стоять... за все реформы, но против конституции»²¹. Таким образом, признавая благотворность конституционных порядков в будущем, Кавелин полагал, что в крестьянской России попытки их преждевременного установления могут принести лишь беды народу и государству.

Реформы 1860-х гг., инициированные, наряду с прочим, неудачей России в Крымской войне, во многом ориентировались на европейские общественные порядки и либеральные ценности, которые, как считалось, и позволили ведущим державам Запада одержать победу. Однако вскоре в стране стали ощущаться и негативные последствия рыночной модернизации, заставившие задуматься и бюрократию, и часть либерального общества о применимости иностранных заимствований к национальным условиям. В этой ситуации актуализировалась тема Петровских реформ, усилился поиск в прошлом страны, в ее национальной почве точек опоры, амортизирующих последствия европейских по форме преобразований.

В статье «Мысли и заметки о русской истории» (1866) Кавелин вновь, правда более целенаправленно, обратился к петровскому времени. Опираясь на фактический материал, он пытался обосновать необходимость сохранения самодержавного государства, воспринимаемого им не только как единственный субъект преобразований в России, но и воплощение народных представлений об идеальной власти. Основное содержание истории теперь, в отличие от работы 1847 г., он видит в образовании Великороссии, «которой главнейшая жизненная задача как будто исключительно в том только и состояла, чтоб создать и упрочить государство. Этой цели она приносила и приносит в жертву лучшие свои силы»²².

Глубинную же основу этого государства он находит в быту и сознании крестьянского мира. Первоэлементом, основой крестьянской жизни, да и всей истории русского общества, является, по мнению историка, появившийся в глубокой древности дом, или двор. «В этой социальной единице заключаются, как в зародыше, зачатки всех последующих общественных отношений: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство»²³. В результате тот порядок, который установился в крестьянской семье, — жесткое подчинение всех власти главы дома — был перенесен и на государство. «Как был

²¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева. 1892. С. 47.

²² Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. М., 2010. С. 201.

²³ Там же. С. 227.

устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание. Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта... Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства. <...> Царь есть само государство — идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение...»²⁴.

Этот общеисторический взгляд определял и отношение Кавелина к личности и реформам Петра Великого.

Теперь он подробнее, чем в статье 1847 г., осветил и политику Петра, обращаясь к таким, ранее практически не затронутым, ее аспектам как роль личности царя-реформатора, международной обстановки, европейских заимствований, а точнее, их неоднозначного воздействия на развитие страны.

Кроме того, Кавелин специально остановился и на взаимодействии социальных, политических и духовных предпосылок реформ. По его словам, «брожение в Московском царстве» вызвано в отличие от прежних смут «расслаблением связей, которыми до тех пор держалось все общество. Появляется хаос в головах и в действительности. Никто не знает, как приняться за исправление беспорядков, которые все усиливаются и вырождаются в бунты, грозящие опасностью даже целостности и единству государственной власти. Видимо, внутренние, органические причины колеблют государство. И вот посреди этой неурядицы является Петр, с необыкновенной энергией и жестокостью подавляет смуты, преобразует внешним образом все формы быта и придает стране наружный вид европейской монархии того времени»²⁵.

В 1860-х гг., т. е. в эпоху реформ царя-освободителя, Кавелин все более акцентировал внимание не на органическом, закономерном характере преобразований Петра, не на их вызревании в предшествующую эпоху, а на преобразовательной роли государства, на их непосредственных предпосылках, связанных с бунтами, всплеском преступности, ослаблением власти, что и требовало принятия решительных мер и непосредственного личного участия монарха. Изменение же ракурса восприятия Петровской эпохи отражало, скорее всего, надежды либерала не только на продолжение реформ правительства Александра II, но и на проявление большей активности и решительности со стороны самого императора.

Примечательно, что еще накануне отмены крепостного права в своей рукописной статье Кавелин представил реформаторскую функцию государства как наследственную черту русской власти. «Петр Великий, — писал он, — начал в нашей государственной и политической жизни преобразование, которое преемники его блистательно продолжили в администрации, а в наше время проводят в общественном и частном быту»²⁶.

²⁴ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 236.

²⁵ Там же. С. 245.

²⁶ Кавелин К. Д. О Петре I и его реформе // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 548. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 3.

В целом, обращаясь к эпохам преобразований начала XVIII и середины XIX в., Кавелин пытался вдохновить Александра II на проведение реформ, сравнимых по масштабу и значению с деяниями его великого предшественника.

В новых общественно-политических условиях историк подробнее останавливается и на самой личности царя-реформатора. Опровергая мнение о том, что Петр I действовал под иностранным влиянием, отдавая предпочтение всему западному, он стремился выявить национальную основу его личности и деятельности. «Петр Великий с головы до ног — великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем неразборчивость в средствах для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры — и в труде, и в страстях, и в печали»²⁷. Таким образом, насильственный характер преобразований, неразборчивость в средствах при достижении поставленных целей, отсутствие меры во всем, присущие Петру, являлись, по мнению Кавелина, еще одним доказательством «великорусской природы» как его личности, так и самих реформ.

Вместе с тем Кавелин был далек от идеализации личности и деятельности Петра, стремился их осмыслить и представить исходя из обстоятельств времени, т. е. руководствуясь методом, который мы сегодня назвали бы принципом историзма. «Существенная сторона вопроса о Петре Великом и его эпохе, — писал мыслитель, — заключается не в критическом разборе его планов и их выполнении, не в оценке практического достоинства его законов и распоряжений, а в определении места, занимаемого петровской реформой в нашем историческом развитии. Мы старались показать, что она есть органическое продолжение старины, вытекла из нее необходимо и естественно и представляется нам каким-то скачком потому только, что вводилась у нас одним из величайших деятелей истории, который своею необыкновенною личностью и делами затмил обыденный ход нашей исторической жизни. Восстановить потерянное в сознании преемство внутреннего нашего развития, указать органическую связь там, где теперь представляются как будто порванные концы исторической нити, — вот теперь главная, первая задача русской истории»²⁸.

Таким образом, снова и снова обосновывая закономерность преобразований Петра I, объясняя их формы и методы проведения исторической обстановкой и личными качествами императора, Кавелин пытался обосновать прогрессивную роль русского государства, отражающего глубинные интересы народа, проводящего реформы в его интересах и с учетом национальных особенностей.

Историк отмечал: «...не создавая самодержавия, Петр придал ему свою деятельность, своей личностью, своей жизнью новый характер и в этом

²⁷ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 255.

²⁸ Там же. С. 264.

смысле определил весь последующий ход нашей истории». Именно после Петра «преобразование и служение русскому государству и русскому народу осталось ее (власти. — *Р. А.*) знаменем и до наших дней...»²⁹.

Итак, основную историческую заслугу Петра перед Россией мыслитель видел в том, что он укрепил государство, освободив его от обветшавших форм, придав преобразовательные функции и поставив на службу национальным интересам. Представляется, что и само обращение к Петровской эпохе служило Кавелину историческим обоснованием не только необходимости продолжения преобразований, но и укрепления инструмента их проведения, т. е. самодержавного государства.

В условиях 1860-х гг. историк стал в большей степени, чем ранее, обращать внимание на международную обстановку, учитывать ее влияние на реформы Петра I: «К его времени мы уже вдвигались в круг европейских государств и принимали все большее участие в делах Европы. Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы. Давнишняя наша потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота...»³⁰. Таким образом, Кавелин, хотя и без детализации, но все же начинает рассматривать внешнеполитическую составляющую Петровских реформ, подчеркивать влияние геополитического фактора и войны на ее проведение.

Однако главный смысл Петровской эпохи мыслитель видел, с одной стороны, в утверждении в русском обществе «начала личной свободы», а с другой — в том, что она стала «во всех отношениях, приготовлением, при помощи европейских влияний, к самостоятельной и сознательной народной жизни»³¹.

При этом историк затронул актуальную для России того, да и нашего, времени проблему совместимости сильного государства и свободы личности. Становление этой свободы, доказывал Кавелин, должно было идти в России постепенно, «не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим»³². Следует заметить, что близкую кавелинской оценку основной задачи Петровской эпохи дал властитель дум разночинной интеллигенции, теоретик народничества Н. К. Михайловский, по мнению которого Петру I «предстояло разбудить личность, сбросить с нее старые стихийные оковы, но немедленно же указать ей новые границы»³³.

²⁹ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 266.

³⁰ Там же. С. 257.

³¹ Там же. С. 269.

³² Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 1. Монографии по русской истории / биографич. очерк и примеч. проф. Д. А. Корсакова. СПб., 1897. Стлб. 577.

³³ Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1872 г. // Сочинения Н. К. Михайловского. Т. 1. СПб., 1896. Стлб. 648.

Иное видение смысла и результатов реформ предложил историк В. О. Ключевский, для которого «реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он <Петр I> надеялся грозой власти вызвать самостоятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самостоятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»³⁴. Представляется, что проблема сочетания свободы личности и сильной власти в условиях России, вызывавшая споры в прошлом, ждет своего всестороннего осмысления и в наши дни.

Вероятно, следует специально остановиться на этом нехарактерном для европейского либерализма, но присущего его русской разновидности видении государства как двигателя прогресса. И здесь едва ли можно упрекнуть теоретика русского либерализма в излишнем утопизме. Анализ прошлого, и прежде всего петровского времени, осмысление российских реалий пореформенной эпохи с отсутствием не только прав и свобод личности, но и самой личности, глубоким социокультурным расколом приводили его к восприятию государства как единственного носителя прогресса в стране, создающего условия для вызревания гражданского общества. И хотя надежды на самодержавие, на возможность воздействия с помощью либеральной публицистики на политику власти к 1880-м гг. покажут всю свою иллюзорность, все же в них нашли отражение и российские реалии эпохи начала рыночной модернизации, и вера русского интеллигента в возможность самостоятельного эволюционного развития страны.

Таким образом, основное значение Петровских реформ Кавелин, в отличие от ряда современных авторов, видел в создании не тоталитарного государства, а инструмента прогрессивных преобразований в России, не в подчинении личности власти, а в ее формировании при активном участии государства.

Кавелин ценил Петра I за то, что тот сумел выбрать на Западе и, преодолевая массу препятствий, внедрить в России те элементы европейской жизни, которые позволили стране выйти из изоляции, создать условия для ее дальнейшего развития. Благодаря реформам и заимствованиям общество перестало быть односложным, в нем появился внутренний элемент движения — мыслящее меньшинство, которое стало критически и свободно относиться к окружающей действительности. С Петра в русской жизни, утверждал Кавелин, «выступает на первый план личная инициатива, индивидуальность выдается вперед из народной массы, в которой она стушевывалась»³⁵.

³⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / [под ред. В. Л. Янина]. Т. IV. М., 1989. С. 203.

³⁵ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 246.

Кроме того, реформы привели к появлению в России сторонников «привитых и своих начал», а в их противостоянии Кавелин также увидел один из источников развития общества. С Петровской эпохи, писал он, «яснее выступила вперед внутренняя борьба, которая в других формах, по другим поводам происходит у всех народов, играющих роль в истории. Где нет такой борьбы, там нет жизни и развития»³⁶. Таким образом, противостояние сторонников европейской культуры и национальных традиций, в дальнейшем получивших название западников и славянофилов, заменяя по существу социальную и политическую борьбу, обеспечивало, согласно концепции Кавелина, развитие России, спасая ее тем самым от стагнации и революции.

Однако европейские заимствования и в целом реформы Петра I принесли, по мнению историка, и некоторые отрицательные последствия. Так, обратной стороной появления личности, образованного меньшинства стало то, что оно со временем стало вступать в разлад с действительностью, противопоставляя себя народной массе. Причиной наметившегося раскола являлось то, что сложившийся в результате заимствований образованный класс «живет чужой жизнью, принимает чужие нравы, меняет свой язык на чужой, прилепляется к идеалам, взглядам, требованиям, выработанным чужою жизнью»³⁷. Таким образом, один из основных негативных результатов реформ Кавелин увидел в образовании глубочайшего социокультурного раскола общества, проявившегося в складывании европеизированного меньшинства, чуждого основному населению страны.

При этом перенимаемые образованной частью дворянства на Западе идеалы не отвечали ни уровню развития, ни потребностям русского народа. В результате, полагал Кавелин, «естественный, нормальный ход жизни был нарушен: мысль то опережала ее, то от нее отставала; действительные потребности то оставались без внимания, потому что не подходили под идеал, то удовлетворялись не так, как следовало, потому что на них смотрели не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественных сочетаний, причудливых комбинаций в мысли и в самых фактах; создалась искусственная жизнь, искусственная действительность, которая, в свою очередь, вызывала искусственную мысль»³⁸. Вот это противоречие между заимствованной мыслью и русскими реалиями, а в социальном измерении между ее носителями — дворянством — и национальной почвой — крестьянством — и становилось, по мнению Кавелина, одним из основных препятствий на пути преобразований, в которых нуждалась страна. И лишь во время подготовки Великой реформы он увидел начало преодоления эпохи копирования чужого опыта: «Пристрастие к иностранному и чужому видимо сменяется в образованных слоях нашего общества охлаждением к Европе... национальное чувство растет быстро... мысль становится трезвее, получает практический склад, обращается к практическим интересам...»³⁹.

³⁶ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 259–260.

³⁷ Там же. С. 246.

³⁸ Там же. С. 247.

³⁹ Там же. С. 248.

Представляется, что в освобождении крестьян и других либеральных реформах Александра II историк увидел не только возвращение элиты к национальным истокам, но и возможность начала самостоятельного, не деформированного иностранными заимствованиями пути развития России.

Анализ восприятия Кавелиным личности и реформ Петра позволил выявить в его воззрениях еще одну нехарактерную для ортодоксального либерализма черту. Признавая закономерность и прогрессивность зарубежных заимствований, Кавелин на примере петровского опыта доказывал необходимость самостоятельного развития России, происходящего на основе синтеза ряда национальных особенностей и европейских достижений.

При этом, обосновывая, как и в работе 1847 г., идею синтеза, Кавелин теперь отдавал приоритет национальной составляющей. Изменение данного ракурса видения реформы, акцентирование внимания на национальной компоненте было призвано, как представляется, начертить такой путь развития страны, который, с одной стороны, в большей мере учитывал все ее особенности (под ними мыслитель понимал сохранение сильного государства и крестьянской общины, сосуществование которых рассматривалось им как следствие глубинных народных представлений об идеальной власти), а с другой — позволил бы если не избежать, то смягчить социальные последствия проводимых в стране рыночных реформ, создать условия для становления личности и ее адаптации к национальной почве.

В заключение необходимо сказать, что при всех достижениях в деле осмысления Петровских реформ сам образ императора был крайне мифологизирован при активном участии не только самой власти и авторов официального консервативного направления, но и нарождавшихся в обществе либеральных сил. Основой такого «единства» при всех различиях в толковании прошлого служила доминировавшая в общественном сознании эпохи парадигма: «реформы в рамках самодержавного государства и посредством самого государства». Ей соответствовала и официально-апологетический взгляд на Петра Великого, и либеральная интерпретация Кавелиным царя-реформатора как первой свободной личности.

В суждениях Кавелина о Петровской эпохе мы находим и ряд противоречий, которые он со свойственной ему парадоксальностью констатировал, но в итоге так и не разрешил.

Прежде всего, речь идет о сочетании свободы личности и сильного государства. Их соединение, которого добивался Петр в условиях крепостничества, оказалось невыполнимой задачей, «политической квадратурой круга», о чем позднее писал вдумчивый исследователь Петровских реформ В. О. Ключевский.

Объясняя необходимость использования царем-реформатором насилия историческими условиями и прежде всего отсталостью страны, низким культурным уровнем народа, Кавелин вынужден был в дальнейшем признать, что методы проведения реформ лишь укрепили крепостнические порядки, усилили социокультурный раскол общества.

С другой стороны, на примере петровского опыта Кавелин стал доказывать закономерность и плодотворность мирных постепенных преобразований, проводимых самим государством. Но одновременно он говорил о необходимости создания условий для их проведения, поиске согласия между государством и обществом, а главное, о подготовке самого общества к восприятию новаций. Эти идеи легли в основу формирующейся теории русского национального либерализма, призванной адаптировать основные либеральные ценности к условиям самодержавной, крестьянской страны.

Литература

1. Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 36 с.
2. Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во РУДН, 2000. 378 с.
3. Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 512 с.
4. Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 2003. 1023 с. (Серия «Русский путь»).
5. Соловьев Е. А. «Революция сверху»: концепция преобразований Петра Великого в трудах С. М. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 38–43.
6. Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107.

References

1. *Aidunova T. Yu.* Petr I v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny KhKh – nachala KhKh v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Peter I in the Russian socio-political thought of the mid XIX – early XX century. Autoref. dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Rostov-na-Donu, 2019. 36 p. (In Russ.).
2. *Arslanov R. A.* K. D. Kavelin: chelovek i myslitel' [K. D. Kavelin: a man and a thinker]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2000. 378 p. (In Russ.).
3. *Kireeva R. A.* Gosudarstvennaia shkola: istoricheskaiia kontseptsiiia K. D. Kavelina i B. N. Chicherina [State school: the historical concept of K. D. Kavelin and B. N. Chicherin]. Moscow: OGI, 2004. 512 p. (In Russ.).
4. Petr Velikii: Pro et contra. Lichnost' i deianiia Petra I v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiiia [Peter the Great: Pro et contra. The personality and deeds of Peter I in the assessment of Russian thinkers and researchers. An anthology]. Saint-Petersburg: Izd-vo Rus. khrist. gumanitar. in-ta, 2003. 1023 p. (Seriiia «Russkii put'»). (In Russ.).
5. *Solov'ev E. A.* «Revoliutsiia sverkhui»: kontseptsiiia preobrazovaniia Petra Velikogo v trudakh S. M. Solov'eva [“Revolution from Above”: the concept of Peter the Great's Transformations in the works of S. M. Solovyov] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriiia: Istoriia Rossii. 2005. № 4. P. 38–43. (In Russ.).
6. *Chernikova T. V.* «Obratnaia storona» petrovskikh reform [“The reverse side” of Peter's reforms] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriiia: Istoriia Rossii. 2021. T. 20. № 1. P. 88–107. (In Russ.).

УДК 93.27:316.36

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05

Смолякова Виктория Петровна

соискатель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

smolyakova_v@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2111-5005

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Автором статьи рассматривается возможность и необходимость использования художественной литературы как дополняющего исторического источника. В статье проведен анализ позиции исследователей-историков, политических деятелей, писателей о роли художественных текстов в изучении истории. Раскрываются функции художественного образа, создаваемого автором произведения как современника эпохи. Ценность художественного образа как источника исторической информации представлена в контексте отражения характерных особенностей человека, социальных проблем, состояния культуры. Автор статьи обращает внимание на использование художественных текстов в рамках применения метода микро-исторического исследования, позволяющего вводить в научный оборот новые источники. Уникальность художественных произведений как носителей исторической информации отмечается в контексте возможности более глубокого и чувственного осмысления происходящих в описываемый период исторических событий и явлений, эмоциональной реакции на них современников, в том числе и автора произведения. Обращение к художественной литературе при проведении исторических исследований соответствует требованиям, предъявляемым к организации современных исследований, позволяет обеспечить их междисциплинарность и кроссдисциплинарность, что в конечном счете благоприятно сказывается на достижении достоверного исследовательского результата и возможности его аргументированного обоснования. Одним из важных условий, способствующих комплексному и системному изучению истории, является наличие взаимосвязи и взаимодополняемости научной методологии в использовании источников художественной литературы как пространства, раскрывающего ценностные ориентиры, социальные нормы общества, повседневную жизнь человека эпохи. Автор статьи, опираясь на результаты исследований об использовании художественной литературы в качестве исторического источника, делает вывод о том, что это не только возможно, но и целесообразно, поскольку способствует созданию полноценного представления об истории и месте человека в ней, о его духовно-нравственном мире.

Ключевые слова: художественная литература, художественный образ, исторический источник, повседневность, духовно-нравственный мир.

Smolyakova Viktoriya P.

Candidate of the History Faculty

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

smolyakova_v@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2111-5005

FICTION AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE STUDY OF PRE-REFORM RUSSIA

Abstract. The author of the article considers the possibility and necessity of using fiction as a complementary historical source. The article analyzes the position of historical researchers, politicians, writers on the role of literary texts in the study of history. The functions of the artistic image created by the author of the work as a contemporary of the epoch are revealed. The value of an artistic image as a source of historical information is presented in the context of reflecting the characteristic features of a person, social problems, and the state of culture. The author of the article draws attention to the fact that the use of literary texts can be carried out within the framework of the application of the method of microhistoric research, which allows introducing new sources into scientific circulation. The uniqueness of artistic works as carriers of historical information is noted in the context of the possibility of a deeper and more sensual understanding of historical events and phenomena occurring in the period described, the emotional reaction of contemporaries to them, including the author of the work. The appeal to fiction when conducting historical research meets the requirements for the organization of modern research, allows them to ensure their interdisciplinarity and crossdisciplinarity, which ultimately has a positive effect on achieving a reliable research result and the possibility of its reasoned justification. One of the important conditions contributing to the comprehensive and systematic study of history is the existence of interrelation and complementarity of scientific methodology in the use of sources and means of fiction as a space that reveals value orientations, social norms of society, the daily life of a person of the epoch. The author of the article, based on the results of research on the use of fiction as a historical source, concludes that this is not only possible, but also advisable, since it contributes to the creation of full-fledged ideas about history and the place of man in it, about his spiritual and moral world.

Keywords: fiction, artistic image, historical source, everyday life, the spiritual and moral world.

Введение. В осмыслении событий прошлого, помимо исторических документов и памятников старины, немаловажную роль играет художественная литература, выступающая как особый, эмоциональный, духовный способ постижения мира. Помимо знаниевого компонента, заложенного в литературных произведениях, погружение в создаваемые автором художественные образы помогает читателю осознать себя как личность, способную к состраданию и сопереживанию, понять свою мировоззренческую позицию. В целом обращение к художественному тексту позволяет человеку расширить жизненный опыт, приобрести навык особой формы, который «не только обогащает его видением других жизней, широким представлением

о своих современниках, познанием разных социальных слоев, но и других эпох, стран, не тех, в которых живет человек»¹. Художественные образы, воплощая в себе поток глубоких чувств героев произведения, их нравственных проблем, позволяют создать представление о социальном портрете общества в конкретный исторический период.

Изучение исторического процесса без исследования духовно-нравственного наполнения эпохи, отраженной в мыслях людей, их чувствах, эмоциях и поступках будет неполным и ограниченным, поэтому применение художественной литературы в качестве дополнительного исторического источника позволит создать комплексную картину исследуемого периода. Как отмечал Д. С. Лихачев, «литература служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми»².

Ход и результаты исследования. Представление об особенностях той или иной эпохи создают вещественные, устные и письменные свидетельства о состоянии политической, экономической, социальной и культурной сфер общества. Поиск, сбор и анализ источников, разработка новых методов проведения исследований, обусловленных развитием цифровых и информационно-коммуникационных технологий, является одним из основных направлений деятельности современного историка. Сегодня большую популярность и востребованность приобретает метод микроисторического исследования, актуализировавший новый огромный пласт исторических источников, некоторые из которых почти не использовались или недооценивались ранее. Так, наряду с официальными документами из архивов историческими источниками стали личные воспоминания из дневников, мемуары обычных людей, кинофильмы, легенды и т. п. Безусловно, большинство таких источников требует тщательного анализа достоверности и подлинности, однако сам факт их существования дает большое поле деятельности для исследователей.

Одним из подобных пластов является художественная литература в силу того, что произведения современников довольно часто содержат множество подробностей, которые едва ли можно найти в других исторических источниках. В этой связи С. О. Шмидт, внесший значительный вклад в развитие отечественного источниковедения, отмечает: «Для большинства людей в течение всей их жизни именно памятники художественной литературы и искусства вообще остаются основными источниками запечатлевшихся в сознании сведений конкретно-исторического характера, особенно о событиях и людях отдаленных эпох и о повседневной жизни того времени»³. Особое внимание исследователь уделяет возможности использования художественной литературы как источника изучения повседневности и духовно-нравственного мира дореформенной русской провинции, что является важным для изучения данной темы.

¹ Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 18.

² Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 2021. С. 67.

³ Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40.

Художественную литературу можно рассматривать как своеобразный голос истории, раскрывающий особенности развития общества, в том числе его сознания. На тематику художественных произведений всегда оказывают влияние значимые для истории политические события (например, войны, революции, народные волнения и т. п.), социальные и духовно-нравственные проблемы общества, а в содержании находят отражение проблема человека как представителя определенного слоя общества, его повседневной жизни, самосознания, мировосприятия и миропонимания. И тематика, и содержание, и искусство владения словом автора произведения делает художественную литературу пространством постижения исторических реалий, настраивают на их глубокое осмысление. В то же время представляя собой в достаточной степени субъективный источник: литература отражает взгляд автора на окружающую его действительность. В ней содержится уникальная информация, которая позволяет лучше понять условия и ход развития исторических событий и явлений, реакцию на них современников. Обосновывая принадлежность литературных трудов к историческим источникам и подчеркивая их важность, А. В. Предтеченский замечает, что «каждое художественное произведение является историческим источником, ибо каждое хранит в себе следы времени своего создания, хотя бы это время растянулось на многие десятилетия или даже столетия. Произведений внеисторических не существует, каждое появилось во вполне определенных условиях пространства и времени»⁴.

Возможность применения художественных текстов в статусе носителей исторической информации, раскрывающих реалии, которые не могли быть зафиксированы в источниках других типов, вызвала исследовательский интерес еще в конце XIX в. Одним из первых стал рассматривать художественные литературные произведения как исторический источник В. О. Ключевский. Считая художественное слово отражением через творчество исторического события или явления, он оценивал текст как возможность ведения диалога с конкретной эпохой. В своем труде «Заметки о языке» историк замечает: «Для того, чтобы понять время, нужно понять, о чем пел Боян, “послушать язык земли”»⁵. В этом же контексте в статье «Евгений Онегин и его предки» В. О. Ключевский высказывает свою позицию об исторической и культурной значимости романа. Он обращает внимание на то, что при жизни А. С. Пушкина его роман был только объектом критики и восхищения как литературное произведение, а впоследствии стал восприниматься как исторический и литературный памятник. Историк отмечает исторические обстоятельства формирования «типического исключения в русской жизни» в образе Евгения Онегина: «Онегин — образ, в котором художественно воспроизведена местная неловкость одного

⁴ Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76.

⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОНИР РГБ). Ф. 131. П. 15. Ед. хр. 25. Л. 4.

из положений русского общества. Это не общий или господствующий тип времени, а типическое исключение. Разумеется, у такого образа могут быть только историко-генетические, а не генеалогические предки»⁶.

Важность роли художественного произведения признавал и известный специалист по источниковедению К. Н. Бестужев-Рюмин, который применительно к изучению русской истории замечает: «Литературные произведения, относящиеся к области изящной литературы: роман, драма, стихотворение... вполне заслуживают внимания историка...»⁷.

Не только русские историки, но и русские писатели размышляли о значении художественной литературы для развития исторического знания. Так, В. Г. Белинский делает вывод о наличии взаимопомощи между наукой и поэзией, заключающейся в том, что наука раскрывает поэзии исторический факт, а поэзия, в свою очередь, расширяет пределы знания, показывая ей, как было. Таким образом, сопоставляя сведения, сообщенные художественной литературой и содержащиеся в исторической документации, читатель и исследователь убеждаются в их точности и достоверности. Известно также высказывание В. Г. Белинского о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как об «исторической поэме в полном смысле слова»⁸.

Большой интерес в части использования литературы как источника изучения истории вызывает работа В. И. Семевского, посвященная рассмотрению жизни крепостных крестьян на примере творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина⁹. Он считает, что именно «Пошехонская старина» является одним из наилучших источников по истории русского дворянства и крепостного права первой половины XIX в., поскольку именно в ней Салтыков-Щедрин «вовсе не старается налагать как можно более мрачные краски, а правдиво рисует то, что ему пришлось видеть на своем веку»¹⁰. Семевский, давая высокую оценку творчеству Салтыкова-Щедрина, подчеркивает, что «историк может и должен взглянуть на картины Салтыкова, как на самые верные “снимки или отражения действительности”, как на один из лучших источников для истории общества и народа в три последние царствования»¹¹.

О литературных произведениях как исторических источниках, их влиянии на сознание и мировосприятие человека размышляли и некоторые политические деятели. Теоретик и пропагандист марксизма, видный деятель российского и международного социалистического движения Г. В. Плеханов

⁶ Ключевский В. О. Евгений Онегин и его предки // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Материалы разных лет. М., 1990. С. 89.

⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история: Т. 1. СПб., 1872. С. 116.

⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: [ст. 8 и 9. Для ст. шк. возраста] / [примеч. К. И. Тюнькина]. М., 1984. С. 4.

⁹ Семевский В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. Ростов-на-Дону, 1905.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ Там же. С. 102.

утверждает, что художественная литература является историческим источником¹². К художественной литературе с чрезвычайным вниманием относился В. И. Ленин, указывая на ее познавательное значение. Например, анализируя творчество Л. Н. Толстого, он отмечает, что писатель «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»¹³.

В советский период одним из первых исследователей, причисляющим художественные тексты к историческим источникам, был Е. П. Саар, работы которого относятся к 30-м гг. XX в. Он писал: «...мы видим использование ее (беллетристики. — В. С.) не только историками при освещении тех сторон общественной жизни, которые недостаточно освещаются другими источниками (семейная жизнь, мораль и т. п.), но и социологами, например В. И. Лениным при рассмотрении вопроса о проникновении капиталистических отношений в крестьянскую жизнь...»¹⁴. Однако, по его мнению, «художественные произведения могут быть использованы при изучении общественных отношений тех эпох, от которых не сохранилось достаточного количества других источников (например, древнего мира) и как дополнительный иллюстрированный материал к другим источникам, при изучении эпох, от которых сохранилось достаточное количество источников»¹⁵.

Вопрос о правомерности использования художественной литературы как исторического источника при изучении новой истории в советской отечественной историографии также встречается в работах В. И. Стрельского, по мнению которого художественная литература должна восприниматься как «важный раздел источников познания истории»¹⁶.

Наиболее глубоким и убедительным исследованием, в котором широко используется художественная литература как исторический источник является работа М. В. Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы». Автор, исследуя общественное движение в России, использует главным образом текст комедии «Горе от ума», считая, что в нем отражается дух времени ее создания, идеи декабристского движения и мировоззренческая позиция самого автора. Как отмечает М. В. Нечкина, «“Горе от ума” является замечательным примером произведения, которое возникло и развивалось в глубокой связи с общественным движением своего времени. Оно окружено кипением политической мысли своей эпохи. Оно даже и писалось почти что в присутствии людей, имевших

¹² Плеханов Г. В. Общественная мысль в изящной литературе (гл. V) // Сочинения: в 24 т. / под. ред. Д. Рязанова. Т. 21. История русской общественной мысли. Кн. 2. М., 1925. С. 208–244.

¹³ Ленин В. И. Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 20. М., 1973. С. 20.

¹⁴ Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С. 146.

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. С. 542.

непосредственное отношение к движению декабристов...»¹⁷. Для автора текст комедии и исторические документы, связанные с движением декабристов, по смыслу очень близки, о чем она пишет: «Грибоедов словом художника воссоздал схваченное им из жизни явление *в процессе его развития*. Он выделил как важное и основное то, что и в реальной жизни было основным и важным, что имело значительную судьбу дальнейшего развития, а умение выделить ведущее — это первый признак высокохудожественного творчества»¹⁸. Признавая величие этого бессмертного произведения, его значение в формировании мировоззрения современников, М. В. Нечкина акцентирует внимание на его роли в эволюции этого сознания в историческом процессе: «Каждая цитата великого художественного произведения — окно в историю. Она имеет и множество других аспектов изучения, но понять ее смысл во всей полноте нельзя, не учтя ее исторической связи с действительностью»¹⁹.

Интересны наблюдения и позиция по исследуемому вопросу и других советских историков. Выделяя наличие связи с социальным самосознанием как одно из достоинств художественного произведения, А. В. Предтеченский считает: «Историк, изучая русскую литературу, читает историю общественно-политической мысли эпохи, как открытую книгу. Было бы безнадежным делом при изучении русской общественно-политической мысли XVIII–XX вв. миновать такой богатый, яркий, насыщенный источник, как русская художественная литература»²⁰.

О художественной литературе как бесспорном историческом источнике при рассмотрении переломных периодов истории (например, революционная поэзия) рассуждает Н. И. Миронец. Исследователь делает акцент на том, что «история — это не только конкретные даты и события, но и понимание этих событий современниками, отношение к ним различных слоев населения, настроения, обычаи, нравы людей для изучения которых художественная литература бесспорно служит историческим источником». Кроме того, она подчеркивает, «что художественные произведения — источник в первую очередь для изучения истории культурной жизни страны. Ведь само их создание — исторический факт»²¹.

По мнению С. О. Шмидта, произведения художественной литературы следует рассматривать как источники по истории культуры эпохи их создания и по истории социально-экономических и политических отношений. В этой связи он замечает: «То что сочинения, относящиеся к памятникам художественной литературы, могут рассматриваться и как источники по истории общественного сознания, культуры (или безкультурия) своего времени, а также

¹⁷ Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 419.

¹⁸ Там же. С. 233.

¹⁹ Там же. С. 301.

²⁰ Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 82–83.

²¹ Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // История СССР. 1976. № 1. С. 134.

ознакомления с жизнью и творчеством их автора, кажется самоочевидным — независимо от их тематики, художественных достоинств (и недостатков), степени известности автора и самого памятника»²². Понимание условий развития литературы без знания исторических реалий, так же как и осознание прошлого, формирование отношения к нему потомков, без обращения к литературным произведениям не будет полноценным.

Особое положение среди художественных текстов занимают литературные произведения критического реализма, для которых характерно стремление к объективному отражению действительности, и поэтому можно говорить о более точной и достоверной передаче в них исторических реалий. Предметом иллюстрирования и глубокого социального анализа таких произведений становится внутренний мир человека и его связь с социальными обстоятельствами. Кроме того, данного рода литература полна описаний бытовых условий жизни людей, что способствует раскрытию основных характерных особенностей повседневности. На эту функцию художественной литературы в историческом исследовании указывает Н. И. Миронец: «При изучении быта и нравов, настроений, общей атмосферы эпохи историк может почерпнуть из художественной литературы массу сведений, в особенности из тех произведений, в которых писатель воссоздал современную ему эпоху, описал те стороны жизни, которые сам наблюдал»²³.

Особую ценность художественных произведений при изучении быта отмечает С. О. Шмидт. Он рассматривает литературные тексты как «нейтральное отображение явлений каждодневного обихода, причем таких, которые, как правило, просто не фиксировались в традиционном наборе письменных исторических источников: скажем, не только число столов и стульев и какого они размера, но и как расставлены, покрыты ли подушками, как выглядят в комплексе с другими предметами обстановки, типичны ли для комнаты такого назначения — столовой, гостиной, кабинета, избы и т. д., в какой мере отражают общественное положение, вкусы хозяина и т. д.»²⁴. В то же время именно художественное изображение позволяет передать атмосферу повседневного общения, особенности этикета различных социальных слоев. Описывая сюжет, автор произведения раскрывает типовые признаки, характеризующие представителей разных микросоциумов, специфику их обыденного общения и сосуществования, что, несомненно, расширяет представление о содержании и качестве социокультурного поведения.

Более того, автор произведения предлагает свое видение существующей действительности, ведет диалог с читателем по переосмыслению ее компонентов, отраженных в характерах и мировоззрении людей, социально-бытовых условиях, культурных и этических приоритетах эпохи. В этом смысле

²² Шмидт С. О. Указ. соч. С. 46.

²³ Миронец Н. И. Указ. соч. С. 135.

²⁴ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 46.

А. В. Предтеченский замечает: «Художественное произведение служит, как правило, драгоценным источником знакомства с бытом эпохи. Почти в каждом произведении русской классической литературы историк найдет бытовой материал. Существует множество бытовых черт и черточек, о которых историк узнает из художественной литературы и которые ни в каком другом источнике не отражены»²⁵.

Внимание историков к художественной литературе как к историческому источнику сохраняется и в постсоветской России, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные взаимосвязи истории и литературы, на страницах журналов «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история») и «Вопросы истории».

Как новый подход в проведении исторических исследований рассматривает художественную литературу ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН В. В. Зверев. Обращая внимание на особенности проведения современных научных исследований в части разработки новых проблем, затрагивающих в том числе нетрадиционную тематику, применения инновационной методологии в изучении истории появляется востребованность в междисциплинарных и кроссдисциплинарных подходах. Наиболее перспективными направлениями научных изысканий могут быть историческая антропология, антропологически ориентированная история, источниковедение. Как отмечает В. В. Зверев, «при некоторых различиях в предмете изучения, тематике, специальных вопросах их объединяет общее человеческое измерение минувшего»²⁶. При проведении детального историографического анализа ряда исторических, литературоведческих и социологических исследований российский историк приходит к выводу о том, что применение научной методологии, свойственной исторической области научного знания должно соотноситься с изучением человеческой сущности, проявляющейся в конкретную эпоху, описание которой содержится в художественных произведениях. Литература, по мнению В. В. Зверева, заслуживает более пристального внимания. «Отношение к художественному произведению как к “отражению” действительности, некоему иллюстративному материалу давно уже кануло в прошлое. Литература признается одним из системообразующих элементов мировоззрения, сочетающим рациональное и образное восприятие действительности»²⁷.

Приведенные мнения о значении художественной литературы и ее оценки как исторического источника, принадлежащие многим исследователям, можно кратко объединить высказыванием одного из них: «Привлечение произведений художественной литературы для изучения истории поможет глубже проникнуть в сложные исторические процессы, осмыслить их закономерности

²⁵ Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 84.

²⁶ Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161.

²⁷ Там же.

и конкретные формы проявления, будет способствовать более эффективному влиянию исторической науки и художественной литературы на формирование исторических воззрений»²⁸.

Заключение. Многие исследователи находят информацию, содержащуюся в художественных произведениях, значимой, объективной, способной расширить и дополнить сведения, полученные из традиционных видов источников. Особый интерес в этом смысле представляет литература конца XVIII–XIX вв. Благодаря использованию художественных текстов в исторических исследованиях достигается более полное и комплексное знание о культурных традициях и ценностях исследуемого периода, о жизненном укладе и повседневности, духовно-нравственных проблемах, обусловленных историческими условиями.

Научная методология позволяет сосредоточиться на исторических фактах, событиях и явлениях, установить причинно-следственную связь, определить закономерности развития общества. Художественная интерпретация позволяет раскрыть аксиологическую составляющую эпохи, жизни людей, осмыслить этическое и эмоциональное состояние общества. Таким образом, в целях обеспечения целостности результатов исследования необходимо как можно более полно использовать все имеющиеся ресурсы и в этом смысле художественная литература как исторический источник может служить весомым дополнением.

Литература

1. Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–166.
2. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: АСТ, 2021. 192 с.
3. Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // История СССР. 1976. № 1. С. 125–141.
4. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76–85.
5. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.

References

1. Zverev V. V. Novye podkhody k khudozhestvennoi literature kak istoricheskomu istochniku [New approaches to fiction as a historical source] // Voprosy istorii. 2003. № 4. P. 161–166. (In Russ.).
2. Likhachev D. S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom [Letters about the good and the beautiful]. Moscow: AST, 2021. 192 p. (In Russ.).
3. Mironets N. I. Khudozhestvennaia literatura kak istoricheskii istochnik (k istoriografii voprosa) [Fiction as a historical source (to the historiography of the question)] // Istoriia SSSR. 1976. № 1. P. 125–141. (In Russ.).

²⁸ Миронец Н. И. Указ. соч. С. 141.

4. Predtechenskii A. V. Khudozhestvennaia literatura kak istoricheskii istochnik [Fiction as a historical source] // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, iazyka i literatury. 1964. Vyp. 3. № 14. P. 76–85. (In Russ.).

5. Shmidt S. O. Pamiatniki khudozhestvennoi literatury kak istochnik istoricheskikh znaniy [Monuments of fiction as a source of historical knowledge] // Otechestvennaia istoriia. 2002. № 1. P. 40–49. (In Russ.).

УДК 94 (929)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.06

Халаев Захид Алиевич

кандидат исторических наук,

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Махачкала, Россия

za120778@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4545-7050

**ДЖАРО-БЕЛОКАНЦЫ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация: Воссоздание целостной картины инкорпорации джаро-белоканцев в военную систему Российской империи является важной исследовательской задачей, к тому же недостаточно разработанной.

Настоящая статья представляет собой одну из попыток изучения вопросов прохождения военной службы джаро-белоканцами в Собственном Его Императорского Величества Конвое (СЕИВК) Российской Императорской армии после включения Джаро-Белокана в состав Российской империи в 30-х гг. XIX в. В статье автор делает небольшой экскурс в историю джаро-белоканских обществ и кратко освещает вопросы интеграции джаро-белоканцев в экономическую и политическую систему Российской империи, в контексте ее кавказской политики в первой половине XIX в.

Автор отмечает, что после вхождения Джаро-Белокана в состав Российской империи рекомендовалось, по личной просьбе графа Н. Чернышева, выбрать из лучших фамилий джаро-белоканцев молодых людей для воспитания в учебных заведениях Петербурга, которые должны были получить образование и военную подготовку и возвратиться на родину. В 1836 г. конвой Его Величества пополнился национальным подразделением (3-й взвод СЕИВК), которое называли командой лезгин, куда входили представители Джарской области. Первоначально были включены 15 человек из аварских тухумов: Нухилал — 4 представителя, Чапарал — 4, Тлебелал — 4, Чумчаял — 3. Анализ материала показывает, что интеграция джаро-белоканцев в военную систему российской армии способствовала формированию профессионального военного сословия, отражавшего интересы российской власти на местах и ставшего, как и задумывали правящие верхи, проводником русской культуры, образования и образа жизни. Прошедшие военную школу СЕИВК становились впоследствии опытными офицерами и управленцами, чиновниками гражданского и военного аппарата.

Ключевые слова: Российская империя, Закавказье, джаро-белоканцы, администрация, XIX век, военная служба, род, СЕИВК.

Khalaev Zahid A.

Candidate of Historical Sciences
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Centre
Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia
za120778@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4545-7050

JARO-BELOKANS IN THE MILITARY SERVICE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation: Recreating a holistic picture with the involvement of the Jaro-Belokans and their incorporations into the military system of the Russian Empire is a serious research task, moreover, underdeveloped.

This article is one of the considered issues of studying the military service of the Jaro-Belokans in the Russian Imperial Army, as part of the His Imperial Majesty's Own Convoy (HIMC), after the entry of the Jaro-Belokan into the Russian Empire from the 30s. 19th century. In the article, the author makes a short digression into the history of the Jaro-Belokan societies and highlights the process of their integration into the economic and political system of the Russian Empire in the context of its Caucasian policy in the first half of the XIXth century.

The author notes that after the entry of Jaro-Belokan into the Russian Empire, at the personal request of Count N. Chernyshev, it was recommended to select up young people from the best surnames of the Jaro-Belokans for education in educational institutions of St. were to receive education and military training and return to their homeland. In 1828 in St. Petersburg, His Majesty's convoy of noble Caucasian highlanders was founded. In 1836, His Majesty's convoy was replenished with a national unit (3rd platoon of the HIMC), which was called the "Lezgin team", which included representatives of the Jar region. Initially, 15 people from the Avar tukhums were included: Nukhilal — 4 representatives, Chaparal — 4, Tlebelal — 4, Chumchayal — 3. The analysis of the material shows that the integration of the Jaro-Belokans into the military system of the Russian army contributed to the formation of a professional military class that reflected the interests of the Russian authorities on the ground and, according to the plan of the ruling elite, they really were the conductors of Russian culture, education and way of life. Subsequently, they became experienced officers and managers, officials of the civil and military apparatus.

Keywords: Russian Empire, Transcaucasia, Djaro-Belokans, administration, XIXth century, military service, clan, His Imperial Majesty's Own Convoy (HIMC).

Введение. Во все времена у разных народов военное сословие являлось привилегированной частью общества. Его формирование в Закавказье и Северо-Восточном Дагестане исследователями относится к периоду присоединения Дагестана к России. И это неслучайно, поскольку для укрепления своих геостратегических позиций российская администрация решила использовать местные ресурсы в государственных целях. Однако такая практика зародилась еще в конце XVIII в., когда местные владельцы получали

высокие военные чины русской армии, не имея при этом военного образования и особых заслуг на полях сражений.

Джаро-белоканские общества располагались на территории Белокано-Зака-тало-Кахской зоны современного Северо-Западного Азербайджана и более чем полтора века (последняя треть XVII – первая треть XIX в.) играли заметную роль в военно-политической истории Кавказа. Их судьба, как и удел других социально-политических структур Закавказья, в течение нескольких столетий была зависима от отношений с великими державами — Османской империей, Ираном и Российской империей. Активизация российской внешней политики во второй половине XVIII в. привела к столкновению российско-турецких и российско-персидских интересов в Закавказье. Российское государство было заинтересовано в усилении своей позиции в этом регионе и придавало особое значение закавказским политическим структурам. Подписание 24 июля (3 августа) 1783 г. представителями российской администрации и Картли-Кахетией Георгиевского договора стало важнейшей предпосылкой для распространения российских административных порядков в Закавказье. Российская администрация понимала, что, не укрепившись в достаточной мере в Закавказье, она не могла считать себя здесь хозяйкой положения, пока в тылу царских войск, в области Большого Кавказа, оставались непокоренные горские племена. Таким образом, первоначально, не укрепив еще своих позиций в Грузии, российские власти поставили задачу провести военную экспедицию в Джар и осуществили ее, как только представилась возможность.

Начало XIX в. в судьбах закавказских ханств ознаменовало новый переломный этап, который как по содержанию протекавших в то время процессов, так и по их результатам оказал решающее воздействие на развитие событий в последующие годы. 12 сентября 1801 г. Александр I подписал Манифест о присоединении Восточной Грузии к России. 4 марта 1803 г. генерал В. С. Гуляков двинулся со своим отрядом в Белоканы, который был занят без боя. 12 апреля 1803 г. в Тифлисе генерал В. С. Гуляков принял джарских старшин в русском лагере. Между царской администрацией и джаро-белоканскими обществами было заключено «Клятвенное обещание поверенных вольных обществ Джарской провинции». Формальное присоединение Джаро-Белокана к России не могло еще ни укрепить российского влияния, ни тем более примирить массу горцев с царской администрацией. Последующие десятилетия отношения между царской властью и обществами оставались напряженными. В феврале 1830 г. Джаро-Белоканы окончательно вошли в состав Российского государства. После вхождения в состав Российской империи была образована Джаро-Белоканская область, подчиненная военному начальнику. 25 декабря 1830 г. была опубликована прокламация генерала-фельдмаршала И. Паскевича, в которой устанавливались правила управления Джаро-Белоканской областью. По гражданской части при начальнике области было учреждено Временное правление из двух чиновников с правом голоса и из шести горцев, почетных лиц по выбору обществ. Главнокомандующему И. Паскевичу после присоединения Джаро-Белокана вменялось в особую

обязанность открывать намерения правительства знатым лицам, имеющим влияние на простой народ. Граф А. И. Чернышев сообщал И. Паскевичу: «Г<осударь> И<мператор> предоставляет вам избрать из среды их (джаро-белоканцев. — З. Х.) 3-х депутатов из знатнейших фамилий... и прислать в С.-Петербург для представления Е<го> В<еличеству>, а вместе с тем уведомить, какие, по мнению вашему, можно бы оказать им Монаршие милости, пожалованием их чинами и другими наградами, которые соответствовали бы их званию»¹.

Главкомандующий И. Паскевич был доволен джарской знатью. В одном из своих рапортов царю он писал: «Джарцы с самого начала учреждения нашего правительства показывают расположение и готовность к кроткой жизни и повиновению»².

О джарской знати заботились и в самом Петербурге. Кроме того, рекомендовалось избрать из лучших фамилий джаро-белоканцев несколько юношей для воспитания в учебных заведениях Петербурга, после чего они должны были получать военную подготовку и возвратиться на родину, где их профессиональные навыки были бы востребованы.

Ход и результаты исследования. В конце 20-х гг. XIX в. было решено приступить к реализации долгосрочной программы воспитания нового поколения военнослужащих из детей горцев. Еще в мае 1828 г. был учрежден лейб-гвардии Кавказско-горский взвод, составленный из князей и узденей Кабарды, Чечни, а также представителей знатных фамилий кумыков и ногайцев. В 1830 г. взвод был переименован в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон, который впоследствии был развернут в эскадрон. В 1836 г. Его Величества Конвой пополнился национальным подразделением (3-й взвод СЕИВК), в которое вошли представители аварских родов (тухумов) из Джарской области: по четыре человека от Нухилал, Чапарал, Глебелал и трое от Чумчаял. Первым командиром 3-го взвода был Мухаммад-Али Оцов³.

Привлечение как простых горцев, так и местной элиты на службу русскому императору в составе милиционных частей, конных полков, Собственного Его Императорского Величества Конвоя в первой половине XIX в. способствовало созданию целой прослойки населения, лояльно относящейся к царской власти и защищающей ее интересы на местах. В свою очередь, власть также не оставалась в долгу, щедро одаривая военную элиту званиями, земельными угодьями, солидной пенсией и другими наградами. В лейб-гвардии Собственном Его Императорского Величества Конвое в разное время служили джарцы (полный их список, к сожалению, еще не составлен), среди которых Цетав-бек Кашталов, Куркна Шабан, подполковник Магомедали-ага Исмаилов, прапорщик Дада-бек, сын Херава, майор Ахмад-ага, сын Вали Джанка. Все они

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее — АКАК). Тифлис, 1878. Т. VII. Д. 383. С. 446.

² АКАК. Т. VII. Д. 384. С. 446.

³ Тахнаева П. И. Они были первыми. Дагестанцы — офицеры гвардии СЕИВК // Новое дело. 2009. 20 марта. № 11 (895). С. 4.

из с. Джар современного Джарского муниципалитета Загатальского района Азербайджана. Кроме того, были представители и других обществ Джаро-Белокана, например из знатнейшего рода Кадыровых: Гаджи Алибек — сын Гаджи Исмаил-бека, Абдул Кадир-бек — сын подполковника Тинав-бека, Мухаммад-бек, сын штабс-капитан Абакар-ага. Все они из с. Чукак современного Гугамского муниципалитета Загатальского района. Из Белоканской зоны — Галаджов Муртуз и Даниял из Кабахчели, Дибиров Ахмад из Катеха др. Говоря о видных представителях военного сословия Джаро-Белокана, мы считаем уместным дать штрихи к их портрету.

Цетов Бек Кашталов. Родом из Джара. Офицер царской армии (прапорщик милиции), дата рождения по послужному списку — 1854 г., в 1871 г. поступил на службу земского стража Закатальского округа. В августе 1873 г. по высочайшему повелению переведен в 3-й взвод (лезгин) Кавказского эскадрона СЕИВК. Из его биографии мы знаем, что в последующие годы он был начальником Закатальской земской стражи, что подтверждается «Сводом статистических данных о Закатальском округе», согласно которому Цетов Бек Кашталов был смотрителем закатальской окружной тюрьмы⁴. В 1899 г. он уже являлся начальником дистанционной земской стражи⁵.

Во время сбора полевого материала в с. Джар Загатальского района Республики Азербайджан нами были обнаружены личные документы и почетные грамоты Цетов Бека Кашталова. Среди них грамоты о вручении императорского, царского ордена Станислава III степени от 24 ноября 1899 г. и Святой Анны III степени от 3 мая 1913 г. и его полный послужной список. В грамоте написано: «Поручику милиции, начальнику Закатальской дистанционной земской стражи, Цетов Бек Кашталову, за усердную службу». Цетов Бек Кашталов являлся видным представителем известного джарского рода (тухума) Каштаевых. Другой представитель этого рода — его прадед Дада-бек — также был офицером царской армии. В Центральном государственном историческом архиве Грузии (ЦГИАГ), в фонде № 236 «Закатальская сословно-поземельная комиссия» (ЗСПК), нами был обнаружен посемейный список представителей военного сословия из Джаро-Белоканской области. Согласно материалам архива, Дада-бек являлся сыном Херав-бека. У Дада-бека, согласно ЗСПК, было двое детей: Хавва и Херав-бек супруга Марьям⁶ (см. приложение к статье, табл. 1).

Подполковник милиции Магомед-али-ага Исмаилов. Родом из Джара, год рождения — 1828-й. Согласно Закатальской сословно-поземельной комиссии, у Магомед-али-ага было шестеро детей: Магомед-али, Гаджи-омар, Айша-ханум, Кягай (Кахай) Гуруй-ханум, Марьям-ханум и супруга — Хавва-ханум⁷ (см. приложение к статье, табл. 2).

⁴ Кавказский календарь на 1885 г. Тифлис, 1884. Отдел IV. С. 72.

⁵ Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. С. 207.

⁶ Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ). Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 14.

Куркна Магомед-ага. Родом из Джара. Офицер царской армии, сын подполковника Ахмад-ага. Год рождения, согласно сведениям ЗСПК, — 1848-й. У Куркна Магомеда-ага было двое детей — Али и Марьям, — супруга Фатимат. Другим представителем рода Куркна был юнкер Умма-ага, сын поручика Куркна Шабана, у которого, по данным ЗСПК, было пятеро детей: Исмаил, Фатма-ханум, Марьям-ханум, Хавва-ханум, Мария (Ана-ханум)⁸ (см. приложение к статье, табл. 3).

Казиев Джамалуддин. Родом из Джара, офицер царской армии, дата рождения не ясна, представитель джарского рода Казиевых. Жизненный путь офицера Дж. Казиева, к сожалению, остается до сих пор не изученным. О его смерти также имеются противоречивые сведения: по одной версии, он умер в Тбилиси, по другой — в Петербурге во время бунта. Его отец, Малла Мухаммад, был известным религиозным деятелем. В «Кавказском календаре» за 1893 г. указано, что он давал уроки в Закатальском народном училище⁹. Аналогичное издание за 1894 г. сообщало, что Казиев Молла Магомет являлся «законоучителем магометанского учения Закатальского уездного училища»¹⁰. Яркой личностью рода Казиевых был Кази Мухаммад Али. Он упоминается в рапортах начальника лезгинского отряда генерал-майора Г. Д. Орбелиани от 11 сентября 1853 г.: «За сим считаю долгом выразить мою совершенную благодарность... господам генералам, штаб и обер-офицерам, нижним чинам обоих отрядов и жителям Джаро-Белоканского военного округа: Джарскому кадию Магомед Али сыну Хаджи-Махмуду, Гогамскому юзбаши Магомед сын Куса...»¹¹. Как видно из рапорта, Кази Муххамад Али был кадием Джаро-Белоканского округа.

Ахмад-ага, сын Джанга. Родом из Джара, майор царской армии, отец Мухаммада Вали Джанга, о котором писал Д. Зубарев еще в 30-х гг. XIX в. Год рождения Ахмада-ага, сына Джанга, согласно ЗСПК, — 1812. У него было пятеро детей: Джуджи, Магомед, Марьям-ханум, Мухаммад Вали и супруга Пирдаус-ханум¹² (см. приложение к статье, табл. 4).

Бакрак Мухаммад Али из Катеха с 1853 г. являлся наибом Анкратля, по завершении Кавказской войны был назначен управляющим Джурмутским округом. Важные сведения о нем хранятся в личном архиве его потомка — М. Ч. Чеэрчиева — профессора Дагестанского государственного педагогического университета, который любезно представил нам личные документы наиба, среди которых имеется письмо капитана Джурджадзе на имя прапорщика Бакрака Мухаммада Али. В письме он просит «Бакрака Мухаммад Али отправить Али, сына Умара, из Гебгуда к наибу Белоканского округа прапорщику Галаджеву». Письмо датируется 10 днем месяца рабиул ахир 1282/1864¹³.

⁸ ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

⁹ Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис, 1892. С. 234.

¹⁰ Кавказский календарь на 1894 г. Тифлис, 1893. С. 257.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1406. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–2.

¹² ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 47.

¹³ Цит. по: Халаев З. А. Джарские офицеры царской армии // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 143.

Сведения о Бакраке Мухаммаде Али имеются и в докладах царских офицеров. Так, в рапорте начальника отряда правого фланга Лезгинской линии князя С. Шаликова к командующему войсками Лезгинской линии генерал-майору Меликову от 31 июля 1859 г. говорится: «Джурмутское общество как ближайшее к месту расположения вверенного мне отряда, уже представило двух беглых солдат и одну пленную женщину, а бывший наиб Бакрак Али завтра явится сам с семейством и имуществом для переселения в округ. Сверх того, все качаги, находившиеся в горах, явились ко мне с просьбою о дозволении им возвратиться в округ и, получив на то разрешение, отправились в горы за своими семействами и имуществом»¹⁴.

Как видно из документов, после окончания Кавказской войны Бакрак Мухаммад Али, являясь управляющим Джурмутского округа, играл важную роль в общественно-политической жизни западнодагестанских обществ и Джаро-Белокан. Точная дата кончины Бакрака Мухамада Али до сих пор остается спорной. Его потомки на основе устных преданий считают, что он умер в 1865 г.: будучи в Тифлисе по приглашению наместника Кавказа, он поссорился с представителями власти, на обратном пути почувствовал себя плохо, написал завещание и через несколько дней скончался. Потомки Бакрака Мухаммада Али также были известными деятелями, судьба которых была тесно связана с народом. Сын Бакрака Мухаммада Али, Чезрчи Афанди, в начале XX столетия был начальником Закатальского окружного сословного суда.

Балакиши Араблинский (1828–1902). В 1858 г. зачислен в Собственный Его Императорского Величества Конвой в звании ротмистра лейб-гвардии Кавказского эскадрона. В 1859 г. он получил чин майора армейской кавалерии, занимая должность начальника Кайтаго-Табасаранского округа (1864–1866), и получил чин подполковника. В 1871 г. получил звание полковника и в середине 70-х гг. XIX в. с Алихановым-Аварским участвовал в Хивинском походе в Среднюю Азию. Среди его наград — ордена Св. Станислава 3-й степени (1860), Св. Анны 3-й степени (1863) с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени (1874), Св. Владимира 4-й степени (1877). В начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был назначен командиром 3-го линейного Кавказского батальона, а в феврале 1878 г. — командиром 160-го пехотного Абхазского полка. В 1887 г. получил звание генерал-майора и стал начальником 1-й Закаспийской стрелковой бригады. В дальнейшем, с 1888 по 1898 г., являлся командиром 2-й бригады 21-й пехотной дивизии¹⁵. В мае 1898 г. в возрасте 70 лет указом российского императора Араблинскому выделили крупный земельный участок в шести километрах от Дербента. Здесь он прожил последние четыре года своей жизни.

Ахмад-бек и Шамиль-бек Дибировы. Офицеры царской армии. Родом из с. Махамалар. Их предки были уроженцами с. Хурук Чародинского района

¹⁴ Кавказский сборник. Военно-исторический ежегодник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 419.

¹⁵ *Назирли Ш.* Генералы Азербайджана. Баку, 1991. С. 49.

Республики Дагестан. По сведениям азербайджанского исследователя Ш. Рахманзаде, «Шамиль бек Дибиров в 1920 г. был начальником Закатальской губернской жандармерии»¹⁶. Другой представитель Дибировых — Ахмад-бек — являлся полковником царской армии. Исследователь Ш. Назирли отмечает, что Ахмад-бек Дибиров с другим царским офицером Даниял-беком Галладжевым стали жертвами советских политических репрессий. По данным исследователя, полковник Ахмед-бек Дибиров был расстрелян в Шекинской тюрьме в 1930 г.¹⁷

Даниял-бек Галладжев (1876–1920) — представитель рода Галладжевых, офицер царской армии, родился в семье землевладельца из Белокана. Видным представителем этого рода в XIX в. был подпоручик Муртуз Али (по крещению — Александр), еще в молодости принявший православие и воспитывался в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. У отца Даниял-бека было шестеро детей. Двое сыновей — Караали-бек и Муртузали-бек — окончили юридический факультет Петербургского университета, Башир-бек — факультет восточных языков и права того же университета. Младший сын Магомед-бек — выпускник агрономического факультета Московской сельскохозяйственной академии. Единственная дочь в семье — Марьям — была выпускницей Тифлисского женского института святой Нины. Лишь третий сын — Даниял-бек — по собственному желанию выбрал военную профессию. После окончания Ставропольского реального училища он учился в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Окончив учебное заведение по первому разряду, в августе 1897 г. подпоручик Галладжев был направлен в 39-ю артиллерийскую бригаду 1-го Кавказского армейского корпуса, расквартированную в Александрополе, в которой прослужил более десяти лет и достиг звания штабс-капитана. На двенадцатом году службы его переводят в первый артиллерийский полк в г. Мухровани Тифлисской губернии. Высочайшим приказом от 9 июня 1915 г. он получил мечи к имевшемуся ордену Св. Станислава 2-й степени, 11 июня того же года был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Получив ранение в мировой войне, Даниял-бек в 1915 г. был освобожден от службы и командирован на длительное лечение. Жил в г. Белокан, на родине своих предков. Службу в рядах русской армии завершил в звании полковника. В 1918 г. после создания Азербайджанской национальной армии по личной просьбе военного министра, генерала Самед-бека Мехмандарова, вернулся на ратную службу, был назначен заместителем командира Гянджинского корпуса. В армии Азербайджанской демократической республики служил в должности командира 1-й артиллерийской бригады. В воспоминаниях его дочери Лейлы говорится: «Помню, как в девятнадцатом году отец, военный министр Самед бек Мехмандаров, его заместители Али ага Шихлинский, генерал-майор

¹⁶ *Rəhmanzadə Ş. Azərbaycan-Gürcüstan münasibətlərində ərazi məsələləri (Azərbaycanın şimal-qərb bölgəsinin materialları əsasında, 1917–1930-cu illərin əvvəlləri)*. Bakı, 2008. Səh. 31.

¹⁷ *Назирли Ш.* Расстрелянные генералы Азербайджана. Баку, 2015. С. 74.

Ибрагим ага Усубов и наследный принц Амир Казым Мирза Кажар принимали парад азербайджанских войск, а когда XI армия вошла в Баку, народом овладела тревога. Многие бежали в Иран, Турцию. Тогда отец, мои тети Лейла, Тамара в Гяндже»¹⁸. После установления советской власти в Азербайджане принимал участие в антисоветском Гянджинском восстании. После подавления восстания был арестован и содержался в тюрьме, где и умер в июне 1920 г.

Заключение. Таким образом, привлечение простых горцев и местной элиты на службу русскому императору в составе милицейских частей, конных полков Собственного Его Императорского Величества Конвоя в период Кавказской войны способствовало созданию целой прослойки населения, лояльно относящейся к царской власти и защищающей ее интересы на местах. В свою очередь, власть также не оставалась в долгу, щедро одаривая военную элиту званиями, земельными угодьями, солидной пенсией и другими наградами. В этом смысле политика России на Кавказе демонстрировала определенную гибкость. Что же касается горцев-конвойцев, то, по замыслу правящих верхов, они действительно были проводниками русской культуры, образования и образа жизни. Становились впоследствии опытными офицерами и управленцами, чиновниками гражданского и военного аппарата. Их окружали почет и уважение со стороны соплеменников, материальное благополучие.

Литература

1. Назирли Ш. Генералы Азербайджана. Баку: Гянджлик, 1991. 206 с.
2. Назирли Ш. Расстрелянные генералы Азербайджана / [пер. Р. Бабаев, М. Мамедов, Э. Шарифов-Сейшелский; консультант и авт. предисл. Ч. Мамедов]. Баку: Bizim kitab, 2015. 576 с.
3. Тахнаева П. И. Они были первыми. Дагестанцы — офицеры гвардии СЕИВК // Новое дело. 2009. 20 марта. № 11 (895). С. 4.
4. Халаев З. А. Джарские офицеры царской армии // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 141–143.
5. Rəhmanzadə Ş. Azərbaycan-Gürcüstan münasibətlərində ərəzi məsələləri (Azərbaycanın şimal-qərb bölgəsinin materialları əsasında, 1917–1930-cu illərin əvvəlləri) = Территориальные вопросы в азербайджано-грузинских отношениях (По материалам северо-западного региона). Bakı: Aspoliqraf, 2008. 276 səh. (Ha azərbay.).

References

1. Nazirli Sh. Generaly Azerbaidzhana [Generals of Azerbaijan]. Baku: Giandzhlik, 1991. 206 p. (In Russ.).
2. Nazirli Sh. Rasstreliaunnye generaly Azerbaidzhana [Executed generals of Azerbaijan] / [per. R. Babaev, M. Mamedov, E. Sharifov-Seishelskii; konsul'tant i avt. predisl. Ch. Mamedov]. Baku: Bizim kitab, 2015. 576 p. (In Russ.).

¹⁸ Назирли Ш. Расстрелянные генералы Азербайджана. Баку, 2015. С. 76.

3. Takhnaeva P. I. Oni byli pervymi. Dagestantsy — ofitsery gvardii SEIVK [They were the first. Dagestanis — officers of the SEIVK Guard (His Imperial Majesty's Own Convoy)] // Novoe delo. 2009. 20 marta. № 11 (895). P. 4. (In Russ.).

4. Khalaev Z. A. Dzharskie ofitsery tsarskoi armii [Jar officers of the tsarist army] // Voprosy istorii. 2015. № 10. P. 141–143. (In Russ.).

5. Rəhmanzadə Ş. Azərbaycan-Gürcüstan münasibətlərində ərəzi məsələləri (Azərbaycanın şimal-qərb bölgəsinin materialları əsasında, 1917–1930-cu illərin əvvəlləri) = Territorial'nye voprosy v azerbaidzhano-gruzinskikh otnosheniikh (Po materialam severo-zapadnogo regiona) [Territorial issues in Azerbaijani-Georgian relations (Based on the materials of the North-Western region)]. Bakı: Aspoliqraf, 2008. 276 p. (In Azerbaijani).

Приложение¹⁹

Таблица 1

Посемейный список поколения Шейх Шабана, фамилий Кашдалов, озыскивающих бекского достоинства²⁰

Члены семьи	Имя	Возраст	Жена	Возраст	Дети	Возраст
1	Прапорщик Дада-бек, сын Герав-бека	54	Марьям, дочь Магомед-бека	42	Марьям-ханум, мать Хавва	7 25
2	Сын Дада-бека Герав-бек	25	Айшат-ханум, дочь прапорщика Джонгоз-бека	21	Мина Гуруй Магомед-бек Гасан-бек	7 4 6 2
3	Цетав-бек (служит в конвое Его И. В. с 20 июня)	20	—	—	—	—
4	Брат Дада-бека Магомед-бек	50	Гуруй, дочь Ваци	45	Ахмед-бек Шабан-бек Абдулла-бек Малла Рамазан Абдурахман	19 17 15 8 6 —

¹⁹ Все таблицы, размещенные в Приложении, впервые опубликованы: Халаев З. А., Муртазаев А. О. Взаимоотношения Джаро-Белоканских обществ и администрации Российской империи на Кавказе в 1783–1860 годах: монография. Махачкала: АЛЕФ, 2021. С. 188; 190–191; 193–194; 191–193.

²⁰ ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

Таблица 2

**Посемейный список жителей с. Джар, фамилий Исмаиловых,
озыскивающих бекского достоинства²¹**

Члены семьи	Имя	Возраст	Жена	Возраст	Дети	Возраст
1	Подполковник Магомед-али-ага Исмаилов	55	Гавва-ханум	36	Магомед-али Гаджи-омар Айша-ханум Кягай (Кахай) Гуруй-ханум Марьям-ханум	11 6 15 18 9 4
2	Брат — Маго- мед-али-ага	53	???	—	Исмаил-ага Магомед-ага Фатима-ханум	25 20 14
3	Али-ага, сын Гаджи-омара	35	Гуруй-ханум	32	Гаджи-омар Фатима-ханум Марьям-ханум Чухай-ханум	2 12 8 5
4	Гаджав-ага, сын Джуджу-ага, мать — Гуруй- ханум	18 56	—	—	<i>Братья:</i> Херав-ага Бурджа-али-ага Аслан-ага	16 13 10
5	Али-ага, сын Ахмада-ага	23	Марьям- ханум	22	Фатма-ханум Мухаммад-али	2 1
6	Али-ага, сын Мухаммада- эмин	35	Марьям	30	Мухаммада- эмин Мухаммад Гуруй Фатима	12 8 5 Нов/ рожд.
7	Мухаммад-али, сын Омара-ага	48	Хавва-ханум	45	Херав-ага Ахмад-ага Айша-ханум Кягей-ханум (Кахей)	7 6 10 1

²¹ ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

Таблица 3

**Посемейный список жителей с. Джар, фамилий Куркна,
озыскивающихся бекского достоинства²²**

Члены семьи	Имя	Возраст	Жена	Возраст	Дети	Возраст
1	Магомед-ага, сын подполковника Ахмада-ага. Брат Араби, его мать — Фатимат	23 13 50	Фатимат	23	Али Марьям	2 3
2	Юнкер Умма-ага, сын поручика Куркна Шабана	34	Хадижат	29	Исмаил Фатма-ханум Марьям-ханум Хавва-ханум Мария (Ана-ханум)	11 9 6 3 1
3	Магомед-ага, сын поручика Куркна Шабана-ага	32	Гуруй-ханум Марьям-ханум	30 37	Ибрагим Али Шабан Ахмед Хавва Фатима Хадижа Марьям Хавва Салихат	18 8 6 3 15 12 12 8 4 1
4	Абдуллагъ-ага, сын Шабана-ага	45	Салихат <i>Дочери:</i> Цетай Марьям-ханум	42 14 2	Шабан (жена Хадижа) Мухаммад Исмаил Махмуд	23 20 20 16 11
5	Ибрагим-ага, сын Мухаммада-ага. Брат Мухаммад-бек	25 22	Фатимат Хавва	20 20	Хавва-ханум Мухаммад-бек Ибрагим-бек	3 1 н/рож.

²² ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

Таблица 4

**Посемейный список жителей с. Джар, фамилий Джанга,
озыскивающихся бекского достоинства²³**

Члены семьи	Имя	Возраст	Жена	Возраст	Дети	Возраст
1	Майор Ахмад-ага, сын Джанга	60	Пирдаус-ханум	55	Марьям-ханум Фатма-ханум Хавва-ханум Хадижа-ханум	14 4 4 1
2	Брат Джуджи-ага	38	Залихат-ханум Хадижат-ханум	35 19	Мухаммад-бек	
3	Мухаммад Вали, сын Джанга-ага	36	Гуруй-ханум	28	Мухаммад Вали Джуджи-ага Магомед-ага Марьям-ханум	8 5 4 1
4	Шахбан-ага, сын капитана М-али	18	—	—	—	—

²³ ЦГИАГ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 25. Л. 48.

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.07

Суздальцев Илья Алексеевич

кандидат исторических наук

школа № 1381

Москва, Россия

ialoko90@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5204-0117

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ И ОСВЕЩЕНИЕ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые факторы, на основании которых допустимо утверждать, что во время проведения IV конгресса (5 ноября – 5 декабря 1922 г.) и после него произошло усиление централизации аппарата Коминтерна. Речь идет о 1) решении на конгрессе вопроса о руководящем составе Коммунистической партии Франции (далее — ФКП); 2) расширении полномочий Исполкома Коминтерна (далее — ИККИ). Для обоснования привлечены мнения историков и материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). На основании архивных данных автор изучает деятельность так называемой пятерки членов РКП(б), входящих в ИККИ и обладающих решающими полномочиями как в Исполкоме Коминтерна, так и на его IV конгрессе, а именно: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина, К. Б. Радека. Кроме того, в статье анализируются результаты IV конгресса Коминтерна и как они были отражены в советской прессе (журнал «Коммунистический Интернационал», газеты «Правда» и «Известия») и в газетах коммунистических партий Франции (L'Humanité) и Италии (Avanti!) — тех партий, которые больше всего критиковались на IV конгрессе за несогласие с теми или иными директивами Коминтерна. Делается вывод, что полномочия ИККИ были приравнены к полномочиям конгресса, что повлияло на усиление контроля над иностранными коммунистами; в советской прессе все решения Исполкома Коминтерна были поддержаны, в иностранных коммунистических газетах

увидели свет публикации, в которых авторы выражали несогласие с некоторыми постановлениями IV конгресса.

Ключевые слова: ИККИ, единый рабочий фронт, ФКП, ИКП, РКП(б), пятерка, L'Humanité, Avanti!.

Suzdaltsev Ilya A.

Candidate of Historical Sciences,

School № 1381

Moscow, Russia

ialoko90@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5204-0117

IV CONGRESS OF THE COMINTERN: FEATURES OF THE CONDUCTING AND COVERAGE IN THE COMMUNIST PRESS

Abstract. The article examines the key factors on the basis of which there was a strengthening during and after its IV Congress (November 5 – December 5, 1922): 1) the decision at the Congress of the question of the leadership of the Communist Party of France (hereinafter — CPF); 2) increasing the powers of the Executive Committee of the Comintern (hereinafter — ECCI). Historians and materials from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) were involved in the substantiation. The author, on the basis of archival data, studies the activities of the so-called “Pentad” — members of the RCP(b), members of the ECCI and possessing decisive powers both in the Executive Committee of the Comintern and at its IV Congress: V. I. Lenin, L. D. Trotsky, G. E. Zinovieva, N. I. Bukharin, K. B. Radek. The article also contains an analysis of how the results of the IV Congress of the Comintern were reflected in the Soviet press (*Kommunisticheskiy Internatsional magazine*, *Pravda* and *Izvestia* newspapers) and in newspapers of the communist parties in France (*L'Humanité*) and Italy (*Avanti!*) — those parties that were most criticized at the IV Congress for disagreeing with the same or other directives of the Comintern. It is concluded that the powers of the ECCI were equated with the strengthening of the power of the Congress, which influenced the strengthening of control over foreign communists; in the Soviet press, all decisions of the Executive Committee of the Comintern were supported, including publications in which the authors expressed disagreement with some decisions of the IV Congress.

Keywords: ECCI, united workers' front, CPF, PCI, VKP(b), pentad, *L'Humanité*, *Avanti!*.

Введение. В 2022 г. исполнится 100 лет с момента проведения IV конгресса Коминтерна — международной организации, созданной для координации коммунистических партий в 1919–1943 гг. Актуальность избранной темы видится в том, что без изучения эволюции политики Коминтерна сложно комплексно исследовать историю внешней политики Советской России. В последние годы об актуальности вопроса говорит

также значительное количество публикаций отечественных¹ и зарубежных исследователей², посвященных как Коминтерну в общем, так и IV конгрессу в частности. Тема Коминтерна вызывает повышенный интерес благодаря открытию все новых архивных фондов и необходимости разобраться в ряде спорных, малоизученных либо требующих переосмысления вопросов, например связанных с причинами усиления централизации аппарата Коминтерна на его IV конгрессе.

Мнения о характере IV конгресса у историков расходятся: А. Ю. Ватлин, К. В. Киселев и др. отрицают наличие на конгрессе каких-либо практически полезных дискуссий и приходят к выводу, что его результатом стало значительное усиление централизации Коминтерна³; А. А. Улунян, Н. П. Комолова, М. Б. Корчагина и др., развивая эту мысль, приходят к выводу, что из-за курса на централизацию на конгрессе был заложен идеологизированный подход к трактовке фашизма⁴. Е. А. Полиновская считает, что при этом на IV конгрессе был сделан «важный вывод о реакционной, антидемократической природе фашизма»⁵.

Британские исследователи Дж. Макилрой и А. Кэмпбелл, а также канадский историк Дж. Ридделл высказывают мнение, что на IV конгрессе Коминтерна еще присутствовали демократические тенденции⁶. В то же время

¹ Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018; Фирсов Ф. И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М., 2019; Левая альтернатива в XX в.: драма идей и судьбы людей: к 100-летию Коминтерна: сб. материалов междунар. научной конференции / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2019; Время Коминтерна: материалы междунар. научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала / Гос. публ. ист. биб-ка России, ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова; науч. ред. О. С. Поршнева; сост. Е. Н. Струкова, К. Б. Харитонов. М., 2020.

² Zumoff J. A. The Communist International and U. S. Communism, 1919–1929. Chicago, 2014; Petersson F. Imperialism and the Communist International // Journal of Labor and Society. 2017. Vol. 20. P. 23–42; Morgan K. International Communism and the cult of the individual. London, 2017; Drachewych O. The Communist International, anti-imperialism and racial equality in British Dominions. London; New York, 2019; Idem. Great disappointment, shifting opportunities: a glimpse into the Comintern, Western European parties and their colonial work in the Third Period // Twentieth Century Communism. 2020. Iss. 18. P. 150–173; Comintern aesthetics / edited by Amelia M. Glaser and Steven S. Lee. Toronto, 2020.

³ Ватлин А. Ю. Внешняя политика и Коминтерн. 1921–1929 гг. // Россия нэповская / под ред. ак. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 331–375; Киселев К. В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2003. № 4. С. 227–267.

⁴ Улунян А. А. Коминтерн и Балканы: революционная геополитика. 1919–1938 // История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002. С. 259; Комолова Н. П., Корчагина М. Б., Шириня К. К., Дамье В. В. Коминтерн против фашизма // Там же. С. 89.

⁵ Полиновская Е. А. Антифашистская концепция Коминтерна: история формирования и эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 154.

⁶ Mcilroy J., Campbell A. Bolshevism, Stalinism and the Comintern: a historical controversy revisited // Labor History. 2019. Vol. 60. Iss. 3. P. 174; Riddell J. The Comintern in 1922 // Historical Materialism. 2014. № 22 (3–4). P. 52, 60–63.

в статье Ридделла присутствует ряд противоречий: говоря о демократических тенденциях на конгрессе, автор одновременно констатирует, что руководство Коминтерна убедило большинство итальянских делегатов поддержать слияние социалистической и коммунистической партий. Вопрос об участии коммунистов в формировании немецкого правительства обсуждался на специальном заседании 16 ноября с лидерами РКП(б), после чего представители Коммунистической партии Германии вынуждены были изменить свою начальную позицию. Дискуссия по программе Коминтерна, пишет Ридделл, оборвалась после трех докладов, выявивших резкое несогласие по вопросу, связанному с политикой единого фронта. В итоге через три дня Н. И. Бухарин озвучил заявление российской делегации, составленное В. И. Лениным⁷.

Ход и результаты исследования. III конгресс Коминтерна, состоявшийся в июне – июле 1921 г., взял курс на проведение тактики единого рабочего фронта с социал-демократическими партиями⁸. Созванная в апреле 1922 г. конференция трех Интернационалов (II, II ½ и Коммунистического) закончилась для Коминтерна неудачно: на единственном заседании «комиссии девяти», созданной по итогам конференции, делегация III Интернационала заявила о своем выходе из нее. Второй расширенный пленум ИККИ (7–11 июля 1922 г.) взял курс на борьбу за единство рабочего класса, но уже без социал-демократов⁹.

Не все европейские коммунистические партии поддерживали новую тактику Коминтерна. Среди них самой активной была ФКП: ее делегаты не принимали единый рабочий фронт ни в какой форме, проголосовав против еще на стадии его предварительного обсуждения на I Расширенном пленуме ИККИ 21 февраля – 4 марта 1922 г. Руководство ФКП 24 апреля опубликовало резолюцию о едином фронте, в которой высказалось о решительном несогласии с проведением этой тактики во Франции, а также выступив против создания «комиссии девяти»¹⁰. Возможность создания единого рабочего фронта без социал-демократов также не вызвала энтузиазма среди французских коммунистов.

В итоге против ФКП началась масштабная кампания по ее критике. В неофициальной части резолюции II Расширенного пленума ИККИ «О коммунистической партии Франции», судя по письму Л. Д. Троцкого В. И. Ленину, написанному в преддверии IV конгресса, к ней выдвигались следующие требования: членам партии не публиковаться в буржуазной печати, а также начать кампанию по созданию коммунистических ячеек в синдикатах¹¹.

⁷ Riddell J. Op. cit. P. 52, 60–63, 66, 75, 81–84.

⁸ Kellogg P. Coalition building, capitalism and war-of — Review article of John Riddell, To the masses: Proceedings of the Third Congress of the Communist International, 1921 // Socialist Studies / Études socialistes. 2017. Vol. 12 (1). P. 173.

⁹ Подробнее см.: Суздальцев И. А. Эволюция политической линии Коминтерна в 1919–1922 гг. (по материалам журнала «Коммунистический Интернационал») // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: материалы Международной научной конференции молодых ученых: сб. научных трудов / отв. ред. В. Е. Воронин. М., 2021. С. 367.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 326. Л. 36.

¹¹ Там же. Д. 266. Л. 2.

Приблизительно в то же время сформировалась так называемая пятерка — члены ЦК РКП(б), входящие в ИККИ: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, К. Б. Радек¹², — которая в дальнейшем окажет существенное влияние на решение вопроса, связанного с единым фронтом во Франции, а также на усиление централизации Коминтерна. Об этом «тайном обществе» говорит в том числе письмо Л. Д. Троцкого указанным выше членам РКП(б), написанное 20 сентября 1922 г., в котором он пишет, что стенограмма речи на заседании французской комиссии будет находиться у него и «может быть предоставлена по требованию любого из членов “пятерки”»¹³. 29 сентября Г. Е. Зиновьев, находящийся под влиянием событий в ФКП, составил проект об ИККИ¹⁴, согласно которому полномочия Исполкома во взаимоотношениях с национальными секциями расширились до возможности вмешательства в кадровые вопросы партий.

На IV конгрессе Коминтерна вопрос о ФКП, руководство которой значительно так и не изменило своих изначальных позиций, приобрел более серьезные масштабы: 22 ноября Л. Д. Троцкий в письме членам пятерки высказывает предложение о формировании на конгрессе нового Центрального комитета ФКП (позже поддержанное всеми членами пятерки¹⁵) и задается вопросом, как это предложение с новым списком членов ЦК от конгресса передать экстраординарному конгрессу ФКП¹⁶.

Деятельность пятерки принесла свои плоды: в «Политической резолюции по французскому вопросу» ФКП была обвинена в нерешительной, колеблющейся, выжидательной политике, в прямом саботаже «в вопросах синдикальных, единого фронта, партийной организации», что привело к потере времени для революционного развития французского пролетариата¹⁷. Французский вопрос продолжал решаться и после конгресса, причем кулуарно, в его обсуждении снова участвовали вышеупомянутые члены РКП(б), о чем говорит письмо Г. Е. Зиновьева от 6 декабря 1922 г., в котором он пишет, что проект постановления по французскому вопросу, составленный им, предназначен только для «внутреннего потребления» и предлагает членам пятерки сформулировать по поводу него свои суждения¹⁸. Результатом обсуждения французского вопроса стало практически полностью обновленное руководство ЦК ФКП, которое было избрано на Национальном совете ФКП в январе 1923 г., а также принятие тактики единого фронта как одной из главных политических задач партии, что, вероятнее всего, стало прямым следствием деятельности пятерки РКП(б) до IV конгресса, во время его работы и после него.

¹² Тайманова Т. С. Борис Суварин в Москве: посвящение в советологию // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 53.

¹³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 35.

¹⁴ Там же. Л. 39.

¹⁵ Там же. Л. 141.

¹⁶ Там же. Л. 136.

¹⁷ Политическая резолюция по французскому вопросу // Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919–1932). М., 1933. С. 343–344.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 47.

Итальянская коммунистическая партия (ИКП) критиковалась за то, что в условиях наличия объективных предпосылок революции «не доставало решительной, готовой к бою сознательной, революционной рабочей партии»¹⁹. Ввиду этого конгресс постановил «немедленно объединить коммунистическую и социалистическую партию Италии»²⁰. Вызвано это в том числе несогласием некоторых членов ИКП с политикой Коминтерна. Например, еще на III конгрессе серьезную дискуссию, организованную некоторыми делегатами («левыми»), обвинившими Коминтерн в чрезмерном внимании к внутренним делам страны и отсутствии учета интересов революции в западноевропейских странах, поддержал представитель ИКП У. Террачини. Во время обсуждения тактики единого рабочего фронта между конгрессами большинство итальянских коммунистов допускали сотрудничество только с профсоюзами и на пленумах ИККИ голосовали против коминтерновских резолюций²¹.

К усилению полномочий ИККИ, вызванному в том числе позициями ФКП и ИКП по единому рабочему фронту, члены РКП(б) стали готовиться как минимум за несколько месяцев до конгресса, увеличив в том числе свое представительство. Изначально практика по увеличению числа делегатов от РКП(б) была апробирована на II Расширенном пленуме ИККИ, затем, 2 ноября, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об увеличении числа представителей от партии большевиков в ИККИ: помимо избранных после III конгресса членов пятерки²² в исполком были делегированы И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, Г. Л. Пятаков, Д. З. Мануильский, а также в качестве кандидатов С. А. Лозовский, Г. И. Сафаров и Е. А. Преображенский²³. Кроме того, был увеличен состав русской делегации: в начале октября предлагалось ограничиться 50 делегатами²⁴, к 30 октября список, утвержденный Оргбюро ЦК РКП(б), включал уже 75 представителей²⁵.

Смысл проекта Зиновьева, составленного 29 сентября 1922 г. (см. выше) и принятого на конгрессе заключался в том, что члены ЦК зарубежных коммунистических партий не могли быть отправлены в отставку только решением ЦК партии, окончательное решение отныне должно было приниматься в ИККИ, так как «выборный руководящий мандат коммунистической партии принадлежит не отдельному лицу, а Коммунистическому Интернационалу

¹⁹ Итальянский вопрос // Коммунистический Интернационал в документах... С. 357.

²⁰ Там же. С. 359.

²¹ *Суздальцев И. А.* Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. С. 93, 100–102.

²² *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. М., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 38.

²³ Из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 2 ноября 1922 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 142.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 4. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 44.

в целом²⁶. До принятия на конгрессе проект обсуждался исключительно в масштабах пятерки: 11 ноября Зиновьев телеграфировал своим соратникам, что, если у них есть поправки и замечания, их необходимо срочно передать ему, при необходимости обсуждения — как можно скорее собраться²⁷. Окончательный вариант тезисов был составлен Зиновьевым 29 ноября²⁸, доработан Лениным²⁹ и принят в заключительные дни конгресса. Он включал в себя также пункт о том, что ИККИ предоставляются полномочия «исключать из Коминтерна и из национальных секций отдельных лиц и целые группы, которые, по мнению Исполкома Коминтерна, являются враждебными коммунизму»³⁰.

Конгресс утвердил решение избирать членов ИККИ на конгрессах. При ведущей роли РКП(б) в Коминтерне это означало, что при формировании исполкома их мнение имело бы решающее значение. Предусматривались созывы расширенного пленума ИККИ для обсуждения важнейших вопросов. Съезды входящих в III Интернационал партий теперь необходимо было проводить только после всемирных конгрессов. «Таким образом, — подчеркивалось в постановлении конгресса, — достигается возможность для Коммунистического Интернационала как централизованной всемирной партии, “сверху вниз”, идя по пути демократического централизма, давать отдельным партиям директивы, вытекающие из всего международного опыта»³¹. На конгрессе было принято решение об отмене императивных мандатов, которые давали возможность иностранному делегату занимать определенную партией позицию, а также о введении института уполномоченных, которые посылались Исполкомом Коминтерна в различные страны для контроля за осуществлением постановлений конгресса на местах³². Как показывает практика, после конгресса также участились визиты лидеров компартий в Москву³³ для обсуждения вопросов реализации необходимой политики с коминтерновскими инструкторами. Оргбюро ИККИ получило на конгрессе предписание заниматься вопросами организационной структуры зарубежных секций, фактически постоянно контролировать и направлять их деятельность — «советом и делом помогать организационному строительству»³⁴.

Руководство целого ряда коммунистических партий (например, партии Италии, Норвегии, Швеции, Великобритании), реагируя на итоги IV конгресса, заявило об опасности сверхцентрализации, однако их позиция не вызвала необходимой для них реакции в Коминтерне и привела к негативным для них последствиям: в Норвежской рабочей партии произошел раскол, в других

²⁶ Адибеков Г. М., Шахназарова Э. М., Ширина К. К. Указ. соч. С. 64.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 43.

²⁸ Там же. Л. 56.

²⁹ Там же. Л. 83.

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Цит. по: Адибеков Г. М., Шахназарова Э. М., Ширина К. К. Указ. соч. С. 64.

³² Там же.

³³ Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 333.

³⁴ Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К. Указ. соч. С. 64.

партиях часть нелояльного руководства была заменена, Коммунистическую партию Великобритании Г. Е. Зиновьев назвал «ахиллесовой пятой Интернационала»³⁵. В итоге курс Коминтерна на централизацию его аппарата пересмотрен не был, даже несмотря на сокращение числа его членов, что подтверждается выступлением Зиновьева на пленуме ЦК РКП(б) 1 ноября 1923 г., в котором он заявил, что в результате этой политики пришлось отрезать часть коммунистов хирургическим путем³⁶.

Главным информационным источником, освещавшим проведение конгресса, был журнал «Коммунистический Интернационал», а также советская пресса, главным образом газеты «Правда» и «Известия». Тенденции к усилению централизации, а также критика французской компартии в значительном объеме были представлены в «Коммунистическом Интернационале». Например, Г. Е. Зиновьев высказывался о программе Коминтерна, заявляя, что необходимо создать «единый документ, охватывающий все мировое положение»³⁷. Соответственно, если даже учет национальных особенностей в какой-то мере и планировался, он, по-видимому, должен был касаться большого региона (например, Западной Европы), которому свойственны одинаковые тенденции. В Коммунистической партии Франции, продолжал Зиновьев, живы пацифистские, полуанархистские и полусиндикалистские традиции. «Партия переживает перманентный кризис своего ЦК, она не смогла еще создать руководящего органа»³⁸. «Часть французской партии имеет тенденцию повернуть направо»³⁹. В заявлении ИККИ предстоящему съезду КПФ присутствовало пожелание твердой рукой провести на своем съезде «необходимые меры оздоровления и возрождения»⁴⁰.

Позиция Зиновьева по Коминтерну нашла отражение в статьях его соратников, касающихся результатов конгресса. К. Радек подчеркивал, оправдывая усиление управленческих функций ИККИ: «IV конгресс сказал открыто, что мы находимся в периоде наступления капитала, т. е., что инициатива в руках наших врагов»⁴¹. К. Цеткин указывала на решающую роль большевиков в Коминтерне сквозь призму успешного взятия ими власти: «прения, резолюции конгресса, к чему бы они не относились, находились под углом признания русской революции

³⁵ *Mcilroy J., Campbell A.* The early British Communist leaders, 1920–1923: a prosopographical exploration // *Labor History*. 2020. Vol. 61. Iss. 5-6. P. 424.

³⁶ Из протокола № 41 заседания Политбюро ЦК РКП(б). Об агитации в связи с международным положением. О норвежской партии. 1 ноября 1923 г. Примечания // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: документы. М., 2004. С. 216.

³⁷ *Зиновьев Г. Е.* Четвертый всемирный конгресс Коминтерна (Доклад Г. Зиновьева на Всероссийской конференции РКП(б) 5–7 августа 1922 г.) // *Коммунистический Интернационал*. 1922. № 22. С. 5682.

³⁸ Там же. С. 5692.

³⁹ Там же. С. 5694.

⁴⁰ Съезду Французской коммунистической партии // *Коммунистический Интернационал*. 1922. № 23. С. 6223.

⁴¹ *Радек К. Б.* От Гааги к Эссену // *Коммунистический Интернационал*. 1923. № 24. С. 6360–6361.

и оказываемого ею воздействия»⁴². В. Коларов, говоря о праве ИККИ вмешиваться во внутреннюю работу отдельных секций, писал, что «никакая международная организация не могла бы существовать без такого рода вмешательства»⁴³; отмену императивных мандатов он оправдывал тем, что «делегаты на международные съезды должны приносить с собой опыт и мнение своих партий, но они должны иметь полную свободу после ознакомления с мнениями и опытом других партий, принять самое правильное с международной точки зрения решение»⁴⁴.

В «Правде» были опубликованы доклады всех выступающих на конгрессе от РКП(б), например выступление Троцкого, в котором отмечалось, что «кризис французской партии выражается в острой борьбе фракций»⁴⁵. Кроме того, была опубликована «Резолюция по французскому вопросу», в которой было указано, что «конгресс единогласно принимает политическую резолюцию по французскому вопросу»⁴⁶. В «Правде» затрагивался и итальянский вопрос: в заявлении руководителя партии А. Бордиги было высказано решение ИКП о том, что «хотя большинство делегации было против слияния, подчиняясь постановлению конгресса, итальянская партия обязывается тщательно проводить принятое постановление и голосует за резолюцию»⁴⁷. М. Ракоши, подводя итоги конгресса, отмечал: «Были подвергнуты критике те слабые стороны, которые проявили партии при проведении этой линии (тактики единого рабочего фронта. — *И. С.*) в жизнь. Этот конгресс — это крупный шаг вперед в области внутреннего сплочения Коммунистического Интернационала»⁴⁸.

В «Известиях» была напечатана декларация французских коммунистов, где указывалось: «Чтобы покончить с кризисом, потрясающим партию, французская партия в целом обратилась к IV-му конгрессу и без оговорок отдает себя в распоряжение его»⁴⁹.

На страницах партийной прессы французских и итальянских коммунистов реакция была не такой однозначной. На страницах французской «L'Humanité» лояльными коммунистами высказывались слова поддержки политики Коминтерна и большевиков: «для пролетариев всего мира русские революционеры символизируют их общие надежды на революцию» (М. Кашен)⁵⁰; «вы остаетесь единственным оплотом в разоренной Европе, которой правят

⁴² *Цеткин К.* Российская революция на IV всемирном конгрессе Коминтерна // Коммунистический Интернационал. 1923. № 24. С. 6380.

⁴³ *Коларов В.* Коммунистический Интернационал — единая международная партия // Коммунистический Интернационал. 1923. № 24. С. 3686.

⁴⁴ Там же. С. 6388.

⁴⁵ Двадцать восьмое заседание. Доклад т. Троцкого // Правда. 1922. 5 декабря. № 275. С. 2.

⁴⁶ Резолюция по французскому вопросу // Правда. 1922. 5 декабря. № 275. С. 2.

⁴⁷ Тридцатое заседание. Итальянский вопрос. Заявление т. Бордиги // Правда. 1922. 5 декабря. № 275. С. 3.

⁴⁸ *Ракоши М.* Итоги IV мирового конгресса // Правда. 1922. 6 декабря. № 276. С. 1.

⁴⁹ IV конгресс Коминтерна. Двадцать второй день. Декларация делегации центра // Известия. 1922. 5 декабря. № 275. С. 2.

⁵⁰ *Cachin M.* Un pouvoir “usurpateur” // L'Humanité. 07 novembre 1922. P. 4.

палачи» (В. Серж)⁵¹. Отмечалось, что после речи Троцкого представители всех фракций ФКП согласились с тезисами комиссии, вопрос был урегулирован полюбовно⁵². При этом Л. О. Фроссар, в начале 1923 г. покинувший ФКП, писал о дилемме в вопросе тактики единого рабочего фронта: занимать позицию Коминтерна, заботясь о единстве партии, либо не менять своего мнения⁵³, и приходил к выводу, что важно не единство для единства, а единство для действия⁵⁴.

В итальянской *Avanti!* вскоре после конгресса были опубликованы две статьи — левого максималиста Дж. Серрати, выступавшего за слияние ИСП с компартией, и главного редактора газеты П. Ненни, в которой тот, в ответ на ультиматум Коминтерна об объединении ИСП и ИКП, писал, что единство революционных сил, которое созревает снизу, не должно быть навязано извне⁵⁵.

Заключение. IV конгресс способствовал тому, что численно увеличившийся аппарат Коминтерна получил ряд новых полномочий, которыми ранее обладал только конгресс, соответственно, значительно усилился контроль над иностранными коммунистами. Сокращение полномочий представителей зарубежных секций, вызванное реорганизацией ИККИ, способствовало тому, что роль представителя той или иной партии в Коминтерне стала заключаться только в обработке и передаче директивной информации своим однопартийцам. ИККИ получил возможность составлять резолюции и инструкции в том числе и по конкретным вопросам зарубежных секций. По итогам IV конгресса Коминтерна, советское правительство и РКП(б) увеличили и без того серьезное влияние в этой международной организации. Реакция в советской прессе на события IV конгресса была однозначной: в «Коммунистическом Интернационале», «Правде», «Известиях» высказывалась поддержка взятому на конгрессе курсу, во французской и итальянской партийной прессе были озвучены точки зрения, вступающие в противоречие с официальной линией Коминтерна. Однако это не говорит о росте демократических тенденций в международном коммунистическом движении: Л. О. Фроссар, остававшийся на изначальных позициях ФКП по поводу единого рабочего фронта, вскоре будет исключен из партии; в Италии же будет основан лояльный орган прессы Итальянской коммунистической партии — газета *L'Unità*.

⁵¹ *Serge V. Cinq ans de lutté // L'Humanité. 07 novembre 1922. P. 4.*

⁵² *Au 4 Congres. La question francaise // L'Humanité. 06 decembre 1922. P. 1.*

⁵³ *Frossard L. O. Les decisions concernant le Parti francais // L'Humanité. 07 decembre 1922. P. 1.*

⁵⁴ *Frossard L. O. Le parti socialiste se derobe... // L'Humanité. 10 decembre 1922. P. 1.*

⁵⁵ *Benvenuto G. Un popolo a sinistra. Il racconto di Tamburrano // Avanti! 14 Dicembre 2016. URL: <https://www.avantionline.it/un-popolo-a-sinistra-il-racconto-di-tamburrano/> (дата обращения: 01.06.2022).*

Литература

1. Адиебеков Г. М., Шахназарова Э. М., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
2. Ватлин А. Ю. Внешняя политика и Коминтерн. 1921–1929 гг. // Россия неповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 331–375.
3. Киселев К. В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2003. № 4. С. 227–267.
4. Комолова Н. П., Корчагина М. Б., Шириня К. К., Дамье В. В. Коминтерн против фашизма // История Коммунистического Интернационала. Документальные очерки. М.: Наука, 2002. С. 74–115.
5. Полиновская Е. А. Антифашистская концепция Коминтерна: история формирования и эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 152–163.
6. Суздальцев И. А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. 206 с.
7. Суздальцев И. А. Эволюция политической линии Коминтерна в 1919–1922 гг. (по материалам журнала «Коммунистический Интернационал») // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: материалы Международной научной конференции молодых ученых: сб. научных трудов / отв. ред. В. Е. Воронин. М.: Спутник+, 2021. С. 363–367.
8. Тайманова Т. С. Борис Суварин в Москве: посвящение в советологию // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 51–61.
9. Улунян А. А. Коминтерн и Балканы: революционная геополитика. 1919–1938 // История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М.: Наука, 2002. С. 254–292.
10. Mcilroy J., Campbell A. Bolshevism, Stalinism and the Comintern: a historical controversy revisited // Labor History. 2019. Vol. 60. Iss. 3. P. 165–192.
11. Mcilroy J., Campbell A. The early British Communist leaders, 1920–1923: a prosopographical exploration // Labor History. 2020. Vol. 61. Iss. 5-6. P. 423–465.
12. Kellogg P. Coalition building, Capitalism and War-of — Review article of John Riddell, To the masses: Proceedings of the Third Congress of the Communist International, 1921 // Socialist Studies / Études socialistes. 2017. Vol. 12 (1). P. 169–180.
13. Riddell J. The Comintern in 1922 // Historical Materialism. 2014. № 22 (3–4). P. 52–103.

References

1. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. M., Shirinia K. K. Organizatsionnaia struktura Kominterna. 1919–1943 [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. M.: ROSSPEN, 1997. 287 p. (In Russ.).
2. Vatlin A. Iu. Vneshniaia politika i Komintern. 1921–1929 gg. [Foreign policy and the Comintern. 1921–1929] // Rossiia nepovskaia. M.: Novyi khronograf, 2002. P. 331–375. (In Russ.).
3. Kiselev K. V. K voprosu o logike razvitiia organizatsionnoi struktury mirovoi partii (Komintern i sud'ba mirovogo kommunizma) [To the question of the logic of the development of the organizational structure of the world party (the Comintern and the fate

of world communism)] // Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2003. № 4. P. 227–267. (In Russ.).

4. Komolova N. P., Korchagina M. B., Shirinia K. K., Dam'e V. V. Komintern protiv fashizma [Comintern against fascism] // Istoriiia Kommunisticheskogo Internatsionala. Dokumental'nye ocherki. M.: Nauka, 2002. P. 74–115. (In Russ.).

5. Polinovskaia E. A. Antifashistskaia kontseptsiiia Kominterna: istoriia formirovaniia i evoliutsii [Antifascist concept of the Comintern: the history of formation and evolution] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2019. № 1 (834). P. 152–163. (In Russ.).

6. Suzdal'tsev I. A. Bol'sheviki i politika Kominterna v 1919–1924 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [The Bolsheviks and the politics of the Comintern in 1919–1924: dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Mytishchi, 2019. 206 p. (In Russ.).

7. Suzdal'tsev I. A. Evoliutsiiia politicheskoi linii Kominterna v 1919–1922 gg. (po materialam zhurnala «Kommunisticheskii Internatsional») [The evolution of the political line of the Comintern in 1919–1922 (based on the materials of the journal *Communist International*)] // Kliuchevskie chteniia – 2020. Narod i vlast': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: sb. nauchnykh trudov / otv. red. V. E. Voronin. M.: Sputnik+, 2021. P. 363–367. (In Russ.).

8. Taimanova T. S. Boris Suvarin v Moskve: posviashchenie v sovetologiiu [Boris Souvarin in Moscow: initiation into sovietology] // Noveishaia istoriia Rossii. 2017. № 1 (18). P. 51–61. (In Russ.).

9. Ulunian A. A. Komintern i Balkany: revoliutsionnaia geopolitika. 1919–1938 [The Comintern and the Balkans: Revolutionary Geopolitics. 1919–1938] // Istoriiia Kommunisticheskogo Internatsionala. 1919–1943. Dokumental'nye ocherki. M.: Nauka, 2002. P. 254–292. (In Russ.).

10. Mcilroy J., Campbell A. Bolshevism, Stalinism and the Comintern: a historical controversy revisited // Labor History. 2019. Vol. 60. Iss. 3. P. 165–192.

11. Mcilroy J., Campbell A. The early British Communist leaders, 1920–1923: a prosopographical exploration // Labor History. 2020. Vol. 61. Iss. 5-6. P. 423–465.

12. Kellogg P. Coalition building, Capitalism and War-of — Review article of John Riddell, To the masses: Proceedings of the Third Congress of the Communist International, 1921 // Socialist Studies / Études socialistes. 2017. Vol. 12 (1). P. 169–180.

13. Riddell J. The Comintern in 1922 // Historical Materialism. 2014. № 22 (3–4). P. 52–103.

УДК 342,56: 94 (571,51) «1945–1953»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.08

Печерский Владимир Арнольдович

кандидат исторических наук
Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия
volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

НАРОДНЫЕ СУДЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 гг.)

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с деятельностью первичных судебных инстанций Красноярского края в послевоенный период. На основе изучения архивных источников показана работа народных судов по рассмотрению уголовных дел, связанных с невыработкой колхозниками обязательного минимума трудодней, кражами, хулиганством, нарушением положений указа от 26 июня 1940 г. В исследуемый период в колхозах работали в основном женщины, зачастую они не имели возможность выработать обязательный минимум трудодней, поскольку в отсутствие яслей им не с кем было оставить маленьких детей. Дела о невыработке обязательного минимума трудодней приходились в основном на период сельскохозяйственных работ. Если в сельской местности большинство дел касалось невыработки обязательного минимума трудодней, то в городах доминировали процессы о нарушении трудовой дисциплины — опозданиях и самовольном оставлении рабочих мест. Кражи провоцировались крайней бедностью населения. Причиной большого количества актов хулиганства было недостаточное внимание со стороны партийных и комсомольских органов к вопросам воспитания и организации досуга молодежи. Первичные судебные инстанции рассматривали также большое количество гражданских дел, возникавших из трудовых, семейных, жилищных споров. Народные судьи крайне слабо знали гражданское право, и их решения по гражданским делам отменялись очень часто. Делается вывод о том, что как уголовные, так и гражданские дела, рассмотренные в то время в народных судах, отражали социально-экономические процессы послевоенного периода.

Ключевые слова: Красноярский край, послевоенный период, судебные органы, народные суды, правосудие, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство.

Pechersky Vladimir A.

Candidate of Historical Sciences

Khakass Scientific Research

Institute of Language, Literature and History

Abakan, Russia

volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

**PEOPLE'S COURTS OF THE KRASNOYARSK DISTRICT
IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1953)**

Abstract. The article analyzes the issues related to activities of the primary courts of the Krasnoyarsk Region in the post-war period. Based on the analysis of archival sources, the work of the people's courts considering criminal cases related to collective farmers' failure to develop the mandatory minimum of workdays, theft, hooliganism, violation of the Decree of June 26, 1940 is shown. During the study period, mostly women worked on collective farms. They often did not have the opportunity to work out the workday mandatory minimum, because in the absence of a nursery, they had no one to leave babies with. Cases of non-fulfillment of the workday mandatory minimum took place mainly during the period of agricultural work. If in rural areas the people's courts considered mainly cases of non-fulfillment of the workday mandatory minimum, then in towns the processes of violation of labor discipline — lateness and unauthorized abandonment of workplaces — prevailed. Thefts were provoked by the extreme poverty of the population. The reason for the large number of acts of hooliganism was the lack of attention of the Party and Kom-somol authorities to education and organization of leisure for the young people. The primary courts also considered a large number of civil cases arising from labor, family, and housing disputes. The people's judges knew very little about civil law and their decisions on civil cases were very often canceled. It is concluded that both criminal and civil cases, considered in the people's courts at that time, reflected social and economic processes of the post-war period.

Keywords: Krasnoyarsk region, post-war period, judicial authorities, people's courts justice, criminal proceedings, civil proceedings.

Введение. С окончанием Великой Отечественной войны начался переход страны на мирные рельсы. При этом продолжали действовать многие законы военного времени и судебным органам приходилось работать в новых реалиях, но в соответствии со старой законодательной базой. В военное время народным судам пришлось испытать немало трудностей, с наступлением мира не все из них были преодолены.

Историография проблемы рассматривается в статье А. Я. Козинцева¹. Особенности работы судов в послевоенный период отражены в учебном пособии В. К. Цечоева². Значительное внимание деятельности судебных инстанций

¹ Козинцев А. Я. Современная историография советского судостроительства в 1930–1950-е гг. // Российский судья. 2020. № 1. С. 59–64.

² Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. М., 2015.

уделено в седьмом томе фундаментальной монографии «История суда и правосудия в России», посвященном судоустройству и судопроизводству периода НЭПа и основам построения социализма (1921–1956 гг.)³.

На региональном уровне тема получила освещение в статьях В. Н. Казарина⁴, В. А. Иванова, Е. В. Долгополовой⁵ и О. В. Коноваловой⁶. Деятельности органов юстиции и правопорядка Красноярского края посвящены наши работы⁷.

Особенности специальных судов — судебных органов, совмещавших в послевоенный период функции народных и областных (краевых) судов, — рассмотрены в монографии А. Я. Кодинцева, Д. Н. Шкаревского и В. В. Янши⁸, а также в статьях Д. Н. Шкаревского⁹.

Источниковую базу предлагаемого исследования составили документы Государственного архива Красноярского края, фонд Р-1924 — «Управление Министерства юстиции по Красноярскому краю». Краевое УМЮ вело надзорное наблюдение за первичными судебными инстанциями, поэтому в распоряжении данного ведомства находятся многочисленные документы, из которых исследователь может получить полное представление о работе народных судов, о достоинствах и недостатках этих судебных инстанций.

Хронологические рамки статьи определяются датой окончания Великой Отечественной войны — 9 мая 1945 г. — и годом смерти И. В. Сталина — 1953.

³ Сырых В. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 7. Судоустройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы). М., 2021.

⁴ Казарин В. Н. Иркутский областной суд в первые послевоенные годы (1945–1950) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 125–138.

⁵ Долгополова Е. В. Формирование судейского корпуса в первые послевоенные годы (на примере судов Ленинграда) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 110–115; Иванов В. А., Долгополова Е. В. Ленинградский городской суд во второй половине 1940 х — начале 1990-х годов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 6. С. 224–259.

⁶ Коновалова О. В. Советский суд (1945–1953 гг.) // Инновационная наука. 2016. № 2–3. С. 192–195.

⁷ Печерский В. А. Кадровый вопрос в деятельности судебных органов Красноярского края в послевоенный период (1945–1952): трудности и пути преодоления // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 110–119; Его же. Красноярский краевой суд в послевоенный период (1945–1950 гг.) // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 75–86; Его же. Судебные и правоохранительные органы Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Абакан, 2019.

⁸ Кодицев А. Я., Шкаревский Д. Н., Янши В. В. Органы специальной юстиции СССР. Сургут, 2016.

⁹ Шкаревский Д. Н. Формирование кадрового состава органов военно-транспортной и транспортной юстиции в 1941–1957 годах // Военно-юридический журнал. 2021. № 1. С. 28–32; Его же. Материально-техническое обеспечение органов транспортной юстиции в 1940-е — 1950-е гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 91–100; Его же. Нормативно-правовое регулирование деятельности органов транспортной юстиции в 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 27–32.

Ход и результаты исследования. Низшее звено советской судебной системы — народные суды, — согласно ст. 21 Закона «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г., рассматривали уголовные дела о:

- преступлениях против жизни, здоровья и достоинства граждан: об убийствах, нанесении телесных повреждений, производстве незаконных аборт, незаконном лишении свободы, изнасиловании, зломном неплатеже алиментов, оскорблении, хулиганстве, клевете;
- имущественных преступлениях: о разбое, грабеже, кражах, мошенничестве, вымогательстве;
- служебных преступлениях должностных лиц: о злоупотреблениях властью, превышении власти, бездействии власти, растратах, бесхозяйственности, подлогах, обвешивании и обмеривании, превышении цен;
- преступлениях против порядка управления: о нарушении избирательного закона, зломном неплатеже налогов и сборов, отказе от выполнения государственных поставок и повинностей, уклонении от призыва и обязанностей военной службы, нарушении законных распоряжений органов власти.

Кроме того, народные суды занимались гражданскими делами по искам об имуществе, искам, связанным с нарушением закона о труде, уплате алиментов, наследстве.

Таким образом, в ведении народных судов находилось большинство уголовных и гражданских дел, проходивших через судебные инстанции Советского Союза.

Во втором полугодии 1945 г. в народные суды края поступило 14 311 уголовных дел, в первой половине года таковых было 12 811. Число преступлений, совершенных по ст. 162 УК РСФСР, пунктам «г» и «д» «Кража государственного имущества», выросло с 1109 в первом полугодии 1945 г. до 1295 во втором, по пунктам «а», «б» и «в» той же статьи «Кража личного имущества» — с 612 до 732. По ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» за самовольный уход с места работы, по ч. 2 ст. 5 того же законодательного акта за опоздание на работу — с 5345 до 5724. По Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1942 г. «Об уклонении от трудовой мобилизации» — с 64 до 803, а по постановлению, принятому в тот же день, «О не выработке колхозниками обязательного минимума трудодней» — со 181 до 832¹⁰.

Рост отдельных видов преступлений носил сезонный характер. Во втором полугодии в крае начиналась хлебоуборочная кампания, поэтому резко возросло количество осужденных за невыполнение обязательного минимума трудодней и уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы.

¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 10. Л. 115.

По 832 поступившим в народные суды края делам о невыработке обязательного минимума трудодней было осуждено 504 человека, 56 — оправдано, в отношении 205 — прекращены производством, прочие дела были рассмотрены в следующем полугодии. Подобные дела прекращались в большинстве своем по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с Победой над гитлеровской Германией», согласно которому подлежали освобождению осужденные на срок не более 3 лет¹¹.

Реализация постановления от 15 апреля 1942 г. столкнулась с тем, что женщины, составлявшие в большинстве своем рабочую силу в колхозах, не могли оставить без присмотра своих малолетних детей. В сельской местности зачастую отсутствовали ясли, а оставить малышей со старшими детьми или престарелыми родственниками не представлялось возможным, так как в работу были вовлечены практически все сельчане.

Кражи, рассмотренные народными судами края, были связаны прежде всего с продовольствием. В первое послевоенное полугодие за хищение зерна и других сельскохозяйственных продуктов было привлечено к суду 964 человека, из них осуждено — 879, оправдано — 37, в отношении 48 — дела были прекращены производством¹².

При нехватке продовольствия во время войны и в послевоенный период, именно продукты питания становились и продолжали оставаться основным предметом преступных посягательств.

Дефицит продовольственных товаров заставлял судебные органы особенно сурово карать за хищения и разбазаривания таковых. Из 2332 имевшихся в крае председателей колхозов во втором полугодии 1946 г. и в первом квартале 1947 г. народные суды осудили 37. Так, в Больше-Муртинском районе председатель колхоза «Канаш» Хомяков раздал своим подчиненным скрытые от учета 2210 кг зерна и 2410 кг отхода урожая 1946 г., для чего использовал подложные ведомости. Эта махинация стоила главе коллективного хозяйства пяти лет лишения свободы. А председатель колхоза «Красный боец» Красно-туранского района Логанов в 1945–1946 гг. продал на сторону 453 кг муки, 8 кг сливочного масла, 57 кг меда, 253 кг картофеля, 13 голов свиней. Себе он взял одну свиноматку, а колхозникам раздал птиц с общественного птичьего двора. Он был приговорен к 4 годам заключения¹³.

Председатели колхозов, будучи ответственными за распределение продуктов, порой злоупотребляли своими полномочиями. Чаще всего они стремились помочь землякам, но сделать это могли, лишь недодав государству. Подобный альтруизм не встречал понимания у органов юстиции и правопорядка, которые справедливо полагали, что если в одном месте прибыло, то в другом убыло, и главы коллективных хозяйств становились подсудимыми.

¹¹ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 10. Л. 123.

¹² Там же. Л. 119.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 3–4.

В первом полугодии 1946 г. число колхозников, не отработавших обязательного минимума трудодней, сократилось в крае с 832 во втором полугодии 1945 г. до 128¹⁴. А во втором полугодии 1946 г. выросло до 1767¹⁵. Эти данные подтверждают сезонный характер данного вида правонарушений.

Из 1767 подсудимых по данным делам во второй половине 1946 г. было осуждено 1522, оправдано — 177, в отношении 68 дела были производством прекращены. В краевом УМЮ отметили, что подобные дела нарсуды рассматривали, проявляя поспешность, недостаточно исследовали все обстоятельства, не проверяли заявления подсудимых. Эти обстоятельства приводили к вынесению необоснованных приговоров. Так, народный суд Алтайского района Хакасской автономной области осудил члена колхоза «1 мая» М. И. Аткину на четыре месяца исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % от заработка. В вину ей вменялось невыработка обязательного минимума трудодней за второй период сельхозработ 1946 г., который закончился 15 августа. В ходе проверки материалов дела выяснилось, что Аткина в сентябре выписалась из роддома, следовательно, в августе находилась в декретном отпуске. Алтайский нарсуд не удосужился проверить данное обстоятельство и осудил недавно родившую женщину. Краевое УМЮ сделало представление в Верховный суд РСФСР¹⁶.

Дела о невыработке обязательного минимума трудодней занимали львиную долю в судебной практике народных судов в сельских районах. Время на рассмотрение подобных дел было ограничено, поэтому главы низших судебных инстанций стремились поскорее закончить такие процессы и жертвой подобной поспешности становились сельские труженики, которые в силу непреодолимых обстоятельств не могли отработать положенное время.

Значительный процент дел в первичных судебных инстанциях в сельской местности составляли дела о кражах сельхозпродукции. Так, за первые шесть месяцев 1946 г. в народные суды края поступило 464 дела о хищении зерна и других сельскохозяйственных продуктов, во втором полугодии произошел сезонный рост данного вида преступности, низшие судебные инстанции рассмотрели уже 763 таких дела.

Из 1054 обвиняемых по 763 кражах продуктов во втором полугодии 1946 г. к лишению свободы сроком до двух лет были приговорены 436 человек, на два-три года за решетку отправились 149, на три-четыре — 70, на пять — 93, к исправительно-трудовым работам были приговорены 232 человека, условно осуждены — 70, к прочим мерам наказания — 4. Исправительно-трудовые работы и условное наказание применялось к многодетным матерям, престарелым, инвалидам войны и похитившим не больше пяти килограммов зерна¹⁷.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 185.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 178–179.

Большое количество осужденных к ИТЛ и условному наказанию отражает структуру населения послевоенной деревни. Испытывавшие материальную нужду вдовы погибших на войне, старики, потерявшие там же сыновей, составляли значительную часть населения. Многие также присваивали себе незначительное количество зерна, что говорило о том, что эти люди стремились лишь пополнить свой скудный рацион.

С ростом благосостояния населения количество дел о хищениях государственного, общественного и личного имущества становилось меньше. В 1952 г. их число по сравнению с 1951 г. сократилось на 12,9 и 3,5 % соответственно.

При рассмотрении подобных дел народные суды часто допускали ошибки и нарушали закон, что выражалось, с одной стороны, в необоснованном осуждении невиновных граждан, с другой — в применении мягких мер наказания к действительно опасным преступникам и неправильной квалификации преступлений.

Например, народный судья Казачинского района Марченко, судивший 12 ноября 1952 г. старшего инспектора раймаслопрома Абдрашитова за расхищение государственных средств, приговорил его к трем годам лишения свободы, т. е. ниже низшего предела, сославшись на ст. 51 УК РСФСР, согласно которой по исключительным мотивам суд мог назначить такое наказание. В приговоре судья сослался на первую судимость провинившегося чиновника, незначительность нанесенного им ущерба и «безупречную» работу в прошлом. В краевом УМЮ посчитали такой приговор необоснованно мягким и направили его на пересмотр¹⁸.

Народный судья второго участка Абакана С. Н. Клепинин, напротив, был чрезмерно суров к Николаевой, вдове фронтовика, матери троих детей. Работая на Абаканском мясокомбинате, она похитила 400 граммов колбасы и 1,5 кг отходов фарша. Суд приговорил ее к одному году лишения свободы. В УМЮ посчитали, что Николаеву не было необходимости лишать свободы¹⁹. В этом случае судья перестраховался, не желая быть обвиненным в «мягкотелости» и «либерализме».

Грубые ошибки народные суды края допускали, рассматривая и дела о невыработке обязательного минимума трудодней. В 1952 г. в нарсуды края поступило 2443 таких дела, что на 484 дела было больше, чем в 1951 г. В отношении 11 человек, или 6,2 % обжалованных решений, приговоры были отменены. Например, народный суд Балахтинского района приговорил колхозницу Корелину к пяти месяцам ИТЛ. Ее признали виновной в том, что в первый период сельскохозяйственных работ весной 1952 г. она отработала 18 трудодней, тогда как минимум составлял 25, однако при изучении материалов дела выяснилось, что Корелина выработала 32 трудодня, следовательно, была невиновна.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 37. Л. 8.

¹⁹ Там же.

В свою очередь, нарсуд Усинского района признал колхозницу Зубкову виновной в невыработке обязательного минимума трудодней, за что осудил ее к ИТЛ на четыре месяца. Между тем подсудимая на суде показала, что она имеет четырехлетнего больного ребенка и по этой причине не могла выходить на работу, так как других трудоспособных членов в ее семье не было. Нарсуд не принял никаких мер к проверке этих доводов, тогда как согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1942 г. женщины, имеющие детей в возрасте до восьми лет, не подлежали мобилизации на сельскохозяйственные работы²⁰.

Невозможность или нежелание судей вникать во все подробности подобного рода дел стоило свободы невиновным людям, и вышестоящим инстанциям приходилось исправлять ошибки коллег.

В первом квартале 1953 г. в народные суды края поступило 736 уголовных дел, за эти три месяца низшие судебные инстанции по существу с вынесением приговора рассмотрели 603 дела. Остаток на конец квартала составлял 251 дело, из них 116 были приостановлены²¹.

Большая нагрузка, выпадавшая на каждого народного судью, не позволяла им рассматривать все дела в установленные законом сроки. Из приведенных выше данных видно, что нерассмотренные дела переходили не только из квартала в квартал, но и из года в год.

Если в сельской местности основную массу судебных дел составляли перечисленные выше категории, то в городских нарсудах была несколько иная картина. Одним из самых распространенных видов преступлений в городах было хулиганство. С началом войны число таких правонарушений сократилось, поскольку в армию было мобилизовано большое количество молодых мужчин, основных субъектов этого преступления. С 1944 г. начался рост случаев хулиганства. Так, у демобилизованных инвалидов войны проявлялся посттравматический шок; большинство хулиганских поступков совершали именно они.

В первом полугодии 1945 г. по ч. 1 ст. 74 УК РСФСР, т. е. за хулиганство (озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия), совершенное в первый раз, в народные суды края поступило 124 дела, по ч. 2 той же статьи — хулиганство, совершенное в «буйстве или бесчинстве» или совершенное повторно — 391. Во втором полугодии 1945 г. по ч. 1 поступило 244 дела, во втором — 200. За 1945 г. период было рассмотрено 391 дело, по которым было осуждено 467 человек, оправдано — 49, в отношении 32 дело было прекращено производством²².

В первом полугодии 1946 г. по ст. 74 ч. 1 в низшие судебные инстанции поступило 360 дел, по ч. 2 — 292. Нарсуды нередко путали преступления,

²⁰ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 37. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 64.

²² Там же. Д. 10. Л. 126.

совершенные по ст. 74 и по ст. 76 (публичное оскорбление представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей). Например, народный суд Ужурского района осудил некоего Карнаухова по ст. 74 за то, что тот, будучи задержанным постовым милиционером Галабурденко, оскорблял последнего в отделении милиции, и его действия явно квалифицировались по ст. 76²³.

Во второй половине 1946 г. народные суды края по ч. 1 ст. 74 рассмотрели 264 дела, по ч. 2 — 198. По этим делам было осуждено 462 человека, оправдано — 52, в отношении 13 — дела были прекращены производством. И в этом полугодии некоторые нарсуды не могли правильно квалифицировать рассмотренные дела: народный суд Канска признал виновным по ч. 1 Романченко, который ударил заместителя председателя местного горсовета; когда же за ним явился милицейский патруль, Романченко сбил с ног одного из милиционеров и вырвал у него автомат²⁴.

В течение 1946 г. количество проявлений хулиганства значительно сократилось, что говорит об успехах профилактической работы по данному виду преступлений, а неправильная квалификация — о слабой подготовке народных судей.

Однако в последующие годы проблема хулиганства не теряла актуальности. В первом полугодии 1947 г. по ч. 1 ст. 74 в нарсуды края поступило 260 дел, по ч. 2 — 187. Всего за это полугодие первичные судебные инстанции рассмотрели 388 таких дел. Жертвой распоясавшихся негодяев мог стать любой гражданин. Так, в начале 1947 г. в два часа ночи в поликлинику Кировского района Красноярска ворвался пьяный В. Т. Разнолевич, который привел в лечебное учреждение свою жену, у которой были порезаны пальцы правой руки. Без разрешения он прошел в перевязочную комнату, где оскорбил и избил дежурного врача, проводившего перевязки. Народный судья Кировского района Ковалев приговорил его к пяти годам лишения свободы, однако прокурор счел это наказание для судимого ранее по той же статье Разнолевича чересчур мягким и по его протесту краевой суд отменил приговор по мотивам мягкости наказания²⁵. Хулиган вообразил, что мир вращается вокруг него, однако советское правосудие с этим не согласилось.

В последующие годы число актов хулиганства росло. Если в четвертом квартале 1951 г. в народные суды города Красноярска поступило 68 дел о хулиганстве, то в первом квартале 1952 г. было уже 84 таких дела, а с 1951 г. у них в производстве оставалось 37 дел. Всего к уголовной ответственности за хулиганство в первые три месяца 1952 г. было привлечено 170 человек.

В краевом центре в первом квартале 1952 г. 49 человек получили телесные повреждения в результате хулиганских действий. К ответственности за сопротивление представителям власти дополнительно были привлечены

²³ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 44–46.

18 хулиганов. По ч. 2 ст. 74 были привлечены 60 % правонарушителей, поскольку хулиганили «с исключительной дерзостью и цинизмом». Четверо осужденных за хулиганство работали на паровозоремонтном заводе, восемь — на заводе «Сибтяжмаш», 15 — в депо станции «Красноярск», 18 — на комбайновом заводе²⁶.

Основная масса хулиганских действий совершалась в Кагановичском и Сталинском районах Красноярска, т. е. в наиболее плотно населенной левобережной части краевого центра. Из 84 дел на эти районы приходилось 57. За хулиганство в заведениях общественного питания было привлечено к ответственности 30 человек. В общежитиях озорничали 12 человек, на рынках — 11, на избирательных участках и при проведении собраний — 9, в театрах и клубах — 7. Все до одного из уличенных в хулиганстве совершили преступления в нетрезвом состоянии²⁷.

Фактически в любом месте можно было стать жертвой хулиганов. Так, в народный суд второго участка Сталинского района поступило дело И. В. Черных: по ч. 2 ст. 74 его обвинили в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, в январе 1952 г. он вошел в дом № 110 по ул. Ленина, разбил топором в двух квартирах четыре двери, бегал по коридорам, кричал, ругался, разбил посуду, гонялся за женщинами, таскал их за волосы. Он был осужден к трем годам лишения свободы. Во Дворце культуры железнодорожников 20 января 1952 г., во время концерта заслуженного артиста республики Г. В. Виноградова, А. В. Сысоев сел на барьер балкона и стал кричать: «Это поет мой дядя», — в результате концерт был прерван на несколько минут²⁸.

Причины роста хулиганских выходок крылись в ряде факторов. Крайне слабо был налажен досуг граждан, особенно молодежи. В послевоенный период власти уделяли большое внимание восстановлению народного хозяйства, а организация свободного времени оказывалась на периферии интересов советских и партийных органов. В основном хулиганами являлись молодые рабочие, которым по окончании смены и в выходные дни нечем было заняться, поэтому свою нерастрченную энергию они выплескивали в противоправные действия.

В начале 1950-х гг. повзрослели юноши, которые не участвовали в войне, многие из них выросли без отцов и не получили должного мужского воспитания. Среди молодых рабочих-хулиганов было немало тех, кто приехал в город из деревни и, будучи оторванными от семьи, ощущали ложное чувство свободы и не понимали последствий своих действий.

Росту хулиганства способствовало и пьянство, которое нередко было обычным способом проведения досуга. А многие торговые точки в исследуемый период старались продавать больше спиртных напитков, что позволяло им выполнять государственный план. Неслучайно акты хулиганства зачастую совершались в заведениях общественного питания.

²⁶ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 32. Л. 4–5.

²⁷ Там же. Д. 13. Л. 32.

²⁸ Там же. Д. 32. Л. 5.

Заметное место в судебной практике занимали дела, возбужденные по указу от 26 июня 1940 г. Из 12 548 дел, поступивших в первом полугодии 1946 г. в народные суды края, 5058 были по этому нормативному акту²⁹.

По окончании войны многие решили, что в мирное время данный указ соблюдать не обязательно, однако это было не так. Прокурор Красноярска В. Д. Абрамов в своей статье в краевой газете отметил: «Некоторые руководители считают, что с окончанием войны нужно поменьше привлекать к уголовной ответственности прогульщиков и самовольно оставляющих работу. Это неправильное и вредное мнение. Борьба за социалистическую дисциплину труда — не кампания, а большая хозяйственно-политическая задача на длительное время. И тот, кто ослабляет борьбу с прогульщиками, лодырями, рвачами, тот невольно ослабляет борьбу за выполнение производственных планов, за осуществление пятилетки»³⁰.

Этой публикацией городской прокурор давал понять как руководящим работникам, так и всем гражданам, что рассчитывать на послабление в вопросах трудовой дисциплины не приходится. А поскольку «Красноярский рабочий» читали по всему краю, то касалось это не только подведомственной В. Д. Абрамову территории.

Во втором полугодии 1946 г. в нарсуды края поступило уже 5199 таких дел. Было рассмотрено 5031 дело на 5167 человек, осуждено — 4613, оправдано — 413, в отношении 141 — прекращено производство дела³¹. В первом полугодии 1947 г. по ч. 1 указа от 26 июня 1940 г. в народные суды края поступило 1789 дел, по ч. 2 — 4297³².

По этому же указу с августа по декабрь 1950 г. поступило 2981 дело; за тот же период 1951 г. в судебные органы пришло 1250 дел на прогульщиков и самовольно оставивших рабочие места. Одной из причин столь резкого снижения подобного рода дел был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»³³.

Указ значительно улучшил положение рабочих и служащих, которым теперь не грозило судебное преследование за однократное опоздание на работу или в результате ошибки, которых в подобных делах было немало. Одновременно от значительной нагрузки были освобождены народные суды, функции которых теперь передавались руководству предприятий и трудовым коллективам.

Немаловажное место в практике народных судов занимали гражданские дела. Во втором полугодии 1945 г. в низшие судебные инстанции края поступило 7913 общеисковых гражданских дел³⁴ (см. табл. 1).

²⁹ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

³⁰ Красноярский рабочий. 1946. 14 июля. № 141.

³¹ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 13. Л. 189.

³² Там же. Д. 16. Л. 313.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Д. 10. Л. 129.

Таблица 1

**Основные категории гражданских дел, поступивших
в народные суды края в 1945 г.³⁵**

Категории дел	Первая половина 1945 г.	Вторая половина 1945 г.
Трудовые	265	580
Алиментные	397	647
Жилищные	253	377
Транспортные	542	401
Прочие	5267	5114

Дел о наложении штрафов и взыскании недоимок по государственным поставкам во втором полугодии 1945 г. поступило 449. Их рассмотрение происходило с очень большим количеством ошибок, и краевой суд отменил 40 % решений по ним³⁶.

Такое количество отмененных решений говорило о неспособности судей полноценно решать проблемы частноправового характера. Это было характерной чертой советского судейского корпуса, представители которого лучше были подготовлены в области уголовного права. По этой причине гражданским делам в УМЮ уделяли особое внимание.

В первом полугодии 1946 г. народные суды края приняли к рассмотрению уже 11 696 дел. Увеличение произошло за счет следующих категорий дел (см. табл. 2).

Таблица 2

**Рост отдельных категорий гражданских дел в первой половине 1946 г.
по сравнению со второй половиной 1945 г.³⁷**

Категории дел	Вторая половина 1945 г.	Первая половина 1946 г.
Трудовые	580	753
Алиментные	647	939
Жилищные	377	649
Транспортные	401	898
Прочие	5114	6593

Существенное увеличение числа гражданских дел было связано с переходом к мирной жизни. Эвакуированные и беженцы возвращались в родные места, демобилизовавшиеся фронтовики, наоборот, прибывали в край. Вследствие этого возрастала нагрузка на транспорт, который не всегда справлялся с возложенными на него задачами. Возникали жилищные споры, решить которые можно было только в судебном порядке. Семейные отношения также претерпевали не лучшие времена: иные отцы оставляли своих детей, отправляясь к прежнему месту жительства, и матери были вынуждены подавать иски о взыскании алиментов.

³⁵ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

³⁶ Там же. Д. 10. Л. 129.

³⁷ Там же.

Как было сказано выше, народные судьи плохо рассматривали гражданские дела и вышестоящие инстанции часто отменяли их решения. Всего в первом полугодии 1946 г. из рассмотренных нарсудами гражданских дел было оставлено в силе 722 решения, или 54,6 % рассмотренных дел, изменено — 90 (6,3%), отменено — 475 (35,9 %), прекращено — 37 (2,8 %) ³⁸.

Судьи часто принимали к производству неоформленные исковые материалы, недостаточно тщательно проводили досудебную подготовку дел, допускали нарушение процессуальных норм. Эти ошибки были следствием слабой юридической подготовки народных судей и безответственного отношения некоторых из них к рассмотрению гражданских дел.

Во втором полугодии 1946 г. народные суды края приняли 12 787 общеисковых, гражданских дел. На сей раз рост числа гражданских исков был не столь велик, как в прошлом полугодии (см. табл. 3).

Таблица 3

Категории гражданских дел, поступивших в народные суды края в 1946 г. ³⁹

Категории дел	Первая половина 1946 г.	Вторая половина 1946 г.
Трудовые	834	690
Алиментные	1112	1488
Жилищные	702	709
Транспортные	990	855
О семейно-имущественных разделах	352	292

Частноправовые отношения постепенно приходили в норму, становилось меньше трудовых споров, и начальство и работники начали более строго относиться к исполнению трудового законодательства. Разделы семейного имущества проходили реже, однако количество алиментных дел значительно возросло, что говорит об актуальности проблемы разводов. Не без влияния гражданских исков улучшилась работа транспорта. А число жилищных споров оставалось стабильным, что свидетельствовало о том, что миграция населения не прекращалась.

Во втором полугодии также немало решений по гражданским делам было отменено и пересмотрено. Судебными коллегиями по гражданским делам краевого и хакасского областного судов было рассмотрено 1319 дел, ранее бывших в ведении народных судов. В силе было оставлено 695 решений, или 52,6 %, изменено — 66 (5 %), отменено — 497 (37,7 %), отменено с прекращением дела — 61 (4,5 %) ⁴⁰.

Во втором полугодии нарсуды стали работать по гражданским делам несколько лучше, чем в первом, однако их деятельность в этом направлении была еще очень далека от совершенства.

³⁸ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 32. Л. 129.

³⁹ Там же. Д. 13. Л. 196.

⁴⁰ Там же. Л. 202.

В первом полугодии 1947 г. в народные суды края и Хакасии поступило 15 085 гражданских дел: трудовых — 930, алиментных — 2181, жилищных — 615, транспортных — 1795, о семейно-имущественных разделах — 403. В данном полугодии нарсуды рассмотрели 14 586 дел⁴¹.

Вновь выросло число исков, связанных с трудовыми правоотношениями, выплатами алиментов, транспортными делами и о семейно-имущественных разделах. Уменьшилось лишь число жилищных дел. Новое обострение активности граждан и организаций в сфере защиты своих прав во многом было спровоцировано голодом, поразившим страну в 1947 г.

В последующие годы поступление гражданских дел шло неравномерно: в 1952 г. их было на 15,4 % больше, чем в 1951 г. Количество дел особого производства выросло с 12 272 до 16 486, в основном за счет дел о взыскании недоимок по налогам и обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов и о взыскании штрафов⁴².

Поступление дел о взыскании дебиторской задолженности колхозам с возмещением ущерба и прочих в 1952 г. значительно увеличилось с 777 в 1951 г. до 2022. Увеличение количества дел объяснялось проведением в жизнь Постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1952 г. «О ходе выполнения Постановления Совета Министров СССР и ЦК от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели». К разрешению дел данной категории большинство нарсудов подходило серьезно, «сознавая политическую важность правильного разрешения их в деле укрепления мощи колхозов и борьбы с нарушением Устава сельхозартели». Однако все же качество рассмотрения дел этой категории, по данным краевого суда, оставляло желать лучшего. Так, из 355 обжалованных решений было отменено 119, или 33 %, а некоторые решения, оставленные в силе крайсудом, отменялись Верховным судом РСФСР (в порядке надзора — 5 решений)⁴³.

Колхозы были любимым детищем советской власти и новые законодательные акты должны были стать инструментом укрепления коллективных хозяйств, но, сознавая всю меру ответственности, народные судьи в силу слабой квалификации не всегда успевали уследить за изменениями законодательства и правильно применять их.

Несмотря на то что численность дел о взыскании алиментов за этот период уменьшилась на 0,8 %, они занимали значительное место в гражданско-правовой практике нарсудов, рассматривались же они при этом крайне неудовлетворительно. Из 101 обжалованного решения были отменены 40. Основной причиной отмены было нарушение положения ст. 101 ГПК РСФСР, в соответствии с которым дела надлежало рассматривать в присутствии ответчика. Народные судьи не всегда должным образом исследовали обстоятельства дела, не выясняли, живы ли дети истицы, состоят ли стороны в зарегистрированном браке⁴⁴.

⁴¹ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 16. Л. 53–54.

⁴² Там же. Д. 13. Л. 15.

⁴³ Там же. Д. 37. Л. 19.

⁴⁴ Там же. Д. 13. Л. 17.

Заключение. Дела, рассмотренные в народных судах Красноярского края в послевоенный период, отражали социально-экономические процессы своего времени. Частые кражи продуктов питания были вызваны их хронической нехваткой, которая не могла быть удовлетворена через государственную систему распределения.

Для восстановления экономики в первые послевоенные годы требовалась максимальная концентрация трудовых ресурсов, поэтому законодательные акты, принуждавшие к труду под страхом уголовной ответственности, действовали и в первые послевоенные годы. Процессы по делам о прогулах на предприятиях и учреждениях и невыработке обязательного минимума трудовой являлись эхом войны, и постепенно правовые акты, на основе которых проходили эти суды, были отменены.

В гражданском судопроизводстве решались имущественные вопросы, оставшиеся с военного времени.

Наиболее актуальной проблемой, стоявшей перед судебными органами исследуемого периода, было качество кадров. Их слабая профессиональная подготовка мешала нормальной работе судов.

Литература

1. Долгополова Е. В. Формирование судейского корпуса в первые послевоенные годы (на примере судов Ленинграда) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 110–115.
2. Иванов В. А., Долгополова Е. В. Ленинградский городской суд во второй половине 1940-х – начале 1990-х годов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 6. С. 224–259.
3. Сырых В. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 7. Судебное устройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы). М.: Норма, 2021. 688 с.
4. Казарин В. Н. Иркутский областной суд в первые послевоенные годы (1945–1950) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 125–138.
5. Козинцев А. Я. Современная историография советского судопроизводства в 1930–1950-е годы // Российский судья. 2020. № 1. С. 59–64.
6. Козинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Янши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е годы. Сургут: СурГУ, 2016. 255 с.
7. Коновалова О. В. Советский суд (1945–1953 гг.) // Инновационные науки. 2016. № 2-3. С. 192–195.
8. Печерский В. А. Кадровый вопрос в деятельности судебных органов Красноярского края в послевоенный период (1945–1952): трудности и пути преодоления // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 110–119.
9. Печерский В. А. Красноярский краевой суд в послевоенный период (1945–1950) // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 75–86.
10. Печерский В. А. Судебные и правоохранительные органы Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Абакан: Бригантина, 2019. 246 с.
11. Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 160 с.

12. Шкаревский Д. Н. Формирование кадрового состава органов военно-транспортной и транспортной юстиции в 1941–1957 годах. // Военно-юридический журнал. 2021. № 1. С. 28–32.

13. Шкаревский Д. Н. Материально-техническое обеспечение органов транспортной юстиции в 1940-е – 1950-е гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 91–100.

14. Шкаревский Д. Н. Нормативно-правовое регулирование деятельности органов транспортной юстиции в 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 27–32.

References

1. Dolgopolova E. V. Formirovanie sudeiskogo korpusa v pervye poslevoennye gody (na primere sudov Leningrada) [Formation of the judicial staff in the first postwar years (by example of Leningrad courts)] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2017. T. 24. № 4. P. 110–115. (In Russ.).

2. Ivanov V. A., Dolgopolova E. V. Leningradskii gorodskoi sud vo vtoroi polovine 1940-kh – nachale 1990-kh godov [Leningrad city court in the second half of the 1940s – early 1990s] // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2013. № 6. P. 224–259. (In Russ.).

3. Syrykh V. Istoriia suda i pravosudiia v Rossii: v 9 t. T. 7. Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo periodov nepa i postroeniia osnov sotsializma (1921–1956 gody) [The history of the court and justice in Russia: in 9 vols. Vol. 7. The judicial system and judicial proceedings of the periods of NEP and the construction of the foundations of socialism (1921–1956)]. M.: Norma, 2021. 688 p. (In Russ.).

4. Kazarin V. N. Irkutskii oblastnoi sud v pervye poslevoennye gody (1945–1950) [Irkutsk region court in the first postwar years (1945–1950)] // Sibirskii iuridicheskii vestnik. 2006. № 1. P. 125–138. (In Russ.).

5. Kodintsev A. Ia. Sovremennaia istoriografiia sovetskogo sudoustroistva v 1930–1950-e gg. [Modern historiography of the Soviet judicial system in the 1930s – 1950s] // Rossiiskii sud'ia. № 1. 2020. P. 59–64. (In Russ.).

6. Kodintsev A. Ia., Shkarevskii D. N., Ianshi V. V. Organy spetsial'noi iustitsii SSSR v 1930–1950-e gody. [Bodies of special justice of the USSR in 1930–1950s years]. Surgut: Izdatel'skii tsentr SurGU, 2016. 255 p. (In Russ.).

7. Konovalova O. V. Sovetskii sud (1945–1953 gg.) [The Soviet court (1945–1953s)] // Innovatsionnye nauki. 2016. № 2-3. P. 192–195. (In Russ.).

8. Pecherskii V. A. Kadrovyi vopros v deiatel'nosti sudebnykh organov Krasnoiar-skogo kraia v poslevoennyi period: trudnosti i puti ikh preodoleniia [Personnel issues in the activities of the judicial bodies of Krasnoyarsk Krai in the post-war period (1945–1952): difficulties and ways of overcome] // Gumanitarnyi vektor. 2020. Vol. 15. № 3. P. 110–119. (In Russ.).

9. Pecherskii V. A. Krasnoiariskii kraevoi sud v poslevoennyi period (1945–1950 gg.) [The Krasnoyarsk Regional Court in the post-war period (1945–1950)] // Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki. 2021. № 1. P. 75–86. (In Russ.).

10. Pecherskii V. A. Sudebnye i pravookhranitel'nye organy Krasnoiar-skogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Judicial and law enforcement bodies of the Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War]. Abakan: Brigantina, 2019. 246 p. (In Russ.).

11. Tsechoev V. K. Istoriia suda Rossii: ucheb. posobie [History of the court of Russia: studies manual]. M.: Prospekt, 2015. 160 p. (In Russ.).
12. Shkarevskii D. N. Formirovanie kadrovogo sostava organov voenno-transportnoi i transportnoi iustitsii v 1941–1957 godakh. [The establishment of personnel of military transport and transport justice authorities in 1941 to 1957] // Voенно-iuridicheskii zhurnal. 2021. № 1. P. 28–32. (In Russ.).
13. Shkarevskii D. N. Material'no-tekhnicheskoe obespechenie organov transportnoi iustitsii v 1940-e – 1950-e gg. [The material and technical support of transport justice authorities in the 1940s – 1950s] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki. 2019. № 4. P. 91–100. (In Russ.).
14. Shkarevskii D. N. Normativno-pravovoe regulirovanie deiatel'nosti organov transportnoi iustitsii v 1941–1945 gg. [The statutory regulation of activities of transport justice authorities in 1941 to 1945] // Voенно-iuridicheskii zhurnal. 2020. № 9. P. 27–32. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.09

Власов Никита Анатольевич

кандидат психологических наук

психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина

Москва, Россия

vlasov@psyinst.moscow; ORCID: 0000-0001-6459-570X

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЦЕННОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ ШКОЛЫ «АННАЛОВ» М. БЛОКА, Ж. ЛЕ ГОФФА И А. Я. ГУРЕВИЧА

Аннотация. Статья посвящена особенностям представлений и ценностей, характерных для членов различных социальных групп Средних веков. Актуальность работы обусловлена недостаточной степенью изученности психологических аспектов жизни обществ прошлого в исторической науке. Целью исследования является анализ работ авторов школы «Анналов» — М. Блока, Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревича — в рамках истории ментальностей. В ходе исследования были изучены социально-онтологические воззрения как основной массы населения Европы того времени в целом (вера в сакральность особы короля и их способность исцелять больных; отношение к потребляемой пище, одежде и жилищу как к показателям социального статуса; регламентация общественных отношений как по вертикали, так и по горизонтали; общие ценности страдания, смирения, служения и верности; эволюция оценки труда от негативной к положительной), так и отдельных его слоев, таких как крестьянство (интеллектуальная неразвитость; духовная зависимость от священников; ограниченность мировосприятия рамками места жительства), рыцарство (ценности благородства, верности, мужества, щедрости и поддержания уровня достоинства) и бюргерство (ценность самоуправления; коллективная гордость и охрана общей репутации). В результате исследования были обобщены социальные понятия и ценности представителей различных общественных групп Средневековья, что позволило лучше понять особенности их когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер;

это, в свою очередь, дает возможность установить более достоверные причинно-следственные связи, детерминирующие ход исторического процесса.

Ключевые слова: история ментальностей, социальные представления, ценности, Средние века, М. Блок, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич.

Vlasov Nikita A.

Candidate of Psychological Sciences

Gannushkin Psychiatric Clinical Hospital № 4

Moscow, Russia

vlasov@psyinst.moscow ORCID: 0000-0001-6459-570X

SOCIAL VIEWS AND VALUES IN THE MIDDLE AGES IN THE WORKS OF HISTORIANS OF THE “ANNALES” SCHOOL M. BLOCH, J. LE GOFF AND A. YA. GUREVICH

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of representations and values characteristic of members of various social groups of the Middle Ages. The relevance of the work is dictated by the insufficient emphasis on the psychological aspects of the life of societies of the past in historical science. The purpose of the study is to analyze the material on this problem obtained within the framework of the history of mentalities and described by such scientists as M. Bloch, J. Le Goff and A. Y. Gurevich. In the course of the study, the socio-ontological views of the bulk of the population of Europe at that time as a whole were studied (belief in the sacredness of the person of kings and their ability to heal the sick; attitude to food consumed, clothing and dwellings used as indicators of social status; regulation of public relations both vertically and horizontally; common values of suffering, humility, service and loyalty; the evolution of the evaluation of labor from negative to positive), as well as its individual strata, such as the peasantry (intellectual underdevelopment, spiritual dependence on priests, limited perception of the world by the framework of the place of residence), chivalry (values of nobility, loyalty, courage, generosity and maintaining the level of dignity) and burghers (the value of self-government, collective pride and protection of the common reputation). As a result of the research, the social ideas and values of representatives of various groups of medieval societies were generalized, which made it possible to better understand the features of their cognitive, emotional and behavioral spheres; this, in turn, makes it possible to establish more reliable cause-and-effect relationships that determine the course of the historical process.

Keywords: history of mentalities, social representations, values, Middle Ages, M. Bloch, J. Le Goff and A. Ya. Gurevich.

Введение. Со времен Геродота и примерно до середины XX в. историческая наука, изучая общества прошлого, уделяла незначительное внимание психологическим аспектам тех или иных эпох. К психологии историки обращались, как правило, в двух случаях: если речь шла о каком-либо историческом деятеле и требовалось прояснить мотивацию

его поступков (например, жестокость Ивана Грозного или модернизаторские устремления Петра Великого) или при объяснении социальных феноменов, таких как революции и войны. Однако в остальном «душевная жизнь» людей прошлого не очень занимала историков.

К середине XX в. во Франции произошел переворот в понимании того, что представляет собой объект исторической науки. Один из основателей школы «Анналов» Марк Блок предложил в качестве такового людей¹, причем не столько широко известных, таких как государственные деятели, сколько обычных, зачастую оказывавшихся на периферии исторического познания. Стремясь создать наиболее полную картину жизни обществ прошлого, представители школы «Анналов» старались описать ее во всех мыслимых аспектах — экономическом, географическом, социальном, политическом и др. Особое место в исследованиях такого рода занимало изучение психологического склада людей прошлого: выбрав в качестве основной категории понятие «ментальность», ученые предприняли попытку через него определить особенности «душевной жизни» человека былых эпох. Таким образом возникло направление, известное как «история ментальностей».

Ментальность может быть понята как «совокупность установок и predispositions индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом»². Так как история ментальностей оформилась во Франции, то фундаментальные работы в рамках данного направления были выполнены именно в этой стране (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Р. Мандру), причем один из ученых этого направления — Ж. Дюби — даже заявил о формировании особой школы ментальностей³. Первым отечественным ученым, обратившимся именно к проблеме ментальности стал историк-медиевист А. Я. Гуревич. И если в 1960-х гг. по причине того, что понятие «ментальность» еще не вошло в научный оборот, он не применяет его (хотя и описывает семантическое поле данного термина), то спустя двадцать лет, в 1980-х гг., использует его и определяет ментальность в качестве «повседневного облика коллективного сознания», включающего такие когнитивные и аффективные элементы, как психологические установки, восприятие, чувство и мышление⁴.

В силу того что многие историки школы ментальностей были в первую очередь медиевистами (М. Блок, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич и др.), их исследования посвящены изучению психологических особенностей людей Средневековья. Заметно меньше работ рассматривают «душевную жизнь» Нового

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 17.

² Харитонова Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М., 2015. С. 227.

³ Дюби Ж. Методологическая программа школы ментальностей // Историческая психология: учебная хрестоматия. Вып. 1. Самара, 2006. С. 129.

⁴ Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М., 2015. С. 19.

времени, однако они есть (Р. Мандру, Н. Н. Козлова). Более чем пятидесятилетняя история развития данного направления в исторической науке позволяет сделать некоторое обобщение материала, посвященного такому аспекту ментальности, как социальные представления и ценности: речь идет о том, как представители различных социальных групп (крестьянства, феодалов и др.) видели себя и членов иных общностей Средневековья и Нового времени, на какие аксиологические основания они опирались в своем бытии. Ниже мы рассмотрим основные исследования по данной теме и обобщим полученные результаты.

Ход и результаты исследования. Одним из первых трудов, относимых к категории истории ментальностей, можно считать работу 1924 г. «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» (Rois et Thaumaturges) французского историка и сооснователя школы «Анналов» Марка Блока (Marc Bloch, 1886–1944). Предметом его исследования являются верования людей в исцеляющие способности королей, живших в средневековых Франции и Англии.

Корень иррациональности таких верований автор видит в архаичном прошлом: «чудо с исцелением золотушных больных бесспорно является составной частью целой психологической системы, которую можно назвать “первобытной”»⁵. Однако, с точки зрения Блока, недостаточно просто констатировать этот факт, необходимо понять то, каким образом возникли такие представления. Монархи воспринимались как врачеватели потому, что издревле считались священными особами. Французские и английские короли были потомками германских варварских правителей, которые признавались если и не богами, то потомками богов, обладавшими определенной властью над природой. Христианство, казалось бы, нанесло удар по Божественному статусу вождей, лишив их духовной власти, однако позже произошло символическое слияние политической и религиозной составляющих, что нашло отражение в обряде помазания на королевство, причем новоиспеченный король получал свою духовную силу при помощи служителя Церкви⁶. Таким образом, на формирование сакрального образа монарха сочетанно повлияли такие факторы, как древнегерманские представления о Божественной природе вождей, миропомазание как легализация духовного статуса правителя со стороны Церкви, определенные символы Востока (корона или диадема) и народная память романизированных областей Европы (Галлии-Франции и Британии-Англии) о обожествляемых в Античности императорах.

Сакральный статус королей имел место быть в мире, в котором материальное и духовное переплетались настолько крепко, что разделить их было

⁵ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 121–122.

⁶ Там же. С. 139.

практически невозможно. Блок указывает на то, что «люди верили, что священные действия, предметы и особы не только обладают властью над загробным миром, но и наделены силой, способной влиять на ход событий в мире земном»⁷. Вера эта подкреплялась «фактами» чудес, причем не только сверху, т. е. со стороны представителей духовенства, но и снизу, со стороны простых людей. Простонародье ожидало чудес и было готово к их восприятию. Особый обряд исцеления королем золотушного больного повторял ту систему действий, которая была известна из жития святых-чудотворцев. Сложно судить, насколько эффективным было такое «лечение», однако практиковалось оно регулярно, что может говорить о силе внушения и самовнушения: так, английский король Эдуард I Длинноногий мог за один год провести обряд возложения рук более чем с 1000 больных⁸. Такое исцеление золотухи (названной по способу врачевания королевской болезнью) нельзя считать исключительно уделом духовной сферы, так как оно упоминается в средневековой медицинской литературе. В Англии также получило распространение исцеление при помощи особых колец, изготовленных из золотых и серебряных монет, «временно подаренных <королем> божеству и тотчас взятых назад» после замены их на «выкуп» в виде менее ценных монет, но в той же сумме. Спектр болезней, от которых защищали такие артефакты, был довольно широким⁹.

Обряды королевского исцеления и вера в них существовали в Средневековье, однако уже в эпоху Возрождения вера в них стала ослабевать, а сами ритуалы исчезать. Сильный удар по ним нанесла Реформация, причем не только в сфере исключительно религиозной, но и политической: «Ее ближайшим результатом оказалась смута, начавшаяся в Англии и Франции; она нанесла серьезный удар по привилегиям королевской власти, и в том числе по привилегии творить чудеса»¹⁰. Хотя еще Елизавета I продолжала исцелять золотушных, Яков I, взошедший на престол в 1603 г., уже отказался это делать, а произошедшие драматические события середины XVII в., связанные с гражданской войной и казнью короля, поставили точку в вопросе чудодейственных способностей монархов. Во Франции этот ритуал снова расцвел при Людовике XIV, однако и там он постепенно стал использоваться все реже и реже.

И в Англии, и во Франции революции стали непосредственным поводом к окончательному исчезновению обряда возложения рук¹¹, хотя иногда, как, например, в случае жившего в изгнании Якова II, исцеление королем больных все еще имело место, однако это, скорее, уже было признаком все более угасающей традиции. Но, как указывает автор, причины отказа от такого

⁷ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 151.

⁸ Там же. С. 177–178.

⁹ Там же. С. 252.

¹⁰ Там же. С. 459.

¹¹ Там же. С. 520.

ритуала следует искать в изменении ментальности народа. Начиная с Нового времени шел постепенный процесс десакрализации власти, т. е. в монархе все в большей степени видели политического, а не духовно-политического лидера, в силу чего он из полубожества или хотя бы из персоны, отмеченной дланью Господней, превратился в такого же человека, как и его поданные, просто обладающего, в силу своего статуса, большими мирскими полномочиями и привилегиями. Блок связывает этот процесс не столько с изменениями мышления низов, которые ожидали чудес, сколько с трансформациями представлений о религии и власти в верхах, так как элита стремилась «изгнать» из картины мира все, что могло бы быть связано с метафизикой. Секулярные идеи Нового времени — эпохи разума — развивались философами, которые стали приучать население видеть в монархах не помазанников Божьих, а наследственных представителей государственной власти; следовательно, тот, кто не ищет чудес, тот их и не находит.

Зримым признаком исчезновения ореола священности королей стала их публичная казнь сначала в Англии в 1649 г., а затем и во Франции в 1793 г., что было в принципе невозможно в прошлые столетия. С потерей веры в сакральность монарха в народе произошла и потеря веры в их целительные возможности. В середине XVIII в. в Англии обряд уже не проводился совершенно, а во Франции его прекращение можно датировать 1793 г. Как писал М. Блок, «королевское чудо умерло вместе с верой в монархию»¹².

Тема ментальности людей прошлого продолжает рассматриваться в работах французского историка Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff, 1924–2014). В монографии «Цивилизация средневекового Запада» (*La civilisation de l'Occident Médiéval*), изданной в 1964 г., он приводит результаты своего масштабного исследования европейского общества той эпохи. Девятая глава в этой книге («Ментальность, мир эмоций, формы поведения») посвящена психологии людей, живших в то время.

Ментальность позднего Средневековья все в большей степени оказывается связанной с миром повседневности. В этой тенденции автор отмечает четыре аспекта. Первый связан с телом, которое Церковь исторически презирала как источник греховности. Однако рыцарский дискурс с его идеями воинской доблести не может игнорировать телесность, поэтому его роль велика и во время войны, и во время охоты, и во время турнира. Даже Церковь не смогла полностью искоренить эту тему, так как в ходе религиозных церемоний использовалось символическое тело Христово, да и поклонение мощам святых означало почитание телесных останков. Более позитивное отношение к телесности подтверждается возрождением, кажется, прочно забытой римской традиции посещения бань. Так, в 1292 г. в Париже было 26 таких заведений

¹² Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 545.

(следует помнить, что за 200 лет до того знакомство европейцев с банями произошло на Ближнем Востоке во время крестовых походов). Культура и мышление, насыщенные символами, часто использовали тело для их демонстрации: выраженный смысл несли в себе вложение рук вассала в руки сеньора, бросание перчатки, моления и благословения; жест уведомлял, являлся способом коммуникации, доносил до других лиц позицию субъекта.

Второй аспект изменившейся повседневной ментальности связан с питанием. Для поддержания нормального функционирования человека необходимы еда, одежда и жилье. Крестьяне, будучи в самом низу социальной иерархии, питались скудно, основу их рациона составляли каши и овощи, лишь иногда в их меню появлялось мясо. Обеспеченные слои общества могли позволить себе существенно более богатый рацион и «излишество в пище было первым из излишеств»¹³. Феодалы потребляли еду демонстративно, деликатесы подчеркивали статус хозяина. Роскошь в еде была своеобразным ответом аристократии церковной роскоши литургии.

Третий аспект связан с одеждой. Встречали по одежке: надеть на себя вещи, связанные с более высоким статусом, означало совершать грех гордыни; в противном случае речь шла о понижении своего статуса. Корпоративная этика подразумевала не только определенные правила поведения, но и определенную манеру одеваться. Так, доктора (преподаватели и ученые) носили береты и длинные перчатки, рыцарям полагались шпоры, своя «униформа» была у духовных лиц в зависимости от ранга. Вообще, для позднего Средневековья все более свойственным становится роскошь в одежде, что было вызвано как ростом богатства высших слоев общества и совершенствованием ткацких технологий, так и более либеральным отношением к излишествам. В моду входят шелка, меха, вещи из тонкого сукна, причем доступны они оказываются не только для королей и аристократии, но и для некоторых горожан, например купцов. Наблюдается прогресс в области гигиены, появляется и внедряется в обиход практика ношения нижнего белья¹⁴.

Четвертым аспектом является жилище. Крестьяне жили в деревянных домах, неказистых и плохо обставленных. Привязанность к жилищу в те времена вообще не была свойственна людям, как указывает автор, что он связывает и с бедностью, и с частыми пожарами даже в крупных по тогдашним меркам городах (так, Руан во Франции за 25 лет горел целых шесть раз). Замки же элиты, построенные преимущественно из камня, выполняли прежде всего оборонительную функцию и лишь после XI в. начали целенаправленно украшаться. Мебели было немного, столы были разборными, а постоянным хранилищем для вещей были сундуки; ведя зачастую бродячую жизнь, феодалы испытывали особую приязнь к коврам, напоминающим им о жизни в палатке¹⁵.

¹³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 332.

¹⁴ Там же. С. 335.

¹⁵ Там же. С. 336.

Менее аскетичные, чем их мужья и отцы, женщины-аристократки стремились украсить свои жилища, для чего могли быть использованы обои, росписи, кровати с балдахинами и даже мозаики (еще одно напоминание об ушедшей римской эпохе). Богатые городские жители, бюргеры, в подражание феодалам строили себе дома из камня, однако обставляли их мебелью более плотно¹⁶.

В отечественной науке фундаментальными трудами в области истории ментальности считаются работы медиевиста Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006). В изданной в 1972 г. монографии «Категории средневековой культуры» он стремился описать картину мира средневекового человека, опираясь на следующие ее аспекты: восприятие пространства и времени, социальные представления и суждения о богатстве и труде.

Автор рассмотрел социальные отношения, представления и ценности средневекового общества. Связи были межличностными, например между вассалом и сюзереном. При этом, как правило, действовал принцип взаимности: «Вассал должен был служить своему сеньору, оказывать ему всяческую помощь, соблюдать личную верность и преданность, — со своей стороны, сеньор обязывался покровительствовать вассалу, защищать его, быть по отношению к нему справедливым; вступая в это отношение, они обменивались торжественными клятвами и выполняли ритуал оммажа, делавший их связь нерушимой»¹⁷. Каждая социальная группа, в которую был включен человек, имела свои установки, ценностные идеалы. Вступая в такое сообщество, человек получал не только определенные привилегии, например защиту или материальные блага, но и был вынужден подчиниться принятому в нем этосу; несоблюдение таких норм могло караться изгнанием из группы.

Корпоративность сковывала индивидуальную инициативу, однако позволяла чувствовать себя защищенным и, следовательно, более спокойным и уверенным. Корпорации не просто влияли на индивида, а формировали его как личность. Социальный строй Европы того времени имел как вертикальную ось (подчинение/господство), так и горизонтальную (корпорации). Свобода и зависимость имели множество градаций в зависимости от социального контекста, сами эти понятия довольно относительны.

Если говорить о ценностях той эпохи, то особую роль играли страдание, смирение, служение и верность («а служба и верность являются центральными категориями в системе социально-политических и морально-религиозных ценностей средневекового христианства»¹⁸). Предательство, порицаемое во все времена, благодаря Церкви и ее дискурсу, в котором особое место занимает измена Иуды, наиболее осуждалось именно в Средние века.

Далее Гуревич рассматривает ментальность представителей трех сословий — крестьянства, рыцарства и бюргерства. Наиболее инертное, консервативное

¹⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 336.

¹⁷ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 154.

¹⁸ Там же. С. 161.

сословие — крестьяне — было экономической основой средневекового хозяйства и подвергалось эксплуатации как со стороны феодалов, так и со стороны Церкви. Кругозор селян был ограничен местностью, в которой они жили, жизнь подчинялась природным ритмам. Сознание крестьянина несло отпечаток коллективизма, он считал себя частью деревенского мира; он был темен, интеллектуально неразвит, конформен, находился в духовной зависимости от священников. Селяне верили в чудеса и с жадностью слушали рассказы о хождениях в ад и проделках темных сил, испытывая тревогу о «жизни после смерти», отправлялись в далекие и полные опасностей паломничества¹⁹.

Большой простор для развития индивидуальности был у феодалов: они жили в своих замках, где могли устанавливать такие порядки, какие считали нужными. Относительно автономные, рыцари даже в войске своего сюзерена могли действовать на свой страх и риск. Кодекс чести и обычай регламентировали поведение феодала, который боялся уронить свое достоинство в глазах других. Корпоративная этика не распространялась на представителей более низких сословий, и в отношениях с простолюдинами феодал мог быть деспотом, и это особо не порицалось (только если с церковной точки зрения, да и то, скорее, формально). Рыцарь играет социальную роль, поэтому смотрит на себя глазами других, его ценностный идеал включает в себя такие понятия, как благородство, верность, мужество и щедрость. Поведение определяется этикетом, все (одежда, поступок, слова и др.) несет в себе определенное значение, транслируемое им вовне. Ограниченный ритуалами и предписанными паттернами поведения, феодал тем не менее был способен к внутреннему саморазвитию и развитию в сфере духовной культуры, которая в меньшей степени была подвержена регламентации²⁰.

Горожане были не столь подчинены аграрному циклу, однако их зависимость была связана с корпоративной регламентацией (купеческие гильдии, ремесленные цеха и др.). Мышление бюргеров, на которое природа уже не оказывала такого сильного, по сравнению с крестьянами, влияния, становилось все более рациональным. Корпорации сплачивали жителей городов, позволяя им обрести если уж не полную безопасность, то, во всяком случае, некоторое ощущение стабильности и предсказуемости. Цеха и гильдии, имея экономическое и даже политическое влияние, придавали значимость поведению своих членов; было принято испытывать коллективную гордость за свою корпорацию, ревниво охранять ее репутацию²¹. Цеховой ремесленник воспринимал свою продукцию как часть себя, заботился о качестве каждого изделия — все это говорит о том, что в то время не было развитых рынков сбыта и массового производства. В бытии мастера были сплавлены производственные, этические и эстетические составляющие, он «гражданин

¹⁹ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 164.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Там же. С. 170.

своей коммуны, собственник, трудящийся субъект»²². Средневековый вольный город стал социальным вызовом и деревне, и замку: только в нем могла появиться ментальность члена свободной, самоуправляющейся общины. И именно города стали двигателем исторического прогресса на Западе (там возникла буржуазия, похоронившая феодализм).

Последняя часть монографии посвящена анализу представлений о богатстве и труде. Отношение к труду в Средневековье двойственное: с одной стороны, это проклятье, тяготеющее над родом человеческим после изгнания Адама и Евы из рая («в поте лица твоего...»); с другой стороны, этика предписывала трем сословиям основные паттерны деятельности, среди которых крестьянам предписывалось трудиться, феодалам воевать, а духовенству молиться. В отличие от Античности, где труд считался уделом рабов, в Средние века в труде видели «нормальное состояние человека»²³. Богатство же осуждалось Церковью, накопительство и стяжательство считались крайне сомнительными ценностями; богатство не было самоцелью, как это станет позже, оно, скорее, было необходимо для развития общества в целом. Высшим идеалом Средневековья был монах, аскет, который максимально отрешился от земных благ (в том числе от богатства) ради близости к Богу.

Для феодалов наиболее благородным видом деятельности считалась война, и в особенности рыцарские подвиги; земледелие же было уделом черни и носило низкий статус в глазах знати. Однако Церковь, как было сказано выше, двойственно относилась к труду. В конечном итоге труд мог считаться частью аскетической этики (в том случае, если не имел целью накопление богатств) и в этом смысле виделся делом богоугодным²⁴. Сами же крестьяне видели свой труд как составную часть природных циклов, он для них был также естественен, как смена времен года. В эпоху высокого Средневековья отношение к труду стало меняться: Бог сотворил мир своим трудом, он изображен в одном из соборов в качестве работника. Святые, например Ной, также имели образ тружеников. Такая культура транслировала уже новые смыслы: происходило осознание достоинства физического труда²⁵. Труд становился мерилем социального статуса: мастер, изготовивший шедевр, занимал определенное положение в корпорации. Однако были и свои минусы у труда в Средние века, такие как его избыточность, связанная с необходимостью платить ренту феодалу; впрочем, интенсивность работы в будни компенсировалась множеством нерабочих праздничных дней.

Средневековое общество в значительной степени базировалось на собственности (крупное землевладение — у феодалов и Церкви, мелкое — у ремесленников и крестьян), «тем не менее обладание собственностью никогда не получало на протяжении Средневековья безусловного оправдания

²² Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 170.

²³ Там же. С. 174.

²⁴ Там же. С. 207.

²⁵ Там же. С. 209.

и одобрения — оно допускалось, но на определенных условиях и с изрядными оговорками»²⁶. Право собственности является не Божьим порождением, а результатом человеческой корысти. Бедность — это проповедуемая христианством добродетель, и большинству населения удавалось ей следовать; однако Церковь закрывала глаза на свое собственное богатство, равно как и на богатство феодалов.

Идея духовной справедливости, проповедуемая религией, нашла свою реализацию в виде ритуала помощи бедным, т. е. благотворительности, когда даже короли и королевы могли не просто давать нищим милостыню, но и лично мыть и кормить их. Щедрость считалась одной из высших добродетелей, нормой являлось поведение, при котором феодал раздает средства, полученные в результате сбора ренты, не считая их. Разорительные публичные деяния, типа засеивания поля серебром, поддерживали социальный статус сеньора и были призваны поразить вассалов и других феодалов. Богатство использовалось для усиления и поддержания влияния в обществе, поэтому дорогостоящие и чрезмерно расточительные праздники, рыцарские турниры и пиры были в порядке вещей.

Заключение. Обобщив результаты описанных выше исследований, можно сделать следующие выводы о социальных представлениях и ценностях человека, жившего в Средние века. Люди, особенно крестьяне, верили в священный статус королей, способных исцелять некоторые болезни; по мере десакрализации монаршей власти эти верования стали ослабевать. Потребляемая пища, одежда и жилище были показателями социального статуса. Общественные отношения регламентировались как по вертикали, так и по горизонтали, каждая социальная общность имела свой набор ценностей, однако общими были ценности страдания, смирения, служения и верности. Крестьяне считали себя частью деревенского мира, были интеллектуально неразвиты и находились в духовной зависимости от священников. Относительно автономные феодалы были ограничены нормами поведения своего сословия, исключая их отношение к простолудинам; ценностями рыцарей были благородство, верность, мужество и щедрость, очень значимым было поддержание уровня своего достоинства. Бюргеры представляли собой сплоченное самоуправляющееся сообщество, склонное к коллективной гордости и охране общей репутации. Богатство осуждалось Церковью, идеалом человека был бедняк-аскет, но идея социальной справедливости реализовывалась в виде благотворительности со стороны богатых в адрес неимущих. Отношение к физическому труду в Средневековье менялось от отрицательного к положительному.

Таким образом, в указанных исследованиях по истории ментальностей были эксплицированы социальные представления и ценности представителей различных социальных групп Средневековья, что позволило лучше понять особенности их когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер; это, в свою очередь, дает возможность установить более достоверные причинно-следственные связи, детерминирующие ход исторического процесса.

²⁶ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 189.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. и ст. А. Я. Гуревича; [АН СССР]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В. А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2020. 560 с. (Серия «Письмена времени»).
4. Дюби Ж. Методологическая программа школы ментальностей // Историческая психология: учебная хрестоматия / Самар. науч. центр Рос. АН [и др.]; ред.-сост. Т. К. Рулина; предисл. В. А. Шкуратов. Вып. 1. Самара: СНЦ РАН, 2006. С. 129–142.
5. Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (Введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5–15.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
7. Харитонов Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред.: В. А. Кольцова, Е. В. Харитонов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 226–239.

References

1. Bloch M. Apologiia istorii, ili Remeslo istorika [Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien = Apology of History or the historian's craft] / per. E. M. Lysenko; primech. i st. A. Ia. Gurevicha; [AN SSSR]. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 1986. 254 p. (In Russ.).
2. Bloch M. Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii [Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre = The magician kings: Study of the supernatural character attributed to the royal power, especially in France and England] / per. s fr. V. A. Mil'chinois; predisl. Zh. Le Goffa; nauch. red. i poslesl. A. Ia. Gurevicha. M.: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1998. 712 p. (In Russ.).
3. Gurevich A. Ia. Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir [Selected works. Medieval world]. 4-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2020. 560 p. (Seriia "Pis'mena vremeni"). (In Russ.).
4. Diubi Zh. Metodologicheskaiia programma shkoly mental'nostei [Methodological program of the School of Mentalities] // Istoricheskaiia psikhologiiia. Vyp. 1: Uchebnaia khrestomatiia / Samar. nauch. tsentr Ros. AN [i dr.]; red.-sost. T. K. Rulina; predisl. V. A. Shkuratov. Samara: SNTs RAN, 2006. P. 129–142. (In Russ.).
5. Kol'tsova V. A. Rossiiskii mentalitet kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniia (Vvedenie) [Russian mentality as a subject of socio-psychological research (Introduction)] // Istoriiogenez i sovremennoe sostoianie rossiiskogo mentaliteta / otv. red. V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova. M.: Institut psikhologii RAN, 2015. P. 5–15. (In Russ.).

6. Le Goff J. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [La civilisation de l'Occident medieval = Medieval Civilization, 400–1500]: per. s fr. / obshch. red. Iu. L. Bessmertnogo; poslesl. A. Ia. Gurevicha. M.: Progress: Progress-Akademiia, 1992. 372 p. (In Russ.).

7. Kharitonova E. V. Sootnoshenie poniatii «mentalitet» i «mental'nost'» [The relationship between the concepts of “mentality” and “mindset”] // Istoriogenez i sovremennoe sostoianie rossiiskogo mentaliteta / otv. red. V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova. M.: Institut psikhologii RAN, 2015. P. 226–239. (In Russ.).

УДК 94(44).027

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.10

Крылова Юлия Петровна

кандидат исторических наук

Институт всеобщей истории РАН

Москва, Россия

julia.p.krylova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3450-594X

**МЕЖДУ МОЛЧАНИЕМ И МНОГОСЛОВИЕМ:
РЕЧЬ ПРИДВОРНОЙ ДАМЫ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА**

Аннотация. Статья посвящена трансформации норм речевого поведения придворной дамы эпохи Возрождения во Франции. Проблема коммуникации приобрела в это время весьма острый характер. Особенно явно она проявлялась при дворах правителей. По преимуществу мужские сообщества, дворы к концу Средних веков стали активно наполняться женщинами, что рождало новые нормы и правила общения. С увеличением численности придворных коммуникация в этой среде становится неотъемлемой заботой моралистов и темой для их трактатов. На примере фигуры Анны Французской, герцогини де Бурбон (1461–1522) и ее поучения дочери Сюзанне рассматривается формирование новых норм коммуникативного поведения женщин в куриальной среде. Несмотря на положение дочери короля и номинальное регентство при малолетнем брате, деятельность Анны не так давно стала активно интересовать исследователей. Обращаясь с поучением к дочери, она продолжила традицию предков — королей Людовика IX Святого и Людовика XI. Но в отличие от своих предшественников она свидетельствует о формировании нового взгляда на этические нормы вербального поведения женщин. Проповедуемое ранее молчание как главная женская добродетель сменяется представлением о гармоничной культуре речи вне зависимости от ранга собеседника. Настоятельная необходимость нравиться всем требует поиска золотой середины между застенчивым или горделивым молчанием и ветреным многословием, досаждающим собеседнику. Свои представления о достойном поведении придворной дамы Анна Французская по-ренессансному воплотила на собственной практике, о чем неоднократно свидетельствовали очевидцы.

Ключевые слова: Франция, XVI век, двор правителя, Анна Французская, придворные, женское вербальное поведение, коммуникация, репутация.

Krylova Yulia P.

Candidate of Historical Sciences

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

julia.p.krylova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3450-594X

BETWEEN SILENCE AND VERBOSITY: SPEECH OF A RENAISSANCE COURT LADY

Abstract. The article is devoted to the transformation of the norms of speech behaviour of a Renaissance court lady in France. The problem of communication became very acute at that time. This was particularly evident in the courts of rulers. By the end of the Middle Ages, the courts, which were predominantly male communities, were actively filled with women, which gave rise to new norms and manners of communication. With the growth of the courts the increase in the number of courtiers, communication in this environment became an integral concern of moralists. Using the figure of Anne of France, Duchesse de Bourbon and theatre to her daughter, the formation of new norms of women's communicative behaviour in the curial environment is examined. Instructing her daughter, she continued the tradition of her ancestors — the kings Saint Louis and Louis XI. But unlike her predecessors, she testifies to the formation of a new view on the ethics of verbal behaviour of women. The previously preached silence as the main female virtue is replaced by the idea of a harmonious culture of speech, regardless of the rank of the interlocutor. The urgent need to «please everyone» requires the search for a right balance between shy or proud silence and verbosity that annoys the interlocutors. She put into practice her own ideas about the worthy behavior of a court lady in a Renaissance way, as eyewitnesses testified to.

Keywords: France, XVIth century, court, Anne of France, courtiers, female verbal behaviour, communication, reputation.

Введение. Существование людей в какой-либо группе немислимо без общения внутри нее. Дворы правителей не были исключением. По преимуществу мужские сообщества, к концу Средних веков дворы стали активно наполняться женщинами, что рождало новые нормы и правила поведения. Насыщенное общение не всегда проходило гладко и часто имело негативный характер. Во всяком случае источники во все времена чаще сообщали о конфликтах, ссорах, спорах, осуждении, недовольстве поведением других. Все свои ощущения люди выражали посредством языка, самого доступного всем инструмента.

Проблема коммуникации приобрела к концу Средних веков весьма острый характер. Собственно вопрос речи и общения всегда беспокоил авторов прежде всего духовных сочинений. Еще в Библии и у Отцов Церкви мы находим неоднократные упоминания так называемых грехов языка (*peccata linguae*). Их пытаются пересчитать (к концу Средневековья их было свыше двух десятков), но жизнь общества развивается, а с ней образуются все новые и новые грехи, возникающие из-за постоянного тесного существования

близ друг друга и сеньора, от которого зависело благосостояние. С увеличением численности придворных, разрастанием дворов как высокопоставленных, так и менее знатных сеньоров коммуникация в этой среде становится неотъемлемой заботой моралистов и темой для их трактатов. В дидактических текстах критиковались ложь, лесть, зависть и прочие свойственные придворным пороки. Особым жанром в череде подобных сочинений стали наставления юным отпрыскам благородных кровей, которых необходимо было научить правильному поведению и общению при дворе.

Одним из таких авторов-моралистов, желавших наставить собственную дочь и свое ближайшее окружение, была Анна де Божё, или Анна Французская, герцогиня де Бурбон, дочь короля Франции Людовика XI (1423–1483). Она известна прежде всего тем, что была номинальной регентшей королевства во время малолетства своего брата — короля Карла VIII. Прославила же ее фраза, будто бы сказанная, по свидетельству известного мемуариста XVI в. Брантома, ее отцом-королем, без которой теперь не обходится ни одна работа о ней: «Анна — наименее глупая из дочерей Франции» (имелись в виду дамы, принадлежавшие французскому королевскому дому). Она составила поучение дочери, охватывающее разные сюжеты, однако сочинительница остается полностью верной своему времени и среде обитания, а потому привычное позднесредневековое поучение превращается, по сути, в сборник советов по общению с окружающими и в первую очередь по правильной речи при дворе.

Несмотря на королевский статус и оставленные сочинения¹, ее фигура довольно долго оставалась в тени². Один из исследователей признавал, что

¹ Кроме поучения дочери ее перу принадлежит еще сочинение без названия, озаглавленное издателями как «История осады Бреста» («Histoire du siège de Brest»).

² См. монографии: *Varennes J.-Ch.* Anne de Bourbon roi de France. Paris, 1978; *Chombart de Lauwe M.* Anne de Beaujeu ou la passion du pouvoir. Paris, 1980; *Cluzel J.* Anne de France, fille de Louis XI, duchesse de Bourbon. Paris, 2002. В 2003 г. исследователи констатировали, что Анна все еще остается «малоизвестной» персоной (*Clavier T.* Les enseignements d'Anne de France et l'héritage de Christine de Pizan // *Lectrices d'Ancien Régime* / sous la dir. I. Brouard-Arends. Rennes, 2003. P. 23). Активное изучение жизни и деятельности Анны Французской началось лишь в 2000-е гг. См.: *Viennot É.* Rhétorique de la chasteté dans les Enseignements d'Anne de France à sa fille Suzanne de Bourbon // *Souillure et pureté. Le corps et son environnement politique et culturel* / sous la dir. J.- J. Vincensini. Paris, 2003; *Eadem.* Anne de France (1461–1522), dame de Beaujeu, duchesse de Bourbon, régente de France: un cas d'école pour la recherche sur les femmes et le pouvoir // *Reines, princesses, favorites: quelle autorité déclinée au féminin.* Cahiers du CELEC. 2012. № 3; *Martin-Ulrich C.* «Bon fruit» et «deceutable monde»: Anne de Beaujeu et l'héritage augustinien // *Reines et princesses au Moyen Âge* / sous la dir. M. Faure. Vol. 1. Montpellier, 2001; *Lequain É.* La maison de Bourbon, «escolle de vertu et de perfection». Anne de France, Suzanne de Bourbon et Pierre Martin // *Médiévales.* 2005. № 48. P. 39–54; *Lassalmonie J.-F.* Anne de France, dame de Beaujeu. Un modèle féminin d'exercice du pouvoir dans la France de la fin du Moyen Âge // *Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Âge* / sous la dir. É. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandisse, B. Schnerb. Bruxelles, 2012. P. 129–146; *Anne de France: art et pouvoir en 1500* / éds. Th. Crépin-Leblond, M. Chatenet. Paris, 2014 и др. В отечественной библиографии работы об Анне Французской отсутствуют.

ее биография еще не написана³, а труды только недавно стали объектом изучения⁴.

Ход и результаты исследования. Анна Французская родилась в 1461 г. в Женаппе, во владениях герцога Бургундского. Ее отец — в то время дофин — Людовик скрывался там, поссорившись со своим отцом королем Карлом VII. В 12 лет она была выдана замуж за Пьера де Божё, будущего герцога Бурбонского, который был почти в три раза старше ее. После смерти короля Людовика XI в 1483 г. именно она становится регентшей Франции при младшем брате и вместе с мужем управляет государством до 1491 г.

Старшая среди выживших детей королевской четы, она обладала твердым характером, политической хваткой и дипломатическими способностями. Ей удалось противостоять первому принцу крови, будущему королю Людовику XII, в его претензиях на регентство, проявив в том числе и способности военного стратега. Начатая им так называемая Безумная война закончилась его поражением и пленением. Она подготовила брак брата, короля Карла VIII, с герцогиней Анной Бретонской, вследствие чего Бретань будет присоединена к Франции.

Ее муж умер в 1503 г. От имени единственной дочери Сюзанны она управляла владениями Бурбонов. Но современникам она была известна не только этим. При ее дворе воспитывались отпрыски самых знатных родов Франции. Современник назвал ее круг «школой добродетели и совершенства»⁵. Кроме брата-короля и дочери под ее присмотром воспитывались Луиза Савойская (будущая мать короля Франциска I) с братом, Маргарита Австрийская (невеста Карла VIII и будущая штатгальтер Нидерландов), Шарль де Монпансье (будущий известный коннетабль де Бурбон и зять Анны) с сестрой, Диана де Пуатье (известная фаворитка Генриха II) и другие. Среди них следует также упомянуть бабушку Пьера де Брантома Луизу де Дайон дю Люд. Именно ее сведения передает Брантом, в том числе высказывания современников об Анне.

³ Cluzel J. Op. cit. P. 8.

⁴ Поучение Анны впервые было издано по инициативе ее дочери Сюзанны в 1521 г. Существовала единственная известная рукопись, содержащая оба сочинения Анны Французской, которая хранилась до 1878 г. в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге в составе коллекции Дубровского. В 1878 г. вышло ее первое научное издание во Франции (*Les enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnois et d'Auvergne, à sa fille Susanne de Bourbon. Extrait d'une épître consolatoire à Katerine de Neufville, dame de Fresne, sur la mort de son premier et seul filz, texte original publié d'après le ms. unique de Saint-Petersbourg, et suivi des catalogues des bibliothèques du duc de Bourbon existant au XVIe siècle tant à Aigueperse qu'au château de Moulins / par A.-M. Chazaud. Moulins, 1878*). С тех пор следы теряются, и ее местонахождение на сегодняшний день неизвестно. Оба сочинения Анны были недавно переизданы по этой публикации: *Anne de France. Enseignements à sa fille suivis de l'Histoire du siège de Brest / éd. T. Clavier et É. Viennot. Saint-Étienne, 2006*. См. также библиографию в сн. 2.

⁵ Это взгляд исповедника Анны Французской Пьера Мартэна, который он высказал в своем «Трактате о воспитании детей знати» (1517), посвященном Сюзанне де Бурбон. См: *Lequain É. Op. cit. P. 43*.

Между 1503 и 1505 гг. Анна составила поучение для своей единственной дочери Сюзанны. Текст представляется интересным и особенным по многим причинам. Во-первых, среди и без того не слишком многочисленных французских родительских поучений собственным детям на сегодняшний день известно лишь одно небольшое анонимное наставление матери для дочери (все остальные родительские наставления написаны либо матерями и отцами сыновьям, либо отцами дочерям).

Во-вторых, с этого текста во Франции наметилась традиция написания особами королевской крови поучений своим детям. Мы знаем два наставительных письма короля Людовика IX Святого сыну и дочери (второе составлено им собственноручно, как он сообщает), а также наставление отца Анны Людовика XI сыну и наследнику — будущему Карлу VIII (хотя степень его авторства обсуждается). Анна, таким образом, продолжает традицию своих предков. Ее дочь Сюзанна была ближайшей родственницей всех сменявшихся друг за другом на троне королей этого времени и в то же время наследницей владений чрезвычайно могущественных Бурбонов. Сама Анна, пережившая как регентша заговор и фронду наследника престола, прекрасно понимала сложность и опасность положения дочери и важность обучить правильному поведению при общении с людьми, которое выражается прежде всего вербально.

Не исключено, что на ее планы каким-то образом повлияли и воспоминания об отце-короле. Хорошо известна характеристика, данная Людовику XI бургундским придворным и хронистом Филиппом де Коммином, перешедшим к нему на службу: король «с легкостью злословил о людях и в глаза, и за глаза... но, когда его болтливость приносила ему неприятности... он говорил обиженному: “Я знаю, что язык мой причиняет мне много вреда”»⁶. Возможно, что это также было одной из подспудных причин, заставивших Анну уделить особое место речи в публичном пространстве.

С древности женщине традиционно предписывалось молчание. Полагали, что, инициировав разговор в райском саду, именно она обрекла мир на несчастья⁷. Христианство также обязывало удерживать женщин от бесед: «жены ваши в церквах да молчат» (1 Кор. 14:34). Моралисты Средневековья вторили друг другу, призывая пресекать женскую болтливость с детства. Непреходящая актуальность темы свидетельствует, однако, не об уничижительном отношении к женщинам, а, скорее, о бесплодных попытках бороться с самим явлением. С развитием дворов и активным участием женщин в придворной жизни акценты начинают смещаться. К концу Средневековья в этой среде начинается поиск золотой середины между молчанием и болтливостью.

В трактате дочери Анна Французская не раз повторяет основополагающие характеристики речи высокородной дамы в придворной среде. В разговоре

⁶ Филипп де Коммин. Мемуары / пер., ст. и прим. Ю. П. Малинина. М., 1986. С. 35.

⁷ Ренье-Болер Д. Литература и мистика // История женщин на Западе. Т. 2. Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб., 2009. С. 409.

следует быть мягкой, вежливой, учливой, держаться достойно. «Самая благородная вещь, которую Бог вложил в свое создание — это слово»⁸, — говорит Анна, но большинство скверно им пользуется: или просто неискусны в этом, или во вред себе и другим. И первой добродетелью человека Анна считает умение придерживать свой язык. Категорически недостойными она называет распускание слухов о других, а также раскрытие своих или чужих секретов, случайно узнанных и тем более тайно доверенных. Особенно ее возмущает, что этим не брезгают именно лица благородного сословия. Кроме того, следует остерегаться говорить грубо и низко, насмешничать, остроумничать, жеманничать, льстить в надежде на выгоду, а худшим из пороков она называет ложь.

Вообще же, многословие для женщины порочно, особенно для благородной. Болтливые всеми осуждаются, и их компании «следует избегать как яда»⁹. В этом представлении она вполне солидарна со своими средневековыми предшественниками, однако в существующих источниках редко описывается, как недостойное речевое поведение могло выглядеть в действительности. Анна же рассказывает об этом: «многие глупые дурочки (*folles coquardes*) думают, что будут иметь добрую славу и будут любимы многими с помощью дерзкой и ветреной речи, они отвечают каждому и по любому поводу; это очень неприлично для всех женщин, какого бы сословия они ни были, особенно для юных дев (неважно, бедных или богатых), поскольку из-за этого их часто считают безумными и нецеломудренными телом»¹⁰. К подобным эпизодам она добавляет соответствующие наставления, они разбросаны по всему тексту: используйте свою речь взвешенно и осторожно; не говорите ни первой, ни последней; никогда не передавайте новостей (по крайней мере неприятных и вредящих другим); будьте запоздалы и холодны в ваших ответах, поскольку к некоторым речам нечего добавить¹¹.

В целом ее советы проистекают из прежней средневековой традиции, однако очевидны и веяния грядущей эпохи. В трактате Анны Французской появляется новое понимание достойного вербального поведения для женщины. Становится совершенно ясно, что трактат написан придворной дамой для придворных людей (будь то ее собственная дочь или кто-то из многочисленных воспитанников и ближайшего окружения), которым суждено было вращаться в той же среде. Этого аспекта мы не встретим в существовавших прежде французских поучительных сочинениях.

Теперь же при дворе для женщины грехом является не только многословие, но и молчание. Высокородная придворная дама наступающей эпохи Ренессанса не должна быть малоразговорчивой, угрюмой, печальной, задумчивой (автор сравнивает их с нарисованными картинами)¹². Осуждению

⁸ *Anne de France*. Op. cit. P. 67.

⁹ *Ibid.* P. 66.

¹⁰ *Ibid.* P. 56.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.* P. 66–67.

подвергаются как те, кто из гордыни не изволит с кем-то общаться, так и те, кто говорит очень тихо, будто речь стоит им больших усилий, а также те, кто из ложного чувства чести или просто из развлечения делает вид, что не слышит собеседника¹³. При этом, не видя противоречия, Анна считает, что нужно часто и охотно общаться, особенно с друзьями, быть искренней, открытой, при этом ухитриться «отвечать каждому, не сказав ни слова». Речь необходима и выгодна, однако нужно опасаться наскучить другим. Многословие досаждало людям, а «им нужно нравиться, чтобы быть приятной и любимой всеми», не раз повторяет Анна¹⁴. С другой стороны, беседуя, к примеру, с нижестоящими об их семье, доме, утешая в бедности, не нужно «жалеть усилий и экономить слова»¹⁵.

В ее сочинении совершенно очевидно находит отражение зарождающаяся придворная традиция, которая впоследствии увидит свое кульминационное воплощение под пером моралиста Жана де Лабрюйера. В его «Характерах» придворный «всегда владеет своим лицом, взглядом, жестами; он скрытен и непроницаем, умеет таить недоброжелательство, улыбаться врагам, держать в узде свой нрав, прятать страсти, думать одно, а говорить другое и поступать наперекор собственным чувствам»¹⁶. В поучении Анны Французской это уже начинает отчетливо прослеживаться, хотя пока так четко не сформулировано, поскольку, видимо, нормы придворной коммуникации только устанавливаются.

Ключевым понятием трактата герцогини, предназначенным исключительно для куриальной среды, является мысль о необходимости нравиться всем и каждому, вне зависимости от социального ранга собеседника. С простыми людьми необходимо общаться чрезвычайно благосклонно, поскольку их мнение часто формирует реноме: доброе имя или скандальную репутацию дамы. Образ приятной во всех отношениях дамы складывается в соответствии с ее коммуникативными характеристиками, и этот образ создает ее репутацию, которая в придворной среде приобретает первостепенную важность. Теперь мнение общества становится определяющим не только для незамужних девушек, как это было прежде. Репутация не существует сама по себе, в личном пространстве индивида, это всегда взгляд социума, его оценка достоинств личности. И это становится основополагающей характеристикой в жизни придворных. Если раньше не должно было быть стыдно перед Богом, то теперь в первую очередь стремились не опозориться перед другими людьми. И в этом текст Анны отличается от большинства своих предшественников. Они апеллировали в первую очередь к страху Божьему. У Анны средневековый приоритет, безусловно, остается, но на первый план выходит феномен новой эпохи — необходимость формировать мнение окружающих о себе, которое выполняло функцию социального контроля поведения, вне зависимости от социального положения. Именно оно определяло репутацию персоны даже самого высокого уровня.

¹³ *Anne de France*. Op. cit. P. 67, 85.

¹⁴ Ibid. P. 50, а также 44, 55 и др.

¹⁵ Ibid. P. 67.

¹⁶ *La Bruyère J. de*. Les caractères. P., 1993. P. 181.

В этом обстоятельстве видится еще одно существенное отличие трактата Анны от предыдущих сочинений. В ее тексте значительно большее место занимают советы, как следует себя вести, и намного меньшее — чего остерегаться. Средневековые французские поучения, как это ни покажется удивительным, были полны в первую очередь описаниями грехов в виде примеров порочного поведения, которого следовало избегать, и существенно меньше — положительных образцов для подражания. Еще об одном признаке новой эпохи может свидетельствовать то, что советы герцогини Анны рассчитаны на обращение читателя в многолюдной среде и его постоянное насыщенное общение. На рубеже XV–XVI вв. таким местом мог быть только двор правителя или крупного сеньора. К этому времени их окружение уже колоссально разрослось, по сравнению с предыдущими столетиями. Теперь придворные могли там жить постоянно или очень подолгу, в их круг общения вошли дамы, прежде бывавшие там только эпизодически. Советы Анны рассчитаны на постоянное общение именно в этом кругу.

Еще во второй половине XIV в. знаменитый французский поэт Эсташ Дешан мог рекомендовать читателям при дворе «делать вид, что ты оглох, ничего не видишь и не умеешь говорить»¹⁷. В XV в. анонимный моралист, составивший поучение для дочери, мог с легкостью ей советовать: «не стыдитесь, / Если по ошибке дурные слухи о вас пойдут, / Ибо нет ни одного живущего при дворе, / О ком однажды не сплетничали бы»¹⁸. Но уже на рубеже XV–XVI столетий ситуация обретает новые нюансы и усложняется. Нужно было научиться коммуникативно лавировать при любых обстоятельствах, причем как на самом высоком уровне, так и среди самых низших. В этой связи можно вспомнить, что средневековые авторы Алэн Шартье, Жан Мешино и другие часто ассоциировали двор с бурлящим морем. И хотя им продолжали еще вторить авторы XVI–XVII вв., как показала недавно М. С. Неклюдова в своем исследовании¹⁹, у Анны Французской мы не увидим ни этого сравнения, ни этого ощущения. Она непоколебима в своем положении старшего отпрыска короля, колоссальном опыте регента Французского королевства и, видимо, собственных личностных характеристиках, помогавших ей в разных ситуациях. Она понимала все опасности общения в куриальной среде, но, с ее точки зрения, соответствующими коммуникативными и поведенческими навыками можно было расположить к себе любого человека и обратить ситуацию в свою пользу.

Такое понимание речи, давно назревавшее, впервые было явственно сформулировано в поучении именно Анной Французской. Среди ее предшественников были авторы XV в., уделявшие значительное внимание культуре речи в своих трудах. Особенно следует выделить бургундского придворного Жана де Ланнуа, заострившего внимание в поучении сыну на коммуникации

¹⁷ Oeuvres complètes de Eustache Deschamps / publiées par le marquis A.-H.-E. de Queux de St-Hilaire et G. Raynaud. Paris, 1891. Vol. 2. P. 30.

¹⁸ Enseignemens moult beaux // Koninklijke Bibliotheek van België. Ms. 4373. F. 136v.

¹⁹ Неклюдова М. С. «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М., 2014. С. 59–68.

в придворной среде, на что его сподвиг серьезный конфликт при дворе и опала²⁰. Но герцогиня Анна, проанализировав свой богатый предшествующий опыт, придала своим взглядам концептуальный законченный вид. Это практически готовое пособие по поведению и общению при дворе. Помогали ей в ее труде богатая литература из книжного собрания герцогов Бурбонов. Она апеллирует к именам и сочинениям Августина, Катона, Овидия, Аристотеля, Боэция, Бернара Клервосского, Фомы Аквинского, Иоанна Златоуста и особенно часто некоего «доктора Льенара»²¹ (возможно, речь идет о Леонардо Бруни²²). Не обходится в ее труде и без влияния книг знаменитой итальяно-французской писательницы и феминистки Кристины Пизанской²³.

Заключение. Таким образом, Анна Французская создает больше, чем просто поучение дочери и приближенным. Она стала одной из тех ренессансных дам эпохи, кто реализовал женскую составляющую того «прекрасного» французского двора XVI в., которым будут восхищаться итальянские дипломаты. За несколько лет до создания Бальтазаре Кастильоне знаменитой «Книги о придворном» под влиянием распространяющихся гуманистических идей Анна описала свой образец идеального поведения придворной дамы, в котором так же, как и у итальянского коллеги первостепенное значение имеет культура речи. Анна опередила Кастильоне, представив не умозрительное теоретизирование на востребованную тему, а прагматический отбор соответствующих этических норм²⁴. Путем собственных усилий (что она неоднократно советует в книге) она по-ренессансному воплотила эти нормы в себе самой, создав этим текстом в некотором роде свой автопортрет²⁵, совершенно соответствующий реальности, как об этом впоследствии свидетельствовали очевидцы, побывавшие в ее окружении.

Такое поведение представляется вполне органичным для культуры начавшейся эпохи Возрождения в условиях французского королевского двора. Во время Итальянских войн Франция и двор вплотную познакомились с культурой ренессансной Италии, многое заимствуя оттуда, в том числе и гуманистическое представление о месте женщины в обществе. Все это отразится в начинающемся XVI веке, когда женщины будут играть важнейшую роль в общественной и политической жизни.

²⁰ См. подробнее: Крылова Ю. П. «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV в. // Французский ежегодник – 2014. М., 2014. № 1. С. 151–166.

²¹ *Anne de France. Enseignements.* P. 41, 42–47, 49, 50, 52, 57–59, 62, 63. На протяжении трактата она обращается к рассуждениям «доктора Льенара» 15 раз.

²² *Martin-Ulrich C. Op. cit.* P. 473–474.

²³ См.: *Clavier T. Op. cit.* P. 23–31.

²⁴ Брагина Л. М. Преломление гуманистических идей в «Книге о придворном» Бальдассара Кастильоне и сочинении Джованни Делла Каза «Галатео, или О нравах» // *Ее же.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 304. См. также: *Ее же.* От этикета двора к правилам поведения средних слоев: «Книга о придворном» Бальдассара Кастильоне и «Галатео, или О нравах» Джованни Делла Каза // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб., 2001. С. 204.

²⁵ *Chuzel J. Op. cit.* P. 193.

Литература

1. Брагина Л. М. От этикета двора к правилам поведения средних слоев: «Книга о придворном» Бальдассара Кастильоне и «Галатео, или О нравах» Джованни Делла Каза // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб.: Алетейя, 2001. С. 196–214.
2. Брагина Л. М. Преломление гуманистических идей в «Книге о придворном» Бальдассаре Кастильоне и сочинении Джованни Делла Каза «Галатео, или О нравах» // Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 295–311. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 21; Сер. II, Исторические исследования: 6).
3. Крылова Ю. П. «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV в. // Французский ежегодник 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. № 1. С. 151–166.
4. Неклюдова М. С. «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М.: Изд-во РГГУ, 2014. 126 с. (Чтения по истории и теории культуры: 61).
5. Ренье-Болер Д. Литература и мистика // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 2: Молчание Средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. К. Клапиш-Зубер; пер. с фр. под ред. Р. А. Гимадеева; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2009. С. 409–459. (Гендерные исследования).
6. Филипп де Коммин. Мемуары / пер., ст. и прим. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с. (Памятники исторической мысли).
7. Anne de France. Enseignements à sa fille suivis de l'Histoire du siège de Brest / édés. T. Clavier et É. Viennot. Saint-Étienne: Université de Saint-Étienne, 2006. 141 p.
8. Anne de France: art et pouvoir en 1500 / édés. Th. Crépin-Leblond, M. Chatenet. Paris: Picard, 2014. 224 p.
9. Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain»: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières / sous la dir. D. Romagnoli. Paris: Fayard, 1995. P. 89–116.
10. Chombart de Lauwe M. Anne de Beaujeu ou la passion du pouvoir. Paris: J. Tallandier, 1980. 473 p.
11. Clavier T. Les enseignements d'Anne de France et l'héritage de Christine de Pizan // Lectrices d'Ancien Régime / sous la dir. I. Brouard-Arends. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003. P. 23–31.
12. Cluzel J. Anne de France, fille de Louis XI, duchesse de Bourbon. Paris: Fayard, 2002. 308 p.
13. Lassalmonie J.-F. Anne de France, dame de Beaujeu. Un modèle féminin d'exercice du pouvoir dans la France de la fin du Moyen Âge // Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Âge / sous la dir. É. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandise, B. Schnerb. Bruxelles: de Boeck, 2012. P. 129–146.
14. Lequain É. La maison de Bourbon, «escolle de vertu et de perfection». Anne de France, Suzanne de Bourbon et Pierre Martin // Médiévales. 2005. № 48. P. 39–54. DOI:10.4000/medievales.893
15. Les enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnois et d'Auvergne, à sa fille Susanne de Bourbon. Extrait d'une épître consolatoire à Katerine de Neufville, dame de Fresne, sur la mort de son premier et seul filz, texte original publié d'après le ms. unique

de Saint-Pétersbourg, et suivi des catalogues des bibliothèques du duc de Bourbon existant au XVIe siècle tant à Aigueperse qu'au château de Moulins / par A.-M. Chazaud. Moulins: C. Desrosiers, 1878. 338 p.

16. Martin-Ulrich C. «Bon fruit» et «deceutable monde»: Anne de Beaujeu et l'héritage augustinien // *Reines et princesses au Moyen Âge* / éd. M. Faure Vol. 1. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2001. P. 469–480.

17. Varennes J.-Ch. Anne de Bourbon roi de France. Paris: Perrin, 1978. 409 p.

18. Viennot É. Anne de France (1461–1522), dame de Beaujeu, duchesse de Bourbon, régente de France: un cas d'école pour la recherche sur les femmes et le pouvoir // *Cahiers du CELEC: Reines, princesses, favorites: quelle autorité déclinée au féminin*. 2012. № 3. URL: <http://www.elianeviennot.fr/Articles/Viennot-Anne-Celec.pdf>

19. Viennot É. Rhétorique de la chasteté dans les Enseignements d'Anne de France à sa fille Suzanne de Bourbon // *Souillure et pureté. Le corps et son environnement politique et culturel* / sous la dir. J.-J. Vincensini. Paris: Maisonneuve et Larose, 2003. URL: <http://www.elianeviennot.fr/Articles/Viennot-Anne-chastete.pdf>

References

1. Bragina L. M. Ot etiketa dvora k pravilam povedeniia srednikh sloev: «Kniga o pridvornom» Bal'dassara Kastil'one i «Galateo, ili O npravakh» Dzhovanni Della Kaza [From court etiquette to the rules of behavior of the middle strata: "The Book of the Courtier" by Baldassare Castiglione and "Galateo" by Giovanni Della Casa] // *Dvor monarkha v srednevekovoi Evrope: iavlenie, model', sreda / pod red. N. A. Khachaturian*. Vyp. 1. Moscow; Saint-Petersburg: Aleteiia, 2001. P. 196–214. (In Russ.).

2. Bragina L. M. Prelomlenie gumanisticheskikh idei v «Knige o pridvornom» Bal'dassara Kastil'one i sochinenii Dzhovanni Della Kaza «Galateo, ili O npravakh» [Refraction of humanistic ideas in the "Book of the courtier" by Baldassare Castiglione and in the "Galateo" of Giovanni Della Casa] // Bragina L. M. Ital'ianskii gumanizm epokhi Vozrozhdeniia. Idealy i praktika kul'tury. Moscow: Izd-vo MGU, 2002. P. 295–311. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU: Vyp. 21; Ser. II, Istoricheskie issledovaniia: 6). (In Russ.).

3. Krylova Iu. P. «Neudachno skazannoe slovo opasnee udachnogo udara mechom». Rech' v pridvornoj povsednevnosti Burgundii XV v. [“Pis vault cop de langhe mal assis que cop d'espée bien assis”. Speech in everyday life at the Burgundian court in the 15th century] // *Frantsuzskii ezhegodnik 2014: Zhizn' dvora vo Frantsii ot Karla Velikogo do Liudovika XIV*. Moscow, 2014. № 1. P. 151–166. (In Russ.).

4. Nekliudova M. S. «Ia dvor zovu stranoi...»: rodoslovnaia odnoi metafory [«I call the court the country...»: the genealogy of one metaphor]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2014. 126 p. (Chteniia po istorii i teorii kul'tury: 61). (In Russ.).

5. Regnier-Bohler D. Literatura i mistika [Literature and mysticism] // *Istoriia zhen-shchin na Zapade: v 5 t. T. 2: Molchanie Srednikh vekov / pod obshch. red. Zh. Diubi i M. Perro; pod red. K. Klapish-Zuber; per. s fr. pod red. R. A. Gimadeeva; nauch. red. perevoda N. L. Pushkareva*. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2009. P. 409–459. (Gendernye issledovaniia). (In Russ.).

6. Filipp de Kommin. Memuary [Memoirs] / per., st. i prim. Iu. P. Malinina. Moscow: Nauka, 1986. 496 p. (Pamiatniki istoricheskoi mysli). (In Russ.).

7. Anne de France. Enseignements à sa fille suivis de l'Histoire du siège de Brest / éd. T. Clavier et É. Viennot. Saint-Étienne: Université de Saint-Étienne, 2006. 141 p.

8. Anne de France: art et pouvoir en 1500 / éd. Th. Crépin-Leblond, M. Chatenet. Paris: Picard, 2014. 224 p.
9. Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain»: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières / sous la dir. D. Romagnoli. Paris: Fayard, 1995. P. 89–116.
10. Chombart de Lauwe M. Anne de Beaujeu ou la passion du pouvoir. Paris: J. Tallandier, 1980. 473 p.
11. Clavier T. Les enseignements d'Anne de France et l'héritage de Christine de Pizan // Lectrices d'Ancien Régime / sous la dir. I. Brouard-Arends. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003. P. 23–31.
12. Cluzel J. Anne de France, fille de Louis XI, duchesse de Bourbon. Paris: Fayard, 2002. 308 p.
13. Lassalmonie J.-F. Anne de France, dame de Beaujeu. Un modèle féminin d'exercice du pouvoir dans la France de la fin du Moyen Âge // Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Âge / sous la dir. É. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandise, B. Schnerb. Bruxelles: de Boeck, 2012. P. 129–146.
14. Lequain É. La maison de Bourbon, «escolle de vertu et de perfection». Anne de France, Suzanne de Bourbon et Pierre Martin // Médiévales. 2005. № 48. P. 39–54. DOI: 10.4000/medievales.893
15. Les enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnois et d'Auvergne, à sa fille Susanne de Bourbon. Extrait d'une épître consolatoire à Katerine de Neufville, dame de Fresne, sur la mort de son premier et seul filz, texte original publié d'après le ms. unique de Saint-Petersbourg, et suivi des catalogues des bibliothèques du duc de Bourbon existant au XVIe siècle tant à Aigueperse qu'au château de Moulins / par A.-M. Chazaud. Moulins: C. Desrosiers, 1878. 338 p.
16. Martin-Ulrich C. «Bon fruit» et «deceptable monde»: Anne de Beaujeu et l'héritage augustinien // Reines et princesses au Moyen Âge / éd. M. Faure Vol. 1. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2001. P. 469–480.
17. Varennes J.-Ch. Anne de Bourbon roi de France. Paris: Perrin, 1978. 409 p.
18. Viennot É. Anne de France (1461–1522), dame de Beaujeu, duchesse de Bourbon, régente de France: un cas d'école pour la recherche sur les femmes et le pouvoir // Cahiers du CELEC: Reines, princesses, favorites: quelle autorité déclinée au féminin. 2012. № 3. URL: <http://www.elianeviennot.fr/Articles/Viennot-Anne-Celec.pdf>
19. Viennot É. Rhétorique de la chasteté dans les Enseignements d'Anne de France à sa fille Suzanne de Bourbon // Souillure et pureté. Le corps et son environnement politique et culturel / sous la dir. J.-J. Vincensini. Paris: Maisonneuve et Larose, 2003. URL: <http://www.elianeviennot.fr/Articles/Viennot-Anne-chastete.pdf>

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.11

Рагимова Афат Фируддиновна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

ragimova.afa@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3575-0923

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-
КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Аннотация. Современный Китай во многом определяет тенденции мирового развития. Выстраивание доверительных отношений со стратегически значимым дальневосточным соседом входит в число приоритетов Российской Федерации. Важнейший вектор взаимоотношений — межкультурная коммуникация. Особую актуальность диалог культур приобрел вследствие беспрецедентного социокультурного разобщения народов, вызванного пандемическим кризисом. В работе рассматриваются основные направления китайско-российских взаимосвязей в сфере культуры. Цель исследования — анализ наиболее значимых аспектов двустороннего культурного сотрудничества после подписания договора 16 июля 2001 г. Характеризуется специфика культурного обмена в образовании, науке и технике, кинематографе, литературе, международных проектах. Делается акцент на характерных особенностях культурного взаимодействия и перспективах его дальнейшего развития. Утверждается, что в настоящее время сложились объективные предпосылки для позитивного взаимовыгодного партнерства в области культуры. Обращается внимание на результативность диалога культур в приграничье. Автор подчеркивает, что, несмотря на более заметные успехи в геополитическом и военном направлениях, не менее значим межкультурный контакт. Активные взаимоотношения, выразившиеся в сотнях совместных мероприятий, свидетельствуют о конструктивном сотрудничестве двух стран, что отразилось в том числе на решении глав государств о пролонгации договора в феврале 2022 г. Констатируется, что существует обоюдная заинтересованность двух народов в расширении коммуникации и наращивании межкультурного диалога.

Ключевые слова: Россия, Китай, межкультурный диалог, взаимоотношения, договор, сотрудничество, наука, образование, коммуникация, культурный обмен.

Ragimova Afat F.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

ragimova.afa@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3575-0923

**THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN-CHINESE
INTERCULTURAL DIALOGUE AT THE BEGINNING
OF THE TWENTY-FIRST CENTURE**

Abstract. Modern China largely determines the trends of world development. Building trusting relationships with a strategically significant Far Eastern neighbor is among the priorities of the Russian Federation. The most important vector of relationships is intercultural communication. The dialogue of cultures has gained particular relevance as a result of the unprecedented socio-cultural disunity of peoples caused by the pandemic crisis. The paper examines the main directions of Chinese-Russian relations in the field of culture. The purpose of the study is to analyze the most significant aspects of bilateral cultural cooperation after the signing of the agreement on July 16, 2001. The specifics of cultural exchange are characterized: in education, science and technology, cinema, literature, international projects. Emphasis is placed on the characteristic features of cultural interaction and the prospects for its further development. It is argued that at present there are objective prerequisites for a positive mutually beneficial partnership in the field of culture. Attention is drawn to the effectiveness of the dialogue of cultures in the borderlands. The author emphasizes that despite the more noticeable successes in the geopolitical and military areas, intercultural contact is no less significant. The active relationship, expressed in hundreds of joint events, testifies to the constructive cooperation between the two countries, which, among other things, was reflected in the decision of the heads of state to prolong the agreement in February 2022. It is stated that the mutual interest of the two peoples in expanding communication and building up intercultural dialogue.

Keywords: Russia, China, intercultural dialogue, relationships, agreement, cooperation, science, education, communication, cultural exchange.

Введение. В современном мире стираются традиционные границы, происходит сближение наций в понимании устройства таких сфер общественной жизни, как семья, наука, образование. Приоритетной задачей для всех народов становится сохранение национально-культурной идентичности. В китайско-российских отношениях за четыреста лет существования были периоды и добрососедства, и острого противостояния. Специфика культурных контактов, как правило, определялась политическим строем и провозглашаемыми идеологическими доктринами.

Качественно новый этап наметился в начале нынешнего столетия после отказа правительств двух стран от следования проамериканской политике. Начался поиск самостоятельного пути в союзе с историческим соседом: 16 июля 2001 г. президентом Российской Федерации В. В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином был подписан Договор о добрососедстве дружбе

и сотрудничестве, статья 16 которого предусматривает наращивание взаимодействия посредством гуманитарных обменов в сфере науки, образования, здравоохранения, спорта, туризма, права, информации и т. д. В этом контексте исследование, посвященное основным направлениям современного китайско-российского межкультурного диалога, представляется крайне актуальным.

В работе рассматриваются наиболее значимые сферы китайско-российских культурных взаимосвязей и особенности нынешнего этапа культурного партнерства двух стран. Ее цель — проанализировать специфику и некоторые аспекты двустороннего сотрудничества в различных сферах культуры после подписания исторического договора 2001 г.

В процессе отбора и систематизации материала, учитывая неоднородный характер многих публикаций, важное значение имела взвешенная оценка методологии исследования. Она базируется на историографическом анализе и строгом следовании принципу историзма. В процессе работы привлекались компаративистский, сравнительно-статистический, ретроспективный, синхронный, диахронный и другие методы.

Работа опирается на широкий круг источников и научной литературы, посвященной обозначенной теме: официальные правительственные документы¹, справочные издания², фундаментальные труды ведущих отечественных востоковедов³, исследования специалистов в области культурного диалога⁴. Используются также труды китайских ученых, опубликованные на русском языке (Лю Вэньфэй, Янь Шуфан, Лан Ся, Цуй Юн и др.)⁵.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.10.2009 № 1514-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 43. С. 5115; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. С. 1552.

² Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. М., 2006–2010 и др.

³ Мясников В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. М., 2006; Малявин В. В. Цветы в тумане: взглядываясь в Азию. М., 2012 и др.; Кобзев А. И. «Великое учение» и учения великих конфуцианцев: монография. М., 2011.

⁴ Михалев М. С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6. С. 88–103; Селезнева Н. В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 291–305; Сырякин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В. Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // Инновационная Россия. 2011. № 6 (152). С. 19–26; Петухов С. В., Горковенко А. Е. Русская литература в информационном пространстве Китая: к вопросу межкультурного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 170–174; Горобец Л. А. Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе: дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014. С. 60–66 и др.

⁵ См., например: Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html> (дата обращения: 06.06.2022).

Ход и результаты исследования. Исторически китайско-российские отношения в области культуры складывались по-разному. В XX в. после образования в 1949 г. Китайской Народной республики (КНР), руководимой Коммунистической партией Китая (КПК), ее стратегия в сфере культуры зависела от текущей политической ситуации.

В XXI в. с целью реализации партнерства стали проводиться совместные выставки, туры музыкальных коллективов, вечера известных писателей, форумы городов-побратимов и т. д. Особую роль сыграли культурные сезоны: Год России в Китае (2006); Год Китая в России (2007); Год русского языка в Китае (2009); Год китайского языка в России (2010); Год русского туризма в Китае (2012); Год китайского туризма в России (2013) и др.⁶

По инициативе правительств и при участии общественных организаций была создана инфраструктура межкультурного сотрудничества: Общество российско-китайской дружбы; Русско-китайский фонд развития культуры и образования; Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития; Российский культурный центр в Пекине; Китайский культурный центр в Москве; представительства фонда «Русский мир» в Китае и др.

Одним из приоритетных направлений стало российско-китайское взаимодействие в образовательном пространстве. Были приняты программы совместной подготовки кадров, функционирования совместных вузов, координирования аспирантур. В ходе их выполнения организованы Российско-китайский университет в Шэньчжэне (на базе МГУ и Пекинского политехнического университета); Китайско-российский институт Шелкового пути (на основе Лючжоуского железнодорожного профессионально-технического училища и УрГУПС (Екатеринбург)); Институт искусств (на базе Вэйнанского педагогического университета и МГПУ) и др.

Россия открыла 35 центров русского языка и культуры. В КНР русский язык преподается в 236 учебных заведениях. В нашей стране, по статистике, китайский язык изучается в 230 учебных заведениях, а общее количество изучающих китайский язык — 26 тыс. человек. С 2019 г. китайский язык стал пятым иностранным языком, по которому можно сдавать ЕГЭ⁷.

Интенсифицировался академический обмен по экономическим, медицинским, сельскохозяйственным, транспортным и иным специальностям. Планируется расширение двусторонней мобильности в рамках летних языковых школ, исследовательских лабораторий, олимпиад школьников. В 2011 г. было подписано более 60 соглашений о реализации совместных фундаментальных проектов⁸.

⁶ Положевич Р. С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 63. С. 150–151.

⁷ Рособрандзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку [Электронный ресурс] // Министерство образования Московской области: сайт. URL: <https://mo.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/24-09-2018-10-05-27-rosobrnadzor-rasskazal-o-ege-po-kitayskomu-yazyku> (дата обращения: 06.06.2022).

⁸ Сырямкин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В. Указ. соч. С. 22.

Ярким примером межкультурного диалога является активное участие России во всемирной сети китайских культурно-образовательных центров «Институт Конфуция» (название предложено членом Госсовета Чэнем Чжиливом. — *А. Р.*), созданных по инициативе Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань). Первый официальный институт был открыт 21 ноября 2004 г. в Сеуле. К моменту закрытия границ вследствие пандемии в мире насчитывалось более 550 институтов и около 1200 классов Конфуция, обучающихся почти 2 млн слушателей⁹.

В России первый Институт Конфуция был основан 21 декабря 2006 г. во Владивостоке на базе ДВГУ при участии Хэйлунцзянского университета (КНР). Появились подобные центры в Благовещенске, Чите, Иркутске, Новосибирске, Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге и других городах. В РФ, по данным на 2019 г., действовали 19 институтов и 5 кабинетов Конфуция¹⁰. Первоначально Институт Конфуция декларировался как центр популяризации языковых и культурных традиций по аналогии с Гёте-Институтом, Институтом Сервантеса, «Альянс франсез». После провозглашения Си Цзиньпином государственной доктрины «Сообщество единой судьбы человечества» (СЕСЧ)¹¹ при сохранении языковых приоритетов важное значение стало придаваться преемственности мировоззренческих основ конфуцианства и современной идеологии.

Одно из центральных мест занимает сотрудничество в области науки и новейших технологий. Стороны обозначили интерес к созданию совместных исследовательских центров при АН КНР и РАН РФ¹². Обсуждалось около 150 совместных проектов в приоритетных направлениях: новые материалы, наноструктуры, биотехнологии, микробиология, физика высоких энергий, энергосберегающие технологии. В 2018 г. было подписано соглашение о совместной деятельности в ключевых областях: 1) исследование минеральных и биологических ресурсов глубоководных морей; 2) проблема изменения климата; 3) создание высокомоощных лазерных систем; 4) нейронауки; 5) изучение космоса; 6) исследования Тибетского плато¹³.

В ноябре 2019 г. Шанхайским институтом оптики и точной механики и Институтом прикладной физики РАН была организована совместная лаборатория

⁹ Подробнее см.: *Селезнева Н. В.* Указ. соч.

¹⁰ *Лузянин С. Г.* Настоящее и будущее российско-китайских отношений [Электронный ресурс] // Заседание президиума Российской академии наук. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f45dd95b-8cd1-459c-9dcc-849e76833eb9> (дата обращения: 06.06.2022).

¹¹ *Бояркина А. В., Печерица В. Ф.* Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества» — вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4 (55). С. 104.

¹² *Петровский В.* Российско-китайское сотрудничество в сфере науки, техники и инноваций: международный контекст, теория, алгоритмы и институты: тезисы доклада на заседании Координационного совета по изучению инновационного развития Китая и российско-китайского сотрудничества Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (4 марта 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2020/04032020/Tez_Petrovsky.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

¹³ *Сыряжкин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В.* Указ. соч. С. 21–22.

по созданию сверхмощных лазеров в 100–200 петаватт¹⁴, позволивших значительно удешевить технологию квантового компьютера. Для дальнейших исследований под руководством российско-британского физика проф. Алексея Кавокина при университете Уэстлейк (Ханчжоу) был построен специальный научно-исследовательский центр, финансируемый правительством КНР¹⁵.

В 2020–2021 гг. Россия и Китай планировали проведение около 800 мероприятий: научно-технические выставки, молодежные конкурсы в сфере инноваций и предпринимательства, обмен высококвалифицированными специалистами, — которым не суждено было состояться вследствие пандемии. Были определены новые направления сотрудничества: искусственный интеллект, большие данные, новые энергоресурсы, Интернет, биотехнологии, аэрокосмическая промышленность¹⁶.

Наблюдается активное партнерство в сфере искусства, в частности литературного творчества. Вехой в культурном диалоге стала публикация в 2005 г. десяти томника «Литература русской эмиграции в Китае», подготовленного проф. Ли Яньлином. Важнейшим событием также стало издание типографией «Куньлун» восьмитомной серии русских писателей, в которую вошли произведения Е. Евтушенко, Ю. Козлова, Л. Улицкой, Ю. Бондарева, В. Быкова и др. В 2011 г. состоялся XII конгресс Международной ассоциации преподавателей литературы с участием более тысячи русистов из 48 стран мира (материалы опубликованы издательством Education Press в 5 томах¹⁷). Согласно ведущему русисту профессору Лю Вэньфэю, наша страна до настоящего времени занимает первое место в области переводов на китайский язык художественной литературы¹⁸.

Показательна судьба романа Н. Островского «Как закалялась сталь» в Китае, имеющего более 20 переводов (первый был сделан в 1942 г.) и 57 переизданий общим тиражом 2,5 млн экземпляров. Образ идейно стойкого Павла Корчагина до сих пор остается популярным. В исследовании Чжана Юнсяна показано, что в русскоязычном Интернете поисковая система выдает 18 тыс. упоминаний романа, а на китайском языке — 373 тыс. ссылок (т. е. двадцатикратное превышение, что показательно и с учетом различного числа пользователей. — *А. Р.*). В 1999 г. был снят одноименный 20-серийный

¹⁴ Президент РАН: ученые РФ и КНР будут взаимодействовать в создании сверхмощных лазеров [Электронный ресурс] // Российская академия наук: сайт. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=1fcb8d15-4db3-4191-8a5e-4eba4df0a212> (дата обращения: 06.06.2022).

¹⁵ Ученые Российского квантового центра рассказали в Давосе о будущей «квантовой революции» [Электронный ресурс] // Российский квантовый центр: сайт. URL: <https://rqc.ru/article/%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B5> (дата обращения: 06.06.2022).

¹⁶ Россия и Китай подтвердили планы сотрудничества в области науки и высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: сайт. URL: https://old.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2254 (дата обращения: 06.06.2022).

¹⁷ Россия и Китай обменялись литературой // Российская газета. 2019. 3 сентября. № 7953.

¹⁸ Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае [Электронный ресурс] // Журнальный зал (ЖЗ): сайт. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-izuzhenie-russkoj-literatury-v-kitae.html> (дата обращения: 06.06.2022).

сериал с участием российских и украинских актеров, а песня саундтрека «Там вдали, за рекой» стала шлягером. Вместе с тем существует и резкая критика. По заявлению профессора Юя Ичжуна, роман не соответствует высокой оценке читателей, не имеет литературных достоинств, а показанный в нем мятежный дух отравил умы нескольких поколений китайцев¹⁹.

Неизменным успехом в среде российской интеллигенции пользуется китайская литературная классика: Цю Чуцзи «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»); Цао Сюэцинь «Хунлоу мэн» («Сон в Красном тереме»); Ши Най-ань «Шуйху чжуань» («Речные заводи»); Ло Гуаньчжун «Саньго чжи» («Троецарствие») и произведения современных писателей: Чэнь Жаня, Линь Бая, Хай Наня, Сюй Куня, Ван Шо и др.

Группой ученых Забайкальского госуниверситета (Г. Ахметова, А. Горковенко, С. Петухов) было проведено исследование знания русской литературы китайскими студентами-филологами (Сямыньский университет и др.). Было выявлено первенство двух писателей — А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Установлена следующая закономерность: произведение известно больше, нежели сам писатель. Отмечена характерная деталь: из предложенных тем чаще выбирают древнерусскую литературу, так как в ней, по мнению китайцев, нужно искать разгадку русской души²⁰.

Важное место занимает межкультурная коммуникация в сфере киноискусства: прокат, фестивали, обмен материалами кинофондов²¹. В рамках фестивальных кинопоказов впечатление на российского зрителя произвели шедевры Чжана Имоу «Дом летающих кинжалов» (2004), «Проклятие золотого цветка» (2006), «Цветы войны» (2012); Ли Аня «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000); Чэна Кайге «Прощай, моя наложница» (1993). Знаковым является недавний комедийный фильм Сюя Чжэна «Затерянные в России» (2020), иронично рассказывающий о стереотипах и предубеждениях китайских туристов в отношении северных соседей. Неожиданно большой отклик у молодежной части китайской киноаудитории находят современные российские ленты военного содержания: «Сталинград» (2013) Ф. Бондарчука; «Мы из будущего» (2008) и «Матч» (2012) А. Малюкова; «Т-34» (2018) А. Сидорова; «Рубеж» (2018) Д. Тюрин; «Высота 89» (2006) В. Никифорова; «Подольские курсанты» (2020) В. Шмелева и др. У зрителей старшего поколения по-прежнему популярна советская киноклассика: «Тихий Дон» (1957) С. Герасимова, «А зори здесь тихие...» (1972) С. Ростockого, «Экипаж» (1979) А. Митты, «Служебный роман» (1977) Э. Рязанова и др.

¹⁹ Цит. по: Ци Хаймань, Сигов В. К. Советский героико-патриотический роман в Китае — «Как закалялась ситаль» в двух направлениях мысли // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 7. С. 210.

²⁰ Петухов С. В., Горковенко А. Е. Указ. соч. С. 173.

²¹ Российско-китайское сотрудничество в области кино активно развивается — эксперты СПБМКФ [Электронный ресурс] // ИА «Синьхуа»: сайт. URL: http://russian.news.cn/2019-11/15/c_138558033.htm (дата обращения: 06.06.2022).

В последние десятилетия интенсифицировались связи в сфере средств массовой информации. Было подписано соглашение «Российской газеты» с крупнейшими китайскими медиаструктурами: Международным радио Китая, информационным агентством «Синьхуа», газетами «Чжунго Жибao», «Хуаньцю Шибао»²². Кроме того, существует договор между «СПБТВ МЕДИА» и Медиакорпорацией Китая о получении лицензий на вещание в России китайских каналов CGTN, CGRN-Русский, CCTV-4²³. В августе 2019 г. в Харбине был подписан меморандум о сотрудничестве новостного агентства Sputnik и интернет-портала «Дунбэйван» (DBW)²⁴. С обеих сторон подчеркивалось: «Профильные ведомства и СМИ двух стран должны беспристрастно освещать совместные научно-технические проекты, опровергая недостоверные сообщения и избегая явной антикитайской и антироссийской риторики»²⁵.

Результативный диалог двух культур происходил на приграничных территориях в зоне торгово-миграционного взаимодействия. Дружественные связи отражены в творчестве российских писателей-дальневосточников: В. Рыльского, Ю. Ефименко, Н. Дьяковой, О. Маслова, В. Черкесова. В 2008 г. в районе рынка Благовещенска скульптором В. Разгоняевым установлен памятник «Лихим 90-м». Этой же теме посвящен ряд картин местных художников: «Хэйхэ – Благовещенск — дорога выживания» (2002) О. Петухова, «Частные предприниматели» (2009) А. Левашова²⁶.

Позитивным было взаимодействие в составе международных организаций. В контексте мероприятий БРИКС проводились министерские встречи и собрания должностных лиц по вопросам образования, защиты окружающей среды, борьбы со стихийными бедствиями. Проходили совещания по развитию Лиги университетов, урбанизационные, академические и гражданские саммиты. Центром естественно-научного знания проводились совместные занятия по вопросам нанотехнологий, борьбы с ВИЧ и т. д.²⁷

В рамках ШОС обеими сторонами было заявлено о намерениях оберегать культурное и природное наследие регионов вдоль маршрута Великого шелкового пути, а также о проведении совместных акций по охране культурно-цивилизационного наследия, противодействию хищению и незаконному вывозу исторических ценностей и др.

²² Сергей Иванов назвал отношения России и Китая образцовыми // Российская газета. 2016. 25 марта. № 6931.

²³ Российско-китайские документы, подписанные в ходе государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5411> (дата обращения: 06.06.2022).

²⁴ Sputnik расширяет сотрудничество с Китаем [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20160325/1396721831.html> (дата обращения: 06.06.2022).

²⁵ Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2020. С. 85.

²⁶ Горобец Л. А. Указ. соч.

²⁷ Доклад по итогам председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 гг. Москва, 2016. С. 5–7.

Серьезные перспективы для упрочнения коммуникации имеет присоединение России в 2015 г. к геополитической программе «Один пояс — один путь» (ОПОП), объединяющей 140 стран мира. Одним из значимых сегментов сотрудничества стала сфера образования. УрГЭУ (Екатеринбург) вошел в состав Стратегического союза высших учебных заведений, включающего 47 вузов с центром в г. Дуньхуан (провинция Ганьсу)²⁸.

Таким образом, можно отметить, что межкультурные связи между Россией и Китаем были и остаются главной составляющей в стратегическом взаимодействии двух государств. И взаимный интерес к культуре обеих стран продолжает оставаться значимым фактором для их дальнейшего сближения.

Заключение. В заключение необходимо отметить: выстраивание длительных дружественных отношений является одной из стратегических задач нашего государства. В значительной мере этим определяется партнерство в сфере культуры. Проведенное исследование свидетельствует, что китайско-российский диалог выстраивается не по законам соперничества, а благодаря аккумуляционному взаимообогащению культур. Результаты, достигнутые в этой сфере, выглядят не столь очевидными, как в военной и экономической областях, но от этого не менее значимы.

Можно констатировать, обоюдную заинтересованность в дальнейшем наращивании межкультурного диалога. Предпосылкой к этому являются протяженность общих границ и исторические примеры добрососедства. В последние годы человечество переживает беспрецедентную глокализацию вследствие пандемии COVID-19. В этих условиях интеграция культур на основе взаимного доверия, демонстрируемая в последние десятилетия, представляется особенно ценной и служит альтернативой нивелирующему самобытность мультикультурализму. Как отмечает известный китаист А. А. Маслов, «наши отношения перешли в область взаимного уважения, разумного прагматизма и способности отойти от противоречий. Мы — стратегические и добрососедские партнеры, но у каждой страны есть свои интересы. При этом мы научились за последние пару десятков лет не разминивать свои интересы в угоду конъюнктурным соображениям. <...> Да, Китай нередко настораживает россиян своей непонятностью и пугает экономической мощью, но при этом он нам очень близок по переживаниям как о нашей истории, так и о нашем будущем. Мы действительно чувствуем близость как минимум в наших устремлениях и идеях. Обеим странам сейчас слишком “узко” в рамках нынешнего миропорядка...»²⁹.

Таким образом, активное российско-китайское сотрудничество в различных областях культуры свидетельствует о конструктивных взаимоотношениях двух стран в начале XXI в. Китай в составе международных организаций (ШОС, БРИКС, ОПОП) выступает инициатором нового многополярного мироустройства. Такая тенденция находит отклик у российской стороны. Наша страна стремится к дальнейшему усилению культурного влияния, упрочению

²⁸ Михалев М. С. Указ. соч. С. 97–98.

²⁹ Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы. М., 2021. С. 334.

социально-экономических связей и обоснованию своих позиций на международной арене в качестве независимого центра силы.

Литература

1. Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества» — вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4 (55). С. 104–112.
2. Горобец Л. А. Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе: дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014. 142 с.
3. Доклад по итогам председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 гг. М., 2016. 89 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восточная литература, 2006–2010.
5. Кобзев А. И. «Великое учение» и учения великих конфуцианцев: монография. М.: ИВ РАН, 2011. 106 с.
6. Малявин В. В. Цветы в тумане: взгляды в Азию. М.: Наука, 2012. 384 с.
7. Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: РИПОЛ классик, 2021. 367 с.
8. Михалев М. С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6. С. 88–103.
9. Мясников В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. М.: Восточная литература, 2006. 547 с.
10. Петухов С. В., Горковенко А. Е. Русская литература в информационном пространстве Китая: к вопросу межкультурного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 170–174.
11. Положевич Р. С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 63. С. 147–170.
12. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 254 с.
13. Селезнева Н. В. Институты Конфуция как инструмент “мягкой силы” Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 291–305.
14. Сырямкин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В. Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // Инновационная Россия. 2011. № 6 (152). С. 19–26.

References

1. Boiarkina A. V., Pecheritsa V. F. Kontseptsii Si Tszin'pina «soobshchestvo edinoi sud'by chelovechestva» — vklad v tvorcheskoe razvitie marksizma v XXI veke [Xi Jinping's concept of “the community of the common destiny of mankind” is a contribution to the creative development of Marxism in the XXI century] // Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia. 2020. № 4 (55). P. 104–112. (In Russ.).

2. Gorobets L. A. Svoeobrazie vzaimodeistviia kul'tur Rossii i Kitaia v Dal'nevostochnom regione [The peculiarity of the interaction between the cultures of Russia and China in the Far Eastern region]: dis. ... kand. kul'turologii. Ekaterinburg, 2014. 142 p. (In Russ.).
3. Doklad po itogam predsedatel'stva Rossiiskoi Federatsii v mezhgosudarstvennom ob"edinenii BRIKS v 2015–2016 gg. [Report on the results of the Russian Federation's chairmanship in the BRICS interstate association in 2015–2016.]. Moscow, 2016. 89 p. (In Russ.).
4. Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia v 5 t. [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vols.] / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka RAN. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006–2010. (In Russ.).
5. Kobzev A. I. «Velikoe uchenie» i ucheniia velikikh konfutsiantsev: monografiia. [“The Great Teaching” and the teachings of the great Confucians: monograph]. Moscow: IV RAN, 2011. 106 p. (In Russ.).
6. Maliavin V. V. Tsvety v tumane: vgliadyvaia's' v Aziuu [Flowers in the fog: Peering into Asia]. Moscow: Nauka, 2012. 384 p. (In Russ.).
7. Maslov A. A. Kitai 2020: pandemiia, obshchestvo i global'nye al'ternativy [China 2020: Pandemic, Economy and Global Alternatives] / In-t Dal'nego Vostoka RAN. Moscow: RIPOl klassik, 2021. 367 p. (In Russ.).
8. Mikhalev M. S. «Odin poias, Odin put'» kak novaia vneshnepoliticheskaia strategiiia KNR. Kratkii analiz vnutrikitaiskoi diskussii [“One Belt, One Road” as a new foreign policy strategy of the People's Republic of China. A brief analysis of the intra-Chinese discussion] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2016. Vol. 9. № 6. P. 88–103. (In Russ.).
9. Miasnikov V. S. Kvadratura kitaiskogo kruga: izbrannye stat'i [Quadrature of the Chinese circle: selected articles]. M.: Vostochnaia literatura, 2006. 547 p. (In Russ.).
10. Petukhov S. V., Gorkovenko A. E. Russkaia literatura v informatsionnom prostranstve Kitaia: k voprosu mezhkul'turnogo vzaimodeistviia [Russian literature in the information space of China: on the issue of intercultural interaction] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 4. P. 170–174. (In Russ.).
11. Polozhevich R. S. Gumanitarnoe sotrudnichestvo Rossiiskoi Federatsii s Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi na sovremennom etape [Humanitarian cooperation of the Russian Federation with the People's Republic of China at the present stage] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2017. Vyp. 63. P. 147–170. (In Russ.).
12. Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2020: doklad № 58/2020 / [S. G. Luzianin (ruk.) i dr.; Kh. Chzhao (ruk.) i dr.]; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [Russian-Chinese Dialogue: Model 2020: Report № 58/2020]. Moscow: NP RSMD, 2020. 254 p. (In Russ.).
13. Selezneva N. V. Instituty Konfutsiia kak instrument “miagkoi sily” Kitaia: problemy i perspektivy razvitiia v novuiu epokhu [Selezneva N. V. Confucius institutes as a tool of “soft power” China: problems and prospects of development in a new era] // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'. 2021. T. 26. № 26. P. 291–305. (In Russ.).
14. Syriamkin V. I., Ian' B., Vaganova E. V. Obzor rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva v sfere nauchno-tekhniceskoi i innovatsionnoi deiatel'nosti [Overview of Russian-Chinese cooperation in the field of scientific, technical and innovative activities] // Innovatsionnaia Rossiia. 2011. № 6 (152). P. 19–26. (In Russ.).

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.12

Демидович Дарья Михайловна

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургская академия постдипломного
педагогического образования

Санкт-Петербург, Россия

d_demidovich@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1258-603X

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды:

сб. науч. статей / отв. ред. А. Б. Николаев.

СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 252 с.

Demidovich Daria M.

Candidate of Historical Sciences

St. Petersburg Academy of Postgraduate Studies

Teacher Education

St. Petersburg, Russia

d_demidovich@bk.ru; ORCID: 0000-0003-1258-603X

REVIEW OF THE BOOK:

The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views:

collection of scientific articles / responsible editor A. B. Nikolaev.

**St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical
University of Russia, 2021. 252 p.**

События Российской революции 1917 г. традиционно являются одними из самых изучаемых в отечественной исторической науке, а ее наследие имеет огромный исследовательский потенциал, что доказывает большое количество семинаров, конференций, посвященных этой проблеме. Ежегодная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды»,

© Демидович Д. М., 2022

проводимая кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, продолжает традицию, заложенную еще в конце XX в. выдающимся исследователем В. И. Старцевым. По итогам конференции выпускается сборник, в котором представлены исследования не только известных историков, но и молодых ученых — студентов и аспирантов. В 2021 г. в него вошло 20 статей, размещенных в пяти разделах: «Революция 1917 года: Петроград», «Революция 1917 года: Москва и провинция», «Историография», «Источники» и «Критика».

Открывает сборник небольшая статья-вступление, написанная С. М. Ляндресом и А. Б. Николаевым. В ней авторы характеризуют статьи, представляющие наибольший интерес, с точки зрения составителей сборника, а также рассказывают о конференции, ее истории и особенностях (с. 3–8).

Первый раздел сборника начинается статьей А. Н. Дозорова, посвященной роли запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка в решающие дни Февральской революции (с. 8–15). Автор подробно рассматривает порядок действий, предпринятый восставшими гвардейцами 27 и 28 февраля 1917 г. и приходит к выводу о том, что вклад запасного батальона Преображенского полка в Февральскую революцию был не менее важным, чем запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка, несмотря на интерес большинства отечественных исследователей к последнему.

В статье Е. С. Гавроевой «Письма во власть: М. В. Родзянко и комитеты общественной безопасности (март 1917 г.)» (с. 44–51) проведен анализ 485 обращений, в результате которого были выделены требования, выдвигавшиеся на местах: скорейший созыв Учредительного собрания и доведение войны до победного конца.

Изучению деятельности Русской православной церкви в дни Февральской революции посвящена статья С. Л. Фирсова (с. 51–67). Автор полагает, что революция позволила начать избавление от синодальной системы, однако провести необходимые реформы Церковь так и не смогла, а ее попытки найти свое место в новом государстве не увенчались успехом.

В статье Т. И. Пашковой «Учащиеся средних школ Петрограда в 1917 г.» внимание акцентируется на ключевых аспектах школьного образования после Февральской революции, которые привели к уничтожению дореволюционного образования в гимназиях и реальных училищах (с. 67–76). Трансформации образования во время революции посвящена также статья Т. А. Абросимовой «Студент “белоподкладочник” – “красный” студент: исторический перекресток (ноябрь 1917–1921 гг.)», рассматривающей эволюцию студенческого сообщества после Октября 1917 года (с. 156–165). Особое внимание автор уделяет противостоянию между «старым» и «новым» студенчеством, появившимся в результате «пролетаризации» университетов.

В статье М. А. Златиной анализируется деятельность еврейских благотворительных организаций на основе материалов трех еврейских русскоязычных периодических изданий, выпускавшихся в марте – мае 1917 г.: еженедельника «Новый путь», литературного журнала «Еврейская жизнь» и еженедельника «Еврейская неделя» (с. 76–84). Автор выделяет три общие темы, которые

волновали общественность в этот период. Во-первых, роль Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны в подготовке Всероссийского еврейского съезда, во-вторых, информация о съездах различных еврейских комитетов и, в-третьих, заметки о текущей благотворительной деятельности. Исследователь приходит к выводу, что еврейская пресса «несколько сменила приоритеты» и стала уделять больше внимания съездам и программам еврейских политических союзов, не забывая при этом и о деятельности благотворительных организаций.

В своей статье «“Русская музыкальная газета” и политическая жизнь Петрограда» Д. И. Стогов, рассматривая позицию редакции этого издания в период революционных событий 1917 года, отмечает, что она придерживалась умеренно-либеральных позиций и на словах поддерживала Февральскую революцию, однако часть статей свидетельствовала о сохраняющейся симпатии к старому строю (с. 84–94).

Несколько статей сборника посвящены персоналиям, игравшим заметную роль в событиях 1917 г. Значение деятельности председателя Петроградского совета Н. С. Чхеидзе во Всероссийском совещании Советов исследует в своей статье А. И. Петров (с. 94–105). Действия военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова в дни Апрельского кризиса анализирует М. В. Смотрина (с. 105–118). М. А. Князев в своей статье рассматривает деятельность дворцового коменданта В. Н. Воейкова в дни Февральской революции (с. 30–44). Автор приходит к выводу, что негативный образ руководителя царской охраны, предавшего самодержца, был сформирован генералом М. В. Алексеевым и лидером октябристов А. И. Гучковым, а позднее закрепился в воспоминаниях и мемуарах современников. М. А. Князев отмечает, что В. Н. Воейков продолжал в полном объеме выполнять свои обязанности и докладывал Николаю II всю доступную ему информацию об обстановке.

Безусловный интерес представляет статья П. Н. Гордеева, посвященная личности и деятельности первого комиссара Советского правительства в театральном ведомстве М. П. Муравьева, до этого момента практически не попадавшая в поле зрения исследователей (с. 137–156).

Важной для исследования истории революции является статья А. Б. Николаева, продолжающая цикл его исследований о деятельности временных судов в Петрограде весной – летом 1917 г. (с. 118–137). Автор анализирует правонарушения дворников, совершавшиеся ими до революции и после. На основе сравнения этих правонарушений А. Б. Николаев приходит к выводу, что после Февральской революции нарушения, за которые дворники попадали на скамью подсудимых, практически не изменились. Однако незначительное количество приговоров временных судов, выносимых дворникам, не позволило выяснить отношение судей к правонарушителям из этой профессиональной группы.

Второй раздел сборника «Революция 1917 года: Москва и провинция» включает в себя три статьи, посвященные революционным событиям в Москве, Олонецкой губернии и Финляндии. Рассматривая революционные события 1917 г. в Москве, О. Г. Малышева характеризует политические настроения москвичей накануне революции и после свержения монархии на основе

анализа стенограммы заседания Московской городской думы 7 марта 1917 г. (с. 165–174). В статье Е. Ю. Дубровской на материалах Олонецкой губернии исследованы различные аспекты политической жизни провинции после революционных событий октября 1917 г. (с. 188–198).

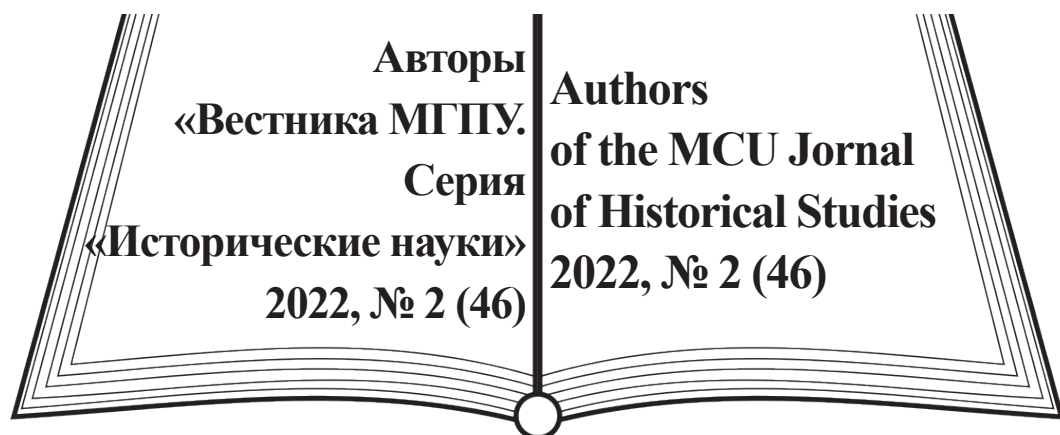
Темой статьи Д. А. Бажанова стала деятельность временных судов в столице Финляндии — Гельсингфорсе (с. 175–188). Автор приходит к выводу, что суды руководствовались не только неотмененными и сохранявшими юридическую силу судебными уставами и уложениями, но и принципом справедливости, проявлявшимся в решениях присяжных.

Большой интерес представляет статья В. В. Калашникова, посвященная советской историографии Русской революции (с. 199–209). Автор исследует историографию 1960-х гг., когда был преодолен целый пласт догматических положений исторической науки 1930–1940-х гг. Несмотря на то что в 1970-е гг. тезисы А. Л. Сидорова об однотипности российского и западного капитализма в эпоху империализма и о противоречиях высокоразвитого капитализма как главных причинах Октябрьской революции были опровергнуты, эта научная школа была важным этапом изучения Российской революции 1917 г.

В разделе «Источники» представлены две статьи. Работа Ф. А. Селезнева «Текст неизданного царского манифеста из бумаг генерала Н. И. Иванова» (с. 210–214) позволяет по-новому взглянуть на историю данного документа. Автор вступает в полемику с приверженцами теории о появлении манифеста в связи с всеподданнейшим докладом М. В. Алексеева и убедительно доказывает, что этот документ был создан в Ставке после получения «отрывочных сведений о разгорающейся в Петрограде революции» и передан Н. И. Иванову утром 28 февраля Е. З. Барсуковым. Несомненный интерес представляют и впервые опубликованные в статье А. В. Ганина протоколы допроса подполковника В. О. Каппеля от 2, 3 и 6 сентября 1917 г., представленные (с. 214–229).

Заключительный раздел сборника — «Критика» — также представлен двумя публикациями: отзывом официального оппонента А. Б. Николаева на кандидатскую диссертацию К. В. Ковырина «Российская православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.)» (с. 229–235) и статьей Т. Г. Фруменковой (с. 235–245), в которой на основе анализа экспонатов выставок «Октябрем по театру: 1917–1927» (Шереметьевский дворец, 1 декабря 2017 – 15 января 2018), «Искусство и жизнь» (корпус Бенуа Русского музея, 17 августа – 27 ноября 2017) рассматривает, как трансформировалось искусство и появлялась новая революционная культура.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемый сборник содержит научные труды, затрагивающие самые разнообразные аспекты истории революции 1917 г. в России и, без всякого сомнения, вносящие существенный вклад в историографию проблемы. Представленные в сборнике «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» материалы будут интересны не только специалистам по истории революции, но и широкому кругу читателей.

**Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Исторические науки»
2022, № 2 (46)**

**Authors
of the MCU Jornal
of Historical Studies
2022, № 2 (46)**

Арсланов Рафаэль Амирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Arslanov Rafael A. — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia – RUDN.

E-mail: ars_raf@mail.ru

Башмаков Михаил Борисович — кандидат исторических наук, заведующий научно-просветительским отделом Государственной публичной исторической библиотеки России.

Bashmakov Mikhail B. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Scientific and Educational Department of the State Public Historical Library of Russia.

E-mail: mikhailbashmakov@mail.ru

Власов Никита Анатольевич — кандидат психологических наук, медицинский психолог психиатрической клинической больницы № 4 им. П. Б. Ганнушкина.

Vlasov Nikita A. — Candidate of Psychological Sciences, Medical psychologist at the P. B. Gannushkin Psychiatric Clinical Hospital № 4.

E-mail: vlasov@psyinst.moscow

Демидович Дарья Михайловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общественно-научного и культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Demidovich Darya M. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social, Scientific and Cultural Education of the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

E-mail: d_demidovich@bk.ru

Дружинин Алексей Александрович — аспирант исторического факультета МГПУ, учитель истории и обществознания школы № 109 г. Москвы.

Druzhinin Alexey A. — Postgraduate student of the History Faculty of Moscow City University, Teacher of History and Social Studies of School № 109, Moscow.
E-mail: alexei.7676@mail.ru

Крылова Юлия Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Krylova Yulia P. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: julia.p.krylova@gmail.com

Омельянчук Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Российского института театрального искусства — ГИТИС.

Omelyanchuk Svetlana V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian Institute of Theatrical Art — GITIS.
E-mail: omelyanchuks@mail.ru

Печерский Владимир Арнольдович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Pechersky Vladimir A. — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Khakass Research Institute of Language, Literature and History.
E-mail: volody75.75@mail.ru

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Московского городского педагогического университета.

Ragimova Afat F. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Global and Russian History of Moscow City University.
E-mail: ragimova.afa@mail.ru

Смолякова Виктория Петровна — соискатель исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Smolyakova Victoria P. — Candidate of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: smolyakova_v@mail.ru

Суздальцев Илья Алексеевич — кандидат исторических наук, учитель истории школы № 1381 г. Москвы (ialoko90@mail.ru).

Suzdaltsev Ilya A. — Candidate of Historical Sciences, Teacher of History of School № 1381, Moscow.
E-mail: ialoko90@mail.ru

Халаев Захид Алиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Khalayev Zakhid A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: za120778@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О. автора (авторов)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском языке отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vseмирnoj i otechestvennoj istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], (3), 122–139. (In Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80. (In Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки».

**MCU Journal
of Historical Studies**

2022, № 2 (46)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 19.07.2022.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆, Бумага: офсетная.

Объем: 10 печ. л. Тираж: 1000 экз.